

уральский

следопыт

№12 ** 1974

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. Алексеев ДОРОГА К ЦЕНТРУ АЗИИ	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	7
В. Сибирев, В. Суворов, М. Шанбатуев СТИХИ	8
В. Тхоржевский ПАМЯТЬ... В ПРОБИРКЕ	10
П. Борисов ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ ОБ АВТОРЕ «ОВОДА»	15
Г. Осипов НОВЫЕ РУСЛА РЕК	16
В. Троицкий ПОДВИГ ШТУРМАНА В. И. АЛЪБАНОВА	17
А. Никитин КНИГИ С ЯРМАРКИ	18
А. Шушарин СВОИМ СУДОМ	19
В. Каплин НА ОЗЕРЕ МАГНИТ	37
М. Найдич ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ	38
А. Кухтурский И НАРЕКЛИ РЕКУ	39
В. Турунтаев МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ (окончание)	40
С. Слепынин ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК (окончание)	50
НОВИНКИ	72
МИР НА ЛАДОНИ	74
НОЛЬ ЧАСОВ НОЛЬ МИНУТ НОЛЬ СЕКУНД	76
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1974 ГОДУ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН (ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.
Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29/VIII 1974 г.
НС 31286.
Подписано к печати 10/X 1974 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 9,5
Тираж 270 000
Заказ 502.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки —
рис. Е. СТЕРЛИГОВОЙ
«Времена года»

© Уральский следопыт, 1974 г.

№12 * 1974

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ДОРОГА

Георгий
АЛЕКСЕЕВ

Рисунки
Н. Мооса

Путешествие по любой реке хочется начать с истоков. Енисей начинается в Кызыле — столице Тувинской АССР. Но как попасть туда? С запада и с востока, с юга и с севера от столицы республики темнеют коричневые полосы горных хребтов. Тува как бы закована в каменный мешок. Разве что — по Енисею?

— Вы что — смеетесь? — с изумлением ответили в Енисейском пароходстве. — Вверх по Енисею не пройти. Во-первых, на Красноярской ГЭС еще не построен судоподъемник. Но главное препятствие — Большая вода в верховьях, в это время года в Саянах тают снега.

Однако без связи с внешним миром нет и жизни. А республика, между тем, здравствует. Да, здравствует потому, что через горы перекинут надежный воздушный мост. Только многое ли увидишь из иллюминатора самолета?..

— А вы езжайте Усинским трактом, — посоветовали речники. — Увидите все. Этот тракт для Тувы — дорога жизни.

Пересекая Саяны, тянется с севера к Кызылу тонкая красная ниточка — шоссе. Точно артерия, с приближением к сердцу республики она расширяется. Но в горах ее петли столь тонки, что, кажется, перехвати их струйка вешнего потока, и пульс Тувы перестанет биться.

Но он бьется. Значит, ниточка эта надежна.

Путь — близок — километров девятьсот — и не легок. Наш шофер Леша укладывает в машину лопату, топор, трос, дюжину запасных камер.

В Красноярске взяли курс строго на юг. И запетляло асфальтированное шоссе среди живописных скал и енисейских распадков.

Мимо звезды первой величины — Красноярской ГЭС — не проедешь. От стометрового грохочущего водосброса плотины не оторвешь взгляда. Красив и машинный зал Красноярской ГЭС — он как огромный дворец.

В канун 50-летия Великого Октября два агрегата первой на Енисее гидростанции, каждый мощностью с Днепрогэс, дали промышленный

К ЦЕНТРУ АЗИИ

ток. Сегодня Красноярская ГЭС по своей мощности в четыре раза превышает все электростанции, построенные по плану ГОЭЛРО.

На левом берегу, чуть ниже плотины, опутанное металлическими конструкциями, возвышается гигантское сооружение, напоминающее океанский лайнер. Это и есть судоподъемник — уникальное сооружение века, подобного которому история мирового гидростроения не знает. Если на Красноярской ГЭС строить шлюзы, как это делается на равнинных реках, потребовался бы канал огромной длины: ведь бетонная стенка ГЭС разделила уровень воды на 100 метров! Поэтому для прохода судов здесь решено строить судоподъемник.

Зайдет теплоход в огромную судовую камеру длиной 90 метров, шириной 18, загудят 156 гидромоторов, и камера поднимет судно по наклонным рельсам на стометровую высоту. Откроются ворота, и подъемник отправит корабль в добрый путь по Красноярскому морю. Его место в гигантской металлической люльке займет теплоход, идущий сверху, и точно так же опустится вниз...

Заночевали в Абакане — столице Хакасии, и снова — дорога, через Минусинскую котловину к синему вдали зубчатому грядам невозмутимых Саян.

Легко скрипнули тормоза, и Леша, первым выйдя из машины, сказал:

— Здесь вот интересный памятник стоит.

На невысоком холме близ дороги стоит обелиск. На одной стороне надпись: «До Санктъ - Петербурга 5924 версты». На другой: «В. И. Ленин, следуя в сибирскую ссылку из Петербурга в Шушенское, находился в пути 81 день».

Далеко окрест под самую синь неба уходят пестрые, в лесах и нивах, холмы. И там и сям их пререзают искристые речки и ручейки. А под нами — широкая лента Енисея. Отороченный по берегам бах-

ромой леса, он змеей изгибается вокруг холмов и пропадает где-то далеко-далеко, у подножия затянутых голубой дымкой Саян. Не эти ли места в одном из писем домой В. И. Ленин назвал «сибирской Швейцарией»?..

Машину мы оставили далеко от Шушенского. Ступили за грань — и будто оказались в другом мире, в другом веке. Эта пропасть между прошлым и настоящим оттенялась близостью многоэтажных домов, на фоне которых улочка старого Шушенского выглядела особенно патриархально. Два порядка разнокалиберных домов, ни одного деревца возле них, по-сибирски крепкие заплоты, тяжелые ворота, навесы, дворы с телегами и перевернутыми на лето санями.

Если заходить в каждый дом мемориала, не хватит и дня, — заново восстановлено двадцать девять усадеб. Пимокатная. Дом крестьянина-рыбака с сетями и прутяными ловушками. Мелочная лавка. Дом охотника. Сапожная шпунга. Кабак... И как-то не можешь поверить, не можешь постичь, что здесь ходил, дышал этим воздухом великий из великих людей земли. Не просто жил, ждал конца ссылки, — работал: за три года написал около тридцати крупных работ.

Все восстановили здесь, как было тогда. И первую квартиру — уголок в четырнадцать квадратных метров — в доме Зырянова. И вторую квартиру Ильича — дом Петровой, куда переехал он по приезду Надежды Константиновны. Конторка, диван, кресла с витыми подлокотниками, полка с семью рядами книг...

Через двадцать лет после сибирской ссылки, при рассмотрении плана ГОЭЛРО, Ленин внес маленькую поправку. В плане электрификации России было записано: «...а в Сибири принимается во внимание только западная ее часть — те губернии и области, которые прилегают к Уралу». В. И. Ленин собственной рукой вписал короткое слово «пока», и фраза наполнилась глубочайшим смыслом: принимается лишь западная, пока мы не окрепли. И вот это «пока» ощущаешь сегодня и в мощном гудении высоковольтных линий, протянувшихся по таежным грядам от Красноярской ГЭС, и в несмолкаемом строительном гуле на самой крупной в мире Саяно-Шушенской ГЭС — совсем недалеко от тех мест, где проходила ссылка Владимира Ильича.

Наша «Волга» вновь подминает под колеса асфальтированную ленту шоссе. Тянигусы, как называет Леша затяжные подъемы, выводят нас на горную трассу.

Навстречу долго бежит речка Оя. Потом нас сопровождает Буйба. Уходят назад мшистые скалы, ряды елей, острых, точно пики. Вершины Саян курятся голубой дымкой. Любуйся, пока не набежала туча. Вот она, седая, вязкая и липкая, как паутина, коснулась ветрового стекла. Шофер включил «дворники». Уже накачивается расплывчатый желтый круг фар встречной машины. Стоп! Но машина не то утащила за собой, не то развеяла тучу. Внизу снова — серебристый поток реки. Дорога идет по узкой прибрежной полоске и скрывается где-то за уступами скал.

Дорога и река будто играют друг с другом в прятки. Река, вдруг бросившись наперерез трассе, прошумела под мостом и тут же спряталась в зарослях распадка. А вот — наоборот: дорога, вынырнув из-за высоченного утеса, хлестнула по реке мостом и, торжествуя победу, спокойно, прямоком пошла по другому берегу.

В местной газете, которую мы взяли на память перед отъездом, были опубликованы воспоминания И. Яшина.

«Мне приходилось путешествовать, — писал он, — по Усинскому тракту от Минусинска до Верх-Усинского в разные годы и в разное время. Первый

раз — в августе 1922 года, к месту службы в погранпост. На всем пути от села Григорьевки до поселка Селиванова на Иджиме нам встретилась всего одна подвода. Зато часто пересекали дорогу дикие козы. Перед станцией Оленья речка около часу пришлось стоять: впереди, за поворотом, что-то тщательно искал медведь. Так и ждали, когда он закончит свои дела.

Красив подъем на гору Кулумыс. Пока идешь вверх, успеешь и малины набрать, и смородины, и грибов насобирать. Поднимешься, зачерпнешь водички в чайник, веточек смородины добавишь, пока обоз поднимется — чай сваришь. Так бы и сидел здесь нескончаемо, слушал бы баюкающий шум тайги...

По реке Буйбе тогда еще стояли бараки тех, кто велением царской власти строил Усинскую колесную дорогу. Местами она была настолько узка, что подводы не могли разъехаться. Приходилось бежать вперед на перевал и предупреждать встречных, чтобы ждали в широком месте...»

И. Яшину хоть одна подвода встретилась, нам —

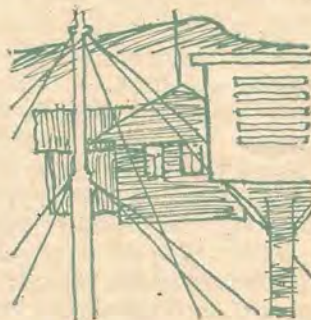
ни одной. Бегут по тракту «МАЗы», «ЗИЛы», «КРАЗы» с прицепами бензоцистерн, рефрижераторов, контейнеров. Давным-давно исчезли и бараки, хотя память в народе о них жива. Шоферы чуть притормаживают, поровнявшись с тремя елями, посаженными товарищами замученных каторжным трудом ссыльных. Про Усинский тракт тоже можно сказать: «А по бокам-то все косточки русские...»

Приметы старой колесной дороги с годами исчезают. Дорожники постепенно спрямляют многочисленные петли, сокращая путь от Абакана до Кызыла. Но путь еще длинен — 436 километров. А главное — трудный. Вешние потоки иногда обрывают красную ленточку трассы. Да мы и сами на одном из перевалов встретили колонну грузовиков и автобусов, которую вытаскивали из глубокой и вязкой колеи тракторами.

Буйбинский перевал поднимает нас на высоту почти двух километров. Холодно, моросит дождь. На склонах Саян белыми языками лежит снег. На иных вершинах он так и не успевает стаять за лето. Собственно, лето тут — в начале июля — еще не наступило. По обочине дороги рассыпались яркими огоньками майские цветы — енисейские жарки, синеют альпийские фиалки.

Машина делает головокругительные виражи на петлях. Семь гигантских петель-арканов насчитали мы до 178-го километра. В седловине перед гребнем Буйбинского перевала сквозь мелкую сетку дождя и тумана выглянули несколько домиков высокогорной метеостанции «Оленья речка».

«Температура воздуха минимальная за сутки — плюс 7,4 градуса, максимальная — 11,3. Ветер юго-западный, шесть метров в секунду. Атмосферные явления: сплошной туман, временами дождь, облачность низкая, 10 баллов». Это — запись первого наблюдения метеопоста «Оленья речка», переданная 1 июля 1926 года Александром Ивановичем Парышевым — пионером Саянской метеослужбы.

Сообщения с Буйбинского перевала оказались настолько важными, что здесь оборудовали постоянный пост наблюдения. Теперь уже всем известно, что гребень перевала является своего рода кухней погоды для всех Саян. Если за вершины зацепились дождевые тучи — жди осадков

в долинах, потянул зимой ветер — не избежать заносов. В середине июня метеорологи еще делают снегосъемку, а в середине сентября — снова снег. Бесснежных здесь всего 98 дней. Каждые

сорок метров подъема урезают у саянского лета один день. Близ Оленьей речки оно на целых пять недель короче, чем в селе Ермаковском, расположенном в восьмидесяти километрах отсюда.

Начальник станции Александр Казаков рассказывает о своей работе с воодушевлением:

— Восемь раз в сутки выходит дежурный наблюдатель на площадку снять показания приборов. Дождь, метель, гроза — ничто его не может остановить. И через каждые три часа летит в эфир сообщение: «На Оленьей речке все спокойно». Кызыл обрабатывает наши данные — температуру воздуха и почвы, влажность, облачность, направление ветра и передает в Красноярск. Там их используют для прогнозирования погоды в целом по краю. Но чаще всего передаем сообщения иного рода: «Молния! Всем! Шторм!». И через несколько минут дикторы в аэропортах Кызыла, Абакана и Красноярска объявляют о задержке рейсов из Тувы и в Туву. Автотранспортники предупредят водителей, чтобы те ночевали в низинах.

Саша Казаков приехал сюда вторично. Первый раз — по окончании Новосибирского училища. Второй — после службы в армии. Но второй раз уже не один — с женой Майей. Она его первый помощник и в работе — радистка. Первый год вместе с ними несут службу выпускники того же училища, техники-операторы Галя Козлова и Ира Кузьминых.

— Скучать некогда, — смеется Саша, показывая на люльку. — Но и без него не унывали. Имеем свой кинозал. Жаль только, телепередачи пока не можем принимать — горы мешают. Но я хочу с помощью антенного усилителя все же ловить передачи с Ермаковской ретрансляционной станции... Ну, а уж если тоска навалится, ружье в руки — и в лес, или с удочкой — к озеру. Вот — только что вернулся с рыбалки. Хариусов в озере — видимо-невидимо. На всю зиму удочкой на-таскиваю.

Мы и не заметили, когда он успел подарить шоферу банку с малосольным хариусом — сибирской форелью. Шофер открыл тайну только в Кызыле, когда обнаружилось, что нам нечем ужинать, а столовые уже закрылись. И хариус пришелся весьма кстати.

Неподалеку от станции Пограничная — так называют поселок близ бывшей границы между Тувой и СССР — с гор сбегает и тянется на несколько километров зигзагообразная бревенчатая изгородь. Это — мараловодческий совхоз, о котором

нам говорили в Минусинске. Невдалеке от дороги на горном склоне, не обращая внимания на автомашины, мирно пасутся олени-маралы. Те самые маралы, рога которых идут на приготовление ценного лекарства — пантокрин. Сегодня стадо насчитывает шестьсот с лишним голов.

В совхозе шел к концу сбор пантов. В самца выстреливают усыпляющей пулей, срезают рога и снова отпускают на волю. За год рога отрастают больше прежнего. Совхоз сдает государству до семисот килограммов сухих пантов в год.

На одном из перевалов обошли «Шкоду» с прицепом. Из кабины глядел молодой парень с обветренным лицом. Захотелось поговорить с ним, но чтобы не задерживать водителя, попросились к нему в кабину.

Толя Струков, как звали шофера Тувинского автотранспортного управления, — комсорг автоколонны, шестой год возит грузы в Тувинскую республику. Можно сказать, потомственный водитель: отец, Леонид Прокопьевич, четверть века водит машины по Усинскому тракту. Толя еще мальчишкой сопровождал отца в трудных рейсах. А теперь вот и сам сел за руль...

— Главное в нашем деле — товарищество, — не торопясь, рассказывает Струков.

И он вспомнил один из рейсов, когда на Буйбинском перевале колонну застала пурга. Кое-как добрались до поселка Малая Оя. Там — дорожный участок, но, как на грех, сломалась лапа у снегопаха. Вышли водители из кабин, отремонтировали снегопах, и уж вслед за ним пробились на Кызыл. Трое суток ушло на дорогу, вместо обычных двенадцати часов.

Развернув машину на крутой петле, Анатолий заговорил опять:

— «Шкода» и «МАЗ» эти виражи берут с одного захода. А вот «КРАЗам» приходится за три-четыре приема одолевать. Особенно если с железобетонными панелями или с другими крупногабаритными грузами.

Говорит это Анатолий без нажима, не жалуется, будто лишь констатирует факт. Похоже, такая дорога ему по нраву.

За день мы немало слышали счастливых и несчастливых историй.

Особенно много былей и небылиц рассказывают о Веселом повороте. Не унывающий все-таки народ — шоферы. Сколько аварий совершилось на этом коварном повороте, а для них он — «веселый»... Глянешь с вершины перевала вниз —

и по спине холодок: откос метров в триста. Зимой идут здесь машины со скоростью пешехода.

«Хан-Хо-Хан» — так называли Тувинскую котловину монголы, что означает «Большой мешок с маленьким отверстием». Маленькое отверстие — это долина Енисея, пробившего себе путь через Саяны. По ней когда-то на плотах спустилась до Минусинска и первая Тувинская делегация, направлявшаяся в Москву. Другого выхода в большой мир не было. Усинский тракт пришел на помощь тувинскому народу много позднее.

Главный инженер Тувинского автотранспортного управления В. Н. Антышев рассказал, что за год по дороге Абакан — Кызыл перевозится почти полмиллиона тонн грузов. Короче, все, что нужно республике, завозится автотранспортом. Несколько лет назад в Туве появились комбинаты общественного значения — «Туваасбест» и «Тувакобальт». Все стройматериалы для сооружения их, все технологическое оборудование было завезено транспортом на резиновом ходу.

Мясо, зерно, шерсть, кожа, пушнина вывозятся из Тувы. В последние годы металлурги Урала стали получать тувинский кобальтовый концентрат. Из него на Уфалейском никелевом комбинате производится кобальт самой высокой марки. А идет он на производство быстрорежущего

инструмента, а также — в качестве легирующей добавки — на заводы спецсталей. Сталь с добавкой уфалейского металла, выплавленного из тувинской руды, и в огне не горит, и в воде не ржавеет.

С 1964 года республика вывозит и асбест. Конечно, комбинату в Ак-Довураке по своим масштабам еще далеко до «Ураласбеста». Но он вносит свой вклад и в производство асбоцементных труб, и в электротехническую промышленность. Недавно вступила в строй еще одна трасса — Ак-Довурак — Абаза, по которой как раз и вывозится тувинская куделька. Если раньше асбест совершал до ближайшей железнодорожной станции путь почти в восемьсот километров, то с вводом новой трассы его дорога сократилась втрое.

В одном из передовых хозяйств — первом автотранспортном предприятии нас познакомили с героями саянской «дороги жизни». На площадке возле гаражей полощутся на ветру несколько вымпелов, поднятых в честь победителей соревнования. Один — в честь Юрия Николаевича Зюзина, первого автомобилиста республики, удосто-

енного звания Героя Социалистического Труда. Двадцать семь лет водит он машину через Саяны. И каждый год программу заканчивает досрочно. Коллеги считают его машину заколдованной — так редки у него поломки.

Или, к примеру, Михаил Федорович Демин. Старейший водитель, он на «ЗИЛ-164» проехал без капитального ремонта полмиллиона километров при нормативе 120 тысяч. И это — на такой трассе!

Семьями работают здесь многие водители: трое братьев Бортниковых, Поминовы и Баевы — отец с сыном, Улановы — отец и двое сыновей. Кызыл по-тувински означает «красный». Красным городом нарекли жители бывший Белоцарск в сентябре 1920 года при установлении народной власти. Самая молодая в братской семье народов автономная республика недавно отмечала 50-летие первого в истории тувинцев народного государства и 30-летие добровольного вхождения Тувинской республики в Советский Союз.

В 1930 году, когда с помощью советских ученых тувинский народ создал свою письменность, в Туве насчитывалось 26 буддийских монастырей, 4800 лам, тысяча шаманов и лишь один медпункт, а в трех школах монгольскому языку обучалось 160 человек. Ныне в 187 общеобразовательных школах обучается шестьдесят тысяч детей, из них десять тысяч детей животноводов живут и учатся в школах-интернатах на полном государственном обеспечении. Высшие и средние специальные учебные заведения Тувы подготовили для народного хозяйства около семи тысяч специалистов. В научно-исследовательских учреждениях, в лабораториях и учебных заведениях трудятся десятки кандидатов и докторов наук.

В Кызыле мы долго стоим у обелиска с надписью «Центр Азии». Здесь у подножия высокой горы сливаются Каз-Хем — Малый Енисей и Бий-Хем — Большой Енисей. Здесь он и начинается, Улуг-Хем — Великая река, Енисей-батюшка, который прорезает всю Сибирь — от центра Азии до Ледовитого океана.

● И неизвестные — известны

Краеведы Куйбышевской школы № 8 Среднеахтубинского района Волгоградской области установили триста фамилий солдат и офицеров, павших в боях Великой Отечественной войны. По ходатайству ребят переименованы улицы, установлен памятник. Благодаря их поиску определены пенсии матерям погибших. Краеведы школы-интерната города Михайловки тоже провели широкий поиск: установлено около двухсот имен погибших, теперь эти имена на мемориальной стене. Ребята получают теплые письма от родных и близких воинов, отдавших жизнь в боях за Родину.

Много лет школьники города Осинники Кемеровской области ведут во время экспедиций комплексное изучение своего края. Особо исследуются два наиболее интересных географических района — Горная Шория и Кузнецкий Ала-Тау. С годами темы исследований меняются: это сбор образцов горных пород, описание реликтовой растительности, поиск этнографического материала. Несколько лет назад юные исследователи заинтересовались ценным лекарственным растением — золотым корнем. Одна из послед-

них работ школьников — изучение древнего оледенения Кузнецкого Ала-Тау.

Мумия старика в средневековом могильнике, остатки храма десятого века в долине реки Большая Лаба, старинная женская одежда, переданная в Эрмитаж, — все это находки отряда археологов средней школы поселка Курджиново Урупского района Ставропольского края. За семь лет отряд отыскал на Ставропольщине более тридцати археологических памятников, которые взяты под охрану. Многие находки школьников переданы в Черкесский областной краеведческий музей, интересны экспонаты и школьного музея — это предметы различных эпох, и глубокой древности и времен Кавказской войны.

Поиск начался с фотографии 20-х годов, опубликованной более десяти лет назад в газете «Пионерская правда». На этом снимке ребята школы № 21 города Лобни Московской области увидели Надежду Константиновну Крупскую в окружении первых пионеров Лобни. С какой целью приезжала Надежда Константиновна! Где теперь те пионеры!

Чтобы ответить на эти вопросы, был создан клуб юных друзей Н. К. Крупской. Восстановить подробности приезда Крупской удалось сравнительно быстро, но вот имена пионеров оставались неизвестными. Однажды, в день очередных выборов, ребята вывесили фотоснимок в школе. И жители Лобни узнали на снимке своих давних друзей и подруг. Потом у ребят были волнующие встречи с первыми пионерами, которые стали почетными членами школьного клуба.

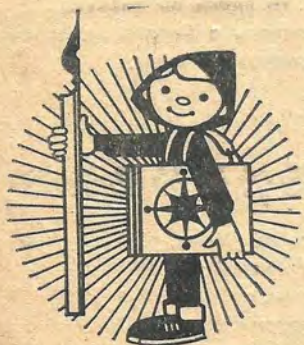

Ребята школы № 19 города Серова Свердловской области попросили ребят Высоковской средней школы Рыбновского района Рязанской области выяснить обстоятельства гибели земляка Героя Советского Союза летчика А. Серова. Ведь он погиб около села Высокогого. Рязанские следопыты выполнили просьбу уральцев и продолжили поиск. Завязалась переписка с летчиками, сражавшимися вместе с Серовым в Испании. В школе была открыта комната боевой славы, а на месте гибели Серова воздвигнутobelisk.

следопытская

хроника

На стуже, на ливне,

**Владимир
СИБИРЕВ**

Запоздалый дождь

Июльский ливень,
Как коса,
Прошелся в высушенных травах.
Метелки с чахлого овса
Сорвал и смял в ладонях ржавых,
Вода бурлила вслед ему,
Как расшалившаяся гостья.
Не понимая,
Почему
Грустны по-прежнему колосья.

Молодость

От залпов
Вздрагивали пушки.
От крови пухли вены рек.
И в мире не было кукушки,
Чтобы сулила долгий век.
Но пушки смолкли,
Зачехлились.
Вернулись реки в берега.
Давным-давно
Последний «виллис»
Сложил у кузницы рога.
А я как будто не старею,
И ветер века ледяной
Меня, как Дориана Грея,
Еще минует стороной.
И лишь закаты грусть наводят —
При них яснее видишь ты,
Что и в бессмертной
Есть
Природе
Свои горящие мосты.

**Виктор
СУВОРОВ**

Кузнец

Топорщится фартук,
Окалина скачет,
И молот в багровых руках
Словно мячик.
Взлетают каленые
Острые искры,
И жаркие взмахи
Упруги и быстры.
Кует он у горна
Светло и упорно,
И красной болванки
Меняется форма,
И гром поднимается в небо,
несется,
И, если вам надо,
Он выкует солнце.

Журавль

На длинной скрипучей ноге,
На стуже, на ливне, на солнце
Всю жизнь простоял он в тайге,
Прикованный цепью к колодцу.
Гнул шею свою день-деньской,
То в воду, то снова на воздух.
Лишь в полночь в бадейке с водой
Ловил златоперые звезды.

Снегирей-то на увалах,
Ах, какие снегири!
То сиреневым, то алым
Снег нетронутый горит.
Куржаком покрылось солнце.

на солнце...

Много сказок у зимы.
Принаряженные сосны,
Красногрудые холмы.
Снегирины базары,
Снегириный шум и гам.
Снегирины пожары
По глубоким по снегам.

Михаил
ШАНБАТУЕВ

Пристань

Слева Баренцево, справа Белое.
И живет между двух морей
Пристань гордая, пристань смелая,
Пристань северных кораблей.
Глянет в Белое, глянет в Баренцево,
Словно девица в зеркала —
Застесняется, раздумянится
И опять за свои дела.
Грузит баржи. Встречает — кормит.
Выдет на берег провожать,
И не в силах два синя-моря
Синих глаз своих оторвать.
Море к морю ее ревнуют,
Как соперники и друзья.
Два прибоя — два поцелуя
Посылают, и оба зря.
Море Баренцево сразу в шторм.
Справа волны и слева волны,
Как пощечины с двух сторон.
И тревожная и печальная,
Может, месяц, а может, год,
Всеми окнами и причалами
Днем ли, ночью ли Пристань ждет!
Справа море и слева море
А живет между двух морей
Не без гордости, не без горя
Пристань северных кораблей.

Олени

Монотонно, безлюдно
С каждой новой верстой
Лезла в души нам тундра
Вместе с голой тоской.
Лезли и холодили
камни, тощие мхи —
Будто тайно нам мстили
Не за наши грехи.
Вдруг, как радостный жребий,
Из-за черной гряды
Появились олени
С вожакom впереди.
Шли они, как награда,
Каменистой тропой,
Утро зимнего сада
Приподняв над собой.
Звон стоял над пустыней.
Мы боялись вздохнуть,
Чтобы с веточек иней
Невзначай не стряхнуть.
Было верить нам трудно,
Что в такой пустоте —
В обездоленной тундре —
Место есть красоте.

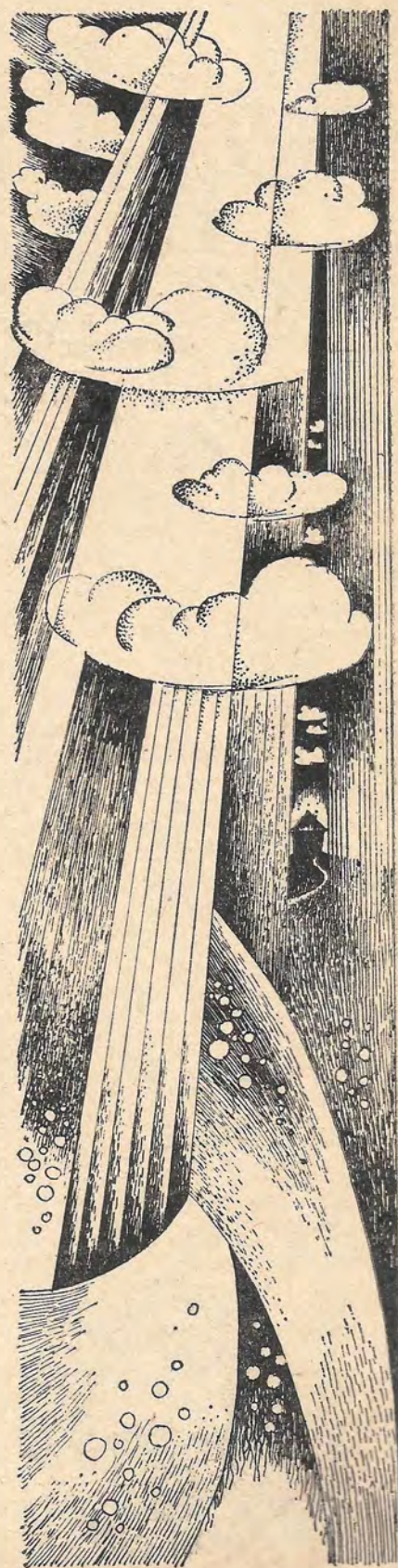

Рисунок
В. Меринова

ПАМЯТЬ... В ПРОБИРКЕ

**Виталий
ТХОРЖЕВСКИЙ**

*Рисунки
А. Лебедева*

1. Мир развивается во времени.

Каждый миг происходят все новые и новые изменения. Что объединяет бесчисленное множество отдельных кусочков времени? Память! Мир, лишенный памяти, представлял бы собою хаос отдельных событий, без всяких связей, причин и следствий.

Когда на досуге мы рассматриваем свои старые фотографии, то у нас не вызывает тени сомнения, что и ребенок в пеленках, и мальчик на велосипеде, и юноша с модной прической, и зрелый муж — все они одно и то же лицо. Свойство нашего мозга помнить прошлое так привычно, что мы не воспринимаем его как чудо. А между тем даже жизнь на Земле появилась только благодаря развитию памяти.

Представим себе нашу планету свыше одного миллиарда лет назад. В безбрежном океане, волны которого прокатываются от полюса до полюса, плавают крохотные комочки слизи. Это объединились между собой случайно образовавшиеся молекулы аминокислот. Но микроскопические комочки еще лишены памяти. Они без конца разрушаются и образуются вновь, не имея ни малейшего «представления» о своих прежних состояниях.

Допустим даже, что в один прекрасный момент аминокислоты случайно образовали молекулу хлорофилла, который способен добывать под действием солнечных лучей глюкозу, соединяя воду и углекислый газ. Можно ли считать этот момент началом жизни? Нет. В комочке слизи еще нет механизма памяти, который бы записал находку и передал ее потомству. Секрет молекулы хлорофилла погибнет вместе с ним. Повторное образование этой полезной молекулы уже не состоится. Простой расчет показывает, что даже простенькая молекула белка из десяти различных аминокислот могла бы появиться только в одном случае из 10^{10} .

Но не следует ли из этого, что автор ставит под сомнение даже и свое существование?! Конечно, нет. Мы являемся несомненным доказательством того, что эволюция нашла выход из создавшегося положения.

Однако этот выход связан отнюдь не с белковыми частицами, а совсем с другим химическим соединением.

В последние годы ученые доказали, что наряду с аминокислотами на остывающей планете могли появиться естественным химическим путем так называемые нуклеотидные основания. Сейчас известно пять таких оснований — урацил, аденин, цитизин, гуанин и тимин. Из них первые четыре легко вступают в связь между собой и образуют молекулы рибонуклеиновой кислоты — РНК, а четыре последние образуют дезоксирибонуклеиновую кислоту — ДНК. В отличие от молекул аминокислот они соединяются не как попало, а в строгой последовательности: урацил с аденином, цитизин с гуанином. В ДНК вместо урацила присутствует тимин, и соединяется он, соответственно, с аденином.

Таким образом, на Земле впервые появились четыре кодовых знака, иными словами — буквы. А если есть буквы, то ими можно что-нибудь записать. Из дальнейшего исследования свойств РНК и ДНК — нуклеиновых кислот — стало ясно, что аминокислота не может присоединяться только к одному нуклеотидному основанию, зато она может образовать химическую связь сразу с тремя основаниями. Как расшифровать этот генетический код? Известно, что каждую аминокислоту кодируют три буквы. Таким образом, остается выяснить, как 64 тройки из четырех букв записали порядок включения 20 различных аминокислот.

В задачу очерка не входит исследование того, какими сочетаниями тех или иных нуклеотидных оснований записаны различные аминокислоты. Для нас важно то, что появилась принципиальная возможность с помощью нуклеотидов записывать тот или иной порядок соединения аминокислот — кирпичиков, из которых построены все белки.

Снова вернемся к древнему океану Земли. В нем помимо массы аминокислот — теперь мы уже знаем — плавают нуклеотидные основания, которые тоже имеют тенденцию объединяться между собой. Представим,

что в одном из комочков слизи образовался хлорофилл. Но на этот раз последовательность аминокислот оказалась связанной с соответствующими им нуклеотидами. И даже разрушение молекулы хлорофилла уже не страшно — ведь информация о порядке включения его аминокислот записана в молекуле нуклеиновой кислоты. А эти молекулы обладают ценнейшим свойством воспроизводить себе подобных. Это связано с тем, что их основания вступают между собой в связь не как попало, а в строгой последовательности. Таким образом, нуклеиновая кислота не только сохраняет информацию о полезном белке, но и может снимать с нее неограниченное количество копий.

Но, как уже говорилось, случайное образование «осмысленной» белковой молекулы — вещь маловероятная. Поэтому правильнее считать, что не нуклеиновая кислота приставалась к скоплению аминокислот, а они сами присоединялись к ней в определенной последовательности. Но ведь сочетание букв в первичной нуклеиновой кислоте тоже было бы бессмысленным, к тому же она имела тенденцию снимать с себя точные копии или повторяться. Не попали ли мы снова в замкнутый круг?

Обратим теперь наш мысленный взгляд к солнцу. К. А. Тимирязев называл людей «детьми солнца» — такую важную роль оно играет в нашей жизни. В последнее время этой прекрасной звезде ученые отводят еще одно почетное место — двигателя эволюции. Дело в том, что наряду с теплом и светом солнце испускает на землю жесткое излучение, в том числе — ультрафиолетовые лучи. Генетики, изучающие наследственные свойства организмов, доказали, что это невидимое облучение оказывает существенное влияние на нуклеиновые кислоты. Под его воздействием происходят многообразные перестройки наследственного вещества, которые называются мутациями, в результате которых в готовом тексте возникают купюры, перестановки, взаимные замены.

Наконец, мы разорвали круг и нашли разумное объяснение нашему появлению на свет. С точки зрения математики появление разумного текста из четырех букв, взаимодействующих в определенном порядке, гораздо более вероятно, чем из двадцати букв. Двигателем этого процесса явилось излучение солнца, которое миллиард лет назад, кстати сказать, было гораздо более жестким — ведь защищающую нас от космических лучей атмосферу формировала сама нарождающаяся жизнь.

Весь остальной процесс эволюции, вплоть до появления человека, известен из работ Дарвина.

2.

Однако я обещал рассказать об удивительном свойстве человеческого мозга — о памяти, а вместо этого начал описывать происхождение жизни на земле. Как будет ясно из дальнейшего изложения, возникновение памяти в живой природе имеет к нам непосредственное отношение.

Обратим внимание еще на одно привычное чудо. Перед нами лежат три яйца, внешне очень похожих друг на друга. Если мы поместим их в термостат и запасаемся терпением, то через некоторое время из одного яйца проклянется цыпленок курицы, из другого — черепашка, а из третьего — крокодильчик. Три похожих предмета обратились в трех разных представителей животного мира. И сколько бы раз мы ни повторяли этот опыт, всегда из яйца крокодила выйдет крокодильчик, а из куриного — цыпленок.

«Знаю, знаю, — слышу голос читателю и пронизательного читателя. — Вы хотите сказать, что вся информация о развитии этих животных была уже записана в яйцеклетке, которую и представляет собою яйцо. Это пример наследственной памяти».

Давайте не будем спешить и понаблюдаем за новорожденными. Мы сможем увидеть, как маленький

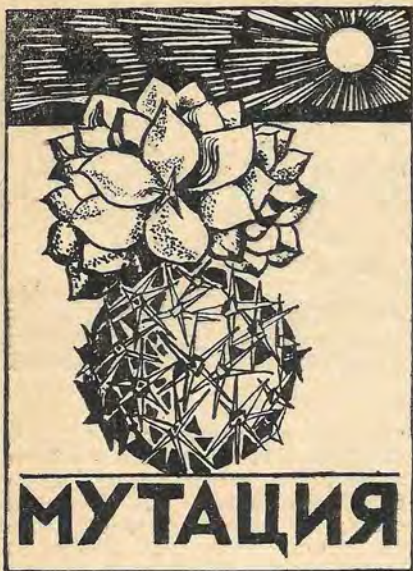
крокодильчик поспешит к воде, черепашка начнет зарываться в песок, а цыпленок станет клевать вокруг себя, хотя клевать еще нечего. Но откуда им известно, что они должны делать? Ведь крокодильчик никогда раньше не видел воды, черепашка — песка, а цыпленок — зерна и крошек. Откуда они с такой уверенностью знают, что все это на самом деле существует?

На этот вопрос может быть только один ответ: наследственное вещество передает будущему потомству не только сумму физических признаков, но и некоторое знание окружающего мира. Конечно, черепашке нет необходимости знать подробное устройство земли, но она твердо уверена, что здесь должен быть песок, в который ей надлежит немедленно закопаться от неведомой угрозы. Об этом ее предупредил инстинкт. И не только предупредил, а заставил действовать автоматически, хотя вокруг нет никакого песка.

Умозрительно мы ответили, что у животных безусловные рефлексы и инстинкты должны передаваться по наследству. Но современную науку такие умозаключения уже не устраивают. Ученые хотят знать: что передается, как, зачем?

На последний вопрос — зачем? — и сам читатель может ответить без особого труда. Предупреждающая информация чрезвычайно полезна для новорожденных. На первых порах она помогает избежать грозящих опасностей, найти нужную пищу, узнать собратьев. А ведь это тоже немаловажный факт. У новорожденных нет зеркальца, чтобы взглянуть на себя и воскликнуть: «О, да я же родился крокодильчиком!» Роль зеркальца для большинства из них выполняют запахи, многие из которых лежат гораздо ниже порога нашего обоняния.

Читатель даже может заметить, что безусловное поведение животных не всегда может оказаться на высоте. Стоит условиям окружающей среды резко измениться, и животное начнет совершать несурзные поступки. Если, например, в цирке морской

лев кажется нам «умным», когда жонглирует мячом, то с точки зрения природы он совершает бессмысленный поступок, поскольку рефлекс жонглирования должен относиться только к пойманной рыбе.

Так как среда, окружающая животных на протяжении их жизни, все время изменяется, то никакая наследственная память не в силах охватить все многообразие ситуаций. Ведь она, память, рассчитана, так сказать, на типичные случаи. Во всех других сложных положениях животное должно рассчитывать только на собственное уразумение. При этом происходит накопление уже индивидуального опыта. Если какой-нибудь волк во время облавы сумел однажды перескочить через красные флажки, тем самым нарушив наследственный запрет приближения к огню, то во время следующей облавы он поступит точно таким же образом. И вот на этом примере мы сами попадаем в окружение старой теории памяти, которая не позволяет нам понять, каким образом волк запомнил прежнюю облаву?

Дело в том, что ученые-нейрофизиологи довольно давно и достаточно внятно разработали теорию памяти. С их точки зрения в мозгу волка во время облавы происходит следующее.

Зверь слышит шум и стрельбу охотников — колебания воздуха во внутреннем ухе раздражают восприимчивый Кортиев орган, напоминающий арфу с натянутыми струнами. Отсюда сигнал тревоги поступает в мозг. Эта неприятная информация дополняется еще клетками обоняния, которые учуяли запах пороха. В мозгу в считанные секунды происходит сложная работа. Включается зрительный анализатор. Волк на-

чинает озираться — не появились ли где-нибудь посторонние движущиеся предметы? Напрягаются все мышцы тела. Уже до начала бега учащается дыхание — результат запрограммированного предвидения. В кровь выделяется адреналин — тоже на всякий случай: вдруг он будет ранен, тогда адреналин, как жгут, перетянет пораженные сосуды.

Наконец, построение модели ситуации в мозгу заканчивается. Волк (безусловно неосознанно) в последний раз советуется с голосом давно умерших предков — наследственной памятью — и решает: «Дело плохо. Надо бежать». Но вот на его пути вырастают красные флажки. Снова непредвиденная ситуация. Теперь в мозгу волка происходит настоящее раздвоение личности, ибо предки дают поистине диалектический совет: надо немедленно бежать — надо немедленно остановиться. Вот тут волку приходится шевелить собственным умом. Многие его собраты остаются на месте до тех пор, пока меткий выстрел охотника не прерывает их тягостного раздумья. Но наш волк оказался умнее. Решив про себя что-то вроде «двум смертям не бывать, а одной не миновать», он лихо перепрыгивает через многовековой запрет.

На свободе он гуляет до следующей облавы. Оказавшись в сходной ситуации перед флажками, он вспоминает свой прежний опыт и... Вот тут в засаду попадает наш гид-нейрофизиолог. Дело в том, что согласно его теории волк не может вспомнить, что было с ним раньше. И вот почему. Модель ситуации в мозгу возникает благодаря определенной циркуляции биотоков между отдельными нервными клетками, каждая из которых может быть в возбужденном или заторможенном состоянии. Иными словами, каждая нервная клетка-нейрон говорит свое «да» или «нет». Но такая оперантная память действует всего несколько минут, пока мозг находится в возбужденном состоянии. Но ведь вторая облава происходит не через пять минут, а, может быть, через пять месяцев! И волк согласно этой теории просто-напросто не может вспомнить столь отдаленное событие.

Оставим пока хищника, а сами постараемся найти выход из сложившейся ситуации. Наверное, у многих уже мелькнула догадка, что в организме помимо оперантной памяти, связанной с биотоками, должен содержаться еще какой-то ее вид, связанный с долгосрочным хранением. Иначе как бы мы могли помнить свое далекое детство?!

Давайте возьмем какое-нибудь животное, но не такое сложное и опасное, как волк, и поставим очень простой опыт. Для этой цели хорошо подходит морской червь — пла-

нария. Мы все проходили в школе учение академика И. П. Павлова, и выработай простой рефлекс у червя нам ничего не стоит. Возьмем планарию и будем одновременно раздражать ее электрическим током и освещать яркой лампочкой. От удара током планария резко сокращается. Для нас это не будет в новинку, когда через некоторое время при одном только освещении лампочкой планария также сократится. В примитивной нервной системе червя произошла выработка условного рефлекса. И память о нем будет сохраняться день за днем.

Теперь возьмем бритву и разрежем нашу обученную планарию на тысячи мелких кусочков, а затем скорим их планариями, которые сидят в аквариуме и ждут не дождутся корма.

После этой каннибальской процедуры приступаем к решительному опыту: вынимаем одну из плотно закусивших планарий и ярко освещаем ее лампочкой. И тут происходит чудо! Червь, который за всю свою жизнь представления не имел об электрическом токе, начинает сокращаться так, словно мы коснулись его электродами.

Знание, которое можно съесть, — вот куда завел автор! Выходит, что если я сегодня вечером съел кусок хека, то мне всю ночь будут сниться морские водоросли и акулы?! Так уж я лучше учебник по сопромату сгрызу!

Опыты с планариями вызвали подобное недоумение, но они, опыты, способствовали дальнейшему углубленному изучению этой проблемы. Приступая к этим опытам, шведский ученый Х. Хиден рассуждал, вероятно, так. Если наследственная память организма несомненно связана с нуклеиновыми кислотами, то не они ли также представляют и долгосрочную память, приобретенную индивидуальным опытом? И он поставил следующий опыт.

Над ванной с холодной водой натягивался канат. На него помещали крысу. Холодное купание ее не привлекало — неизвестно, что еще у экспериментатора на уме! — и крыса превращалась в канатоходца. А у экспериментатора на уме было следующее. Нервные клетки, которые ведают равновесием, расположены в так называемом ядре Дейтерса. При вскрытии мозга его легко можно обнаружить и исследовать. И вот оказалось, что эти клетки крыс-канатоходцев оказались насыщены РНК значительно больше, чем у контрольных крыс.

Другой опыт подтвердил участие нуклеиновой кислоты в мозговых процессах. В мозг вводились вещества, нарушающие образование нуклеиновой кислоты. У животных наблюдалось резкое ослабление памяти. Причем, если вещество, тормо-

зрящее образование РНК, вводили через час-другой после выработки условного рефлекса, то он сохранялся, а если раньше, то рефлекс забывался. Таким образом, было установлено, что долгосрочная память образуется в первые два часа после очередного урока.

Наконец, мы может отпустить нашего волка. Конечно же, он перепрыгнет снова через флажки, потому что у него было предостаточно времени закрепить полученный опыт.

А мы перейдем к конструированию механизмов долгосрочной памяти. При этом следует помнить, что в науке сплошь и рядом одна теория не устраняет, а дополняет другую. Подобно тому, как взгляды Эйнштейна не опровергают справедливость законов Ньютона, так и понятие о долгосрочной памяти не изменяет справедливость мнения нейрофизиологов о наличии в мозгу кратковременной оперантной памяти. Наоборот, как будет видно из дальнейшего рассказа, долгосрочная память находится в теснейшей взаимозависимости с оперантной.

3.

Новую теорию лучше всего начать с сомнений. Ведь потребность в ней возникает только тогда, когда прежняя теория уже не в силах объяснить новые факты.

Из сказанного выше явствует, что кратковременная память, основанная на биоэлектрических импульсах, не может охватить очевидных фактов длительного хранения приобретенных знаний и навыков.

Но, скажет скептик, на каком основании вы считаете источником долговременной памяти молекулы нуклеиновой кислоты. Ваши опыты мне кажутся неубедительными. В результате тренировок в мускулах спортсмена тоже скапливаются большие количества РНК. Значит, у него накапливается память о тренировках? Не убеждают меня и ваши опыты с блокированием РНК. Это соединение принимает активное участие во всех обменных процессах в организме. Его недостаток, конечно, приведет к ослаблению всех процессов в нервных клетках, поэтому ваш отравленный мозг не забывает, а просто не может нормально функционировать.

Скептик же, хорошо знающий генетику, нанесет завершающий удар: приобретенные признаки, как известно, не наследуются, следовательно, все РНК и ДНК в организме остаются неизменными и не могут нести в себе никакой иной информации, кроме заложенной до рождения.

Дискуссию со скептиками мы отложим на потом, точнее, — будем ее иметь в виду при построении нашей теории долгосрочной памяти.

Начнем же мы с того, что обсудим кандидатуры трех вероятных претендентов на хранителей «былого и дум». Почему среди многообразных химических соединений, входящих в состав нашего тела, мы выбрали именно ДНК, РНК и белок? Это объясняется тем, что все три вещества представлены длинными макромолекулами, что с точки зрения кибернетики позволяет хранить большой запас информации в столь миниатюрном приемнике. Кроме того, они широко распространены не только в мозгу, но и во всем организме, и очень активно участвуют в обмене веществ. А самое главное — они являются основным каналом реализации наследственных свойств. И мы их намерены рассматривать скорее не как конкурирующие приемники информации, а как дополняющие друг друга блоки.

Но, может, белок, поскольку его образование всецело зависит от ДНК и РНК, вообще можно исключить? Оказывается, нет. Опыты показали, что долговременная память исчезает не только при блокировании РНК, но и белка. Значит, и он необходим. Тогда, может, мы исключим ДНК, двойная спираль которой замкнута на себя и обладает большой устойчивостью к внешним воздействиям. Нет, оказывается, это тоже нельзя сделать по той причине, что от поколения к поколению наследственная память передается исключительно благодаря этому химическому соединению.

Х. Хиден считает, что в головном мозгу может существовать разновидность легко изменяющейся ДНК, которая меняет состав своих букв в зависимости от электрических импульсов.

Такое предположение, откровенно говоря, мне кажется маловероятным. Логичнее представить, что все многообразие информации, поступающей из внешней среды, записывается двойным шифром, наподобие азбуки Морзе. Роль этой азбуки в ДНК могут играть водородные связи. Одни пары нуклеотидных оснований имеют по две, а другие — по три подобные связи. Их чередованием может быть записан текст любой длины.

Когда мы строим модель запоминания, необходимо помнить и о другом противоположном процессе. К сожалению — или к счастью? — мы не только запоминаем, но и забываем. Правда, иной раз забываем то, что необходимо помнить, и помним то, что нам совсем не нужно.

Процесс забывания хорошо может быть объяснен, если мы будем считать, что, в конечном счете, память реализуется в специальных информационных белках. Ведь все белки нашего организма имеют тенденцию рано или поздно распадаться на

составные кирпичики — аминокислоты.

Часто бывает так: надо человеку срочно вспомнить какую-нибудь фамилию, а в памяти — провал. С трудом в общей картотеке информационных белков выищется обобщающая запись: эта фамилия каким-то образом связана с лошадью. Вот сиди и гадай — Конев или Лошаков? А происходит это, вероятно, потому, что распался нужный белок. Но проходит день-другой и человек вдруг вспоминает — Овсов! Что произошло? А то, что запись фамилии сохранилась в РНК, и она по мере надобности — зуб болит! — сделала оттиск очередной копии. А откуда же взялось понятие о «лошадиной фамилии»? Из обобщающих записей. Ведь в человеческом мозгу происходит не только анализ, но и синтез происходящих событий. Вот Овсов и синтезировался с лошадью.

Конечно, наш мозг не напоминает аккуратные стеллажи, на которых вместо книг лежат пронумерованные белковые молекулы. Если мы что-то помним, то вовсе не за счет образцового порядка, а благодаря большой избыточности — одно и то же сообщение может быть записано в сотнях тысяч клеток. Размеры мозга, состоящего из четырнадцати миллиардов нейронов, позволяют нам это. Подобная ситуация напоминает огромную свалку книг, в которой нам нужно, например, найти русско-английский словарь. Если он один, то разыскать его в куче почти невозможно, а если в ней находятся сотни таких словарей, то под руку нам всегда попадет один экземпляр.

И все-таки было бы неправильным считать, что наша память равномерно

но разбросана по всему мозгу. Невропатологи хорошо знают заболевание, при котором резко нарушается память. Даже не зная еще причины заболевания — опухоль, тромб, кровоизлияние, — они точно определяют место его расположения — стык теменной, височной и затылочной долей. Именно здесь концентрируются клетки, содержащие память. Вместе с потерей этих клеток люди теряют свое прошлое. Уже одиозными стали шутки над так называемыми склеротиками. А ведь это состояние мозга, когда в силу недостатка кровообращения гибнут нервные клетки, должно вызывать скорее не смех, а слезы. Только благодаря огромной избыточности мозга, люди могут продолжать работу даже после гибели целого полушария. Да еще как работать! Достаточно вспомнить Луи Пастера, который сделал все свои замечательные открытия, располагая только половиной мозга.

История знает немало людей, обладавших феноменальной памятью. В том, что некоторые люди с одного взгляда могут запомнить целую страницу текста, нет ничего удивительного, поскольку они запоминают ее, в отличие от нас, не логически, а автоматически. В их мозгу этот текст как бы отпечатывается в виде зрительного образа. И такой человек не вспоминает, а, по сути дела, снова считывает текст, который он удерживает внутренним зрением.

С точки зрения разбираемой нами теории долговременной памяти было бы очень интересно понять молекулярный механизм этого феномена. Однако ученые еще едва-едва подошли к пониманию механизмов самой обычной памяти.

Нам еще нужно ответить на возражения скептиков, а пока мы это можем сделать только умозрительно. Предлагаемая теория справедлива только потому, что она объясняет факты, которые пока нельзя объяснить иначе. Но мы можем предложить скептикам объяснить очевидные факты долговременной памяти, и они из ее противников вынужденно превратятся в ее проповедников.

Уже в настоящее время написано столько, что человеческий мозг не в силах постичь за всю свою жизнь. Половину хранящихся в крупных библиотеках книг никто ни разу не прочитал. Положение становится угрожающим. Информационный взрыв грозит утопить всех нас в волнах нематериальных сообщений. И если рядовой читатель продолжает нагружать себя знаниями, то исключительно в силу ориентировочного рефлекса, потому что всего все равно не упомнить.

И вот в самый критический момент спасительным оазисом показывается кибернетика. Могу спорить,

что самым естественным в появлении электронно-вычислительных машин явилось не то, что они способны решать разные математические головоломки, а, в основном, то, что они способны хранить большое количество информации и выдавать ее на-гора в упорядоченном состоянии.

Так может ЭВМ и решат нам все проблемы с памятью? Скорее всего — нет. Какими бы миниатюрными ни создавались полупроводниковые схемы, они выглядят неуклюжими Голиафами по сравнению с Давидами наследственного вещества клетки. Ведь в головке сперматозоида, который едва различим под микроскопом, хранится информации больше, чем во всех томах Британской энциклопедии.

смелая мечта современных школьников — образование для них займет всего долю минуты.

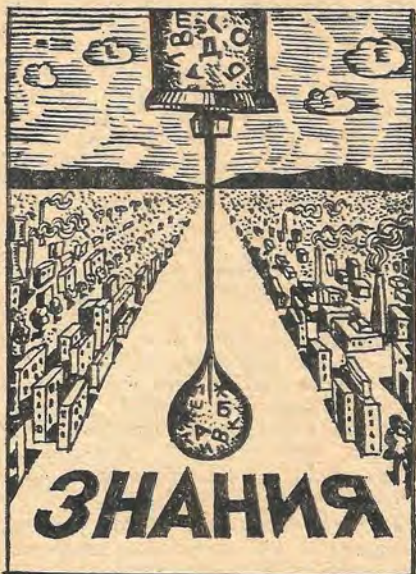
Единственное неудобство будет лишь в том, что придется делать укол, иначе в желудке весь благородный информационный белок переварится точно так же, как обычное яйцо. Но разве такое маленькое неудобство можно сравнить с тем, что будущий школьник, не открыв за свою жизнь ни единого учебника, в один момент получает энциклопедическое образование. Не нужно писать шпаргалки, дрожать на экзамене — информационные белки, достигнув нервных клеток, дадут точные сведения по любому вопросу.

«Свихнется бедный ребенок», — мрачно заметит пессимист. И будет не прав, потому что люди чаще сходят с ума не от избытка, а от недостатка информации.

Гораздо серьезней возникает вопрос «с другой стороны». Ну, положим, запишем мы все имеющиеся на Земле знания, а пробирка еще и до половины не заполнится. А откуда взять другую половину? Информационные макромолекулы могут хорошо хранить запас накопленных знаний, обрабатывать их, делать логические умозаключения, но они не в силах проверить правильность своих умозрительных моделей. Не возникнет ли в будущем разрыв между теоретическим знанием и его практическим использованием?

Выходит, что все будущие школяры, коль они так скоро получили полный объем знаний, могут быть сразу же привлечены к добыче новой информации. Получить ее можно только одним путем — постановкой многочисленных экспериментов. Ответы, которые даст природа, и будут постепенно заполнять вторую половину пробирки.

Наступит ли предел знаний по мере заполнения пробирки? Современная философия на этот вопрос отвечает отрицательно. Материя находится в постоянном развитии, а значит, процесс познания бесконечен. Поэтому, каким бы большим ни оказался сосуд, в котором потомки будут хранить свою память, он все равно не сможет вместить все многообразие бесконечного мира.

Вот тут мы вплотную и подошли к памяти... в пробирке. Если в крохотной клетке может содержаться такой огромный объем памяти, то каков он будет в целой «пробирке» — в человеческом мозгу?

Впервые проблему искусственного выращивания информации выдвинул польский фантаст Станислав Лем в своей известной книге «Сумма технологий». Имеет ли это предположение какую-нибудь научную основу под собой? С одной стороны — да. Исходя из опытов по изучению молекулярных основ памяти, первые шаги которых мы уже обсудили, можно предположить, что рано или поздно будет открыт код записи с ДНК — РНК на информационные белки. В этом случае наши потомки смогут записать все, что было известно до них и получают пробирку, содержащую весь объем знаний. Тогда в жизнь воплотится самая

Автор этой заметки
уроженец села
Всеволодоблагодатского,
что под Североуральском,
П. П. Борисов
был сотрудником
секретариата Организаций
Объединенных Наций,
советником посольства в Канаде.
Как-то ему в руки
попал номер «Огонька»
с заметкой о судьбе
английской писательницы
Э.-Л. Войнич.

Это было неожиданностью —
автор любимого им романа
жива?

И живет где-то в Нью-Йорке,
может быть, рядом с нами?
Он с трудом отыскал
маленькую квартирку
на семнадцатом этаже
небоскреба.

Здесь в полной безвестности,
тихо и скромно
жила 92-летняя
английская писательница
Этель-Лилиан Войнич.

Советский дипломат,
бывший учитель из Серова
Петр Павлович Борисов,
его жена Феодосия Ефимовна
и дочь Иринка

стали первыми советскими людьми,
посетившими осенью 1955 года
Э. Войнич в Нью-Йорке.

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ ОБ АВТОРЕ «ОВОДА»?

Петр
БОРИСОВ

В 1955 году, когда удалось
отыскать Войнич, наша страна
как бы заново «открыла»
для мира эту замечательную писа-
тельницу. После нескольких сенса-
ционных статей в газетах США
«Овод» был издан там большим ти-
ражом и разошелся за несколько
дней. Газеты многих стран мира пе-
репечатывали удивительную биогра-
фию Э. Войнич и историю ее книги.
Так что же мы не знаем об
Э.-Л. Войнич?

Мне посчастливилось часто встре-
чаться с Э. Войнич в Нью-Йорке, а
затем много лет переписываться с
ней. Не раз я слышал, что она на-
зывает себя композитором.

После просмотра фильма «Овод»
Э. Войнич наряду с критическими за-
мечаниями о своем фильме высказа-
ла некоторые суждения и о музыке
к нему, написанной Д. Шостакови-
чем. Она считала, что следовало бы
шире использовать итальянскую му-
зыку времен, описанных в романе.
По мнению Э. Войнич, «Итальянское
каприччио» П. И. Чайковского могло
бы явиться самым хорошим сопро-
вождением к фильму.

Э. Войнич написала целый ряд
кантат, ораторий и других произве-
дений для хора и оркестра и среди
них — ораторию «Вавилон». «...Если
я и создала что-нибудь, оправдываю-
щее мое существование, то это —
«Вавилон». В одном из разговоров
с нами Э. Войнич, немного волнуясь,
сказала, что это произведение самое
ценное из созданного ею, и добави-
ла: «Когда вы прослушаете «Вави-
лон», то убедитесь, что я компози-
тор, а не писатель».

В одну из встреч она завела раз-
говор о том, что получила из Мо-
сквы письмо, в котором ее просили
объяснить, откуда в ее автобиогра-
фическом произведении «Оливия
Лэтэм» взяты слова к песне о Сте-
пане Разине. Действительно, в этой
книге приведены слова из песни,
неизвестные у нас.

По древнему обычаю, казаки бро-
сали в Волгу хлеб и соль. В песне
приводятся слова Разина:

«Разве нет у нас подарка
побогаче?
Не зазорно ли дарить ее
хлебом?»

Не в диковинку ей хлеб наш
казацкий!
Коль захочет Волга-матушка
дани,
Все челны наши перетопит,
расшвыряет,
По волнам разбросает!
Я не крохами оделю мать
родную.
Ей бесценный пожалуйю дар я.
Ох ты, Волга, всех рек
русских матерь,
И меня ты, как мать,
взрастила,
Серебром, златом щедро
надела,
Чести, славы для меня не
пожалела,
От врагов грозных не раз
укрывала,
Только я тебе подарков не
делал,
За добро твое с тобой не
рассчитался.
Не гнушайся же теперь моим
подарком —
На, прими от твоего верного
сына.»
(Разин бросает княжну в реку.)

Войнич сказала, что эту песню
она записала, когда была в России.
Я, как смог, пропел популярную у
нас песню о Степане Разине. Э. Вой-
нич не знала ни этих слов, ни напе-
ва. Она немного приподнялась на
подушках и взволнованно пропела мо-
тив той песни, которую она когда-то
слышала.

Впоследствии писательница шути-
ла, что песня о Степане Разине яви-
лась для нее самым главным лекар-
ством.

Перед моим отъездом в отпуск
Э. Войнич передала мне три своих
музыкальных произведения.

Специалисты, ознакомившиеся с
нотами, считают, что оратории и кан-
тата необыкновенно трудны для ис-
полнения, поэтому широкая публика
и не знакома с музыкальным творче-
ством Э. Войнич.

НОВЫЕ РУСЛА РЕК

**Геннадий
ОСИПОВ**

Знаменитая хлебная Кулунда не богата озерами. Те, что есть там, — соленые. А речки кулундинские к осени в ручьи превращаются или вообще пересыхают. В общем, рыбе тут водиться по существу негде, и чайкам в Кулунде делать нечего. И все же быть им тут, и довольно скоро...

Этот край сибирский в прошлом размахом мелиорации похвалиться не мог. Разве что древние алтайцы строили у себя в горах примитивные оросительные системы, да сооружена была в годы Советской власти Алейская система — вот и все. А сейчас речь идет о небывалом: на Алтае осуществляется один из самых фантастических по размаху проектов XX века — переброска сибирских рек на засушливый юг.

6 августа 1973 года под городом Камень-на-Оби бульдозеры начали рыть Кулундинский канал, который положит начало освоению громадного Срединного региона — территории, раскинувшейся от Каспия и Урала на западе до Енисея на востоке, от Карского моря на севере и до государственной границы СССР на юге. С востока на запад и на юг потечет до 75—80 км³ воды в год. История мировой гидротехники не знает сооружений подобного рода. Ведь по существу появится вторая Волга длиной в три тысячи километров, шириной в 400—500 метров и глубиной до 12—15 метров.

Кулундинский канал лишь часть этой системы. Однако именно через него пойдет к югу Енисей. А пока канал будет забирать воду из Оби. Есть в верхнем течении Оби приток Алей. Этот приток, поднятый насоса-

ми на высоту пятиэтажного дома, и пойдет в Кулунду.

Кулундинский канал в довольно близком будущем — в середине десятой пятилетки — поможет житнице Западной Сибири — Кулундинской степи — стать еще богаче. Только на протяжении первой своей очереди в 280 километров канал оросит несколько десятков тысяч гектаров.

...Ревут в степи под городом Камень-на-Оби могучие дизели. Все дальше к западу уходит русло канала. Страна послала сюда самые опытные кадры — строителей Камского автозавода, Вилуйской и Усть-Илимской ГЭС.

Но сооружением канала не исчерпывается программа мелиоративных работ на Алтае. В крае планируется строительство крупных групповых водопроводов для 16 районов степной и лесостепной зон.

Удивляя и радуга...

Владимир
БЛИНОВ

КЛУБНИКА

Мальчик нарисовал на мостовой коня. Конь получилась как настоящий. Сверстники смотрели на ловкий рисунок и кричали: «Коль, Коля, и мне, и мне нарисуй такую лошадку!». Коля Засыпкин улыбаясь, рисовал еще и еще.

Но нарисовать «похоже» — это еще не значит быть художником. Только годы упорного труда, раздумий над холстом, поиска своей палитры принесли признание таланта Николая Григорьевича Засыпкина.

За последние годы проводится много выставок. Сейчас, пожалуй, трудно найти в экспозициях откровенно слабые работы. Тем не менее, нередко взгляд зрителя равнодушно скользит по полотнам, как бы листая знакомые страницы знакомой книги, написанной грамотно и даже занимательно, но, увы... И вдруг! Вдруг останавливаешься и уже долго не можешь отойти от полотна, на первый взгляд, с сюжетно неброской темой, но на самом

СОНЯ

УРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Н. НИКОНОВ

деле глубокой, заставляющей думать, возвращаться к увиденному, снова и снова соперничать с мастером. Таковы работы Николая Засыпкина.

Посмотрите на натюрморт «Клубника». Какой он «вкусный», свежий, манящий. Но только ли! Кажется, само солнце, и щедрая земля, и человек, вырастивший это чудо, беседуют с нами, любясь своим трудом.

В стихотворном цикле «Поэт и че-

ловек» Эдуардас Межелайтис говорит: «Нелегко человеку преодолеть в себе изначально заложенное в него, но еще трудней человеку преодолеть предел самого себя, который обычно кажется ему пределом».

Постигнув секреты мастерства, выработав самобытный живописный язык, Н. Г. Засыпкин на этом не останавливается. Ему исполнилось 50 лет, полвека, а поиск продолжается! И вот мы видим художника

в новом качестве. Пейзаж его начинает звучать философской симфонией, раздумьем о смысле человеческого бытия. «Облака». Стихия цвета и объемов. Облака кружатся, громоздятся, дыбятся, кажется, так зарождалась жизнь на земле. И три синееких окна во вселенную напоминают нам: природа вечна, она полна загадок; человек, познай ее и познай себя! И тревожно и радостно от этой музыки цвета. Здесь художник не просто любит при-

ОБЛАКА

родой и приобщает нас к ней, но идет дальше — мыслит, и вместе с ним размышляем мы о той великой роли, которая дана Человеку как части природы и творцу ее.

Продолжается поиск и в области портрета. Не только внешнее сходство и характер современника волнуют художника. Рассказать еще о судьбе и стремлениях героя — такую задачу он ставит. «Соня» — так лаконично назван портрет девушки. Немного печальны ее глаза,

статична поза. Нежный тон платья и образующие фон наивные рисунки как бы связывают ее с детством, из которого она должна сделать шаг во взрослость.

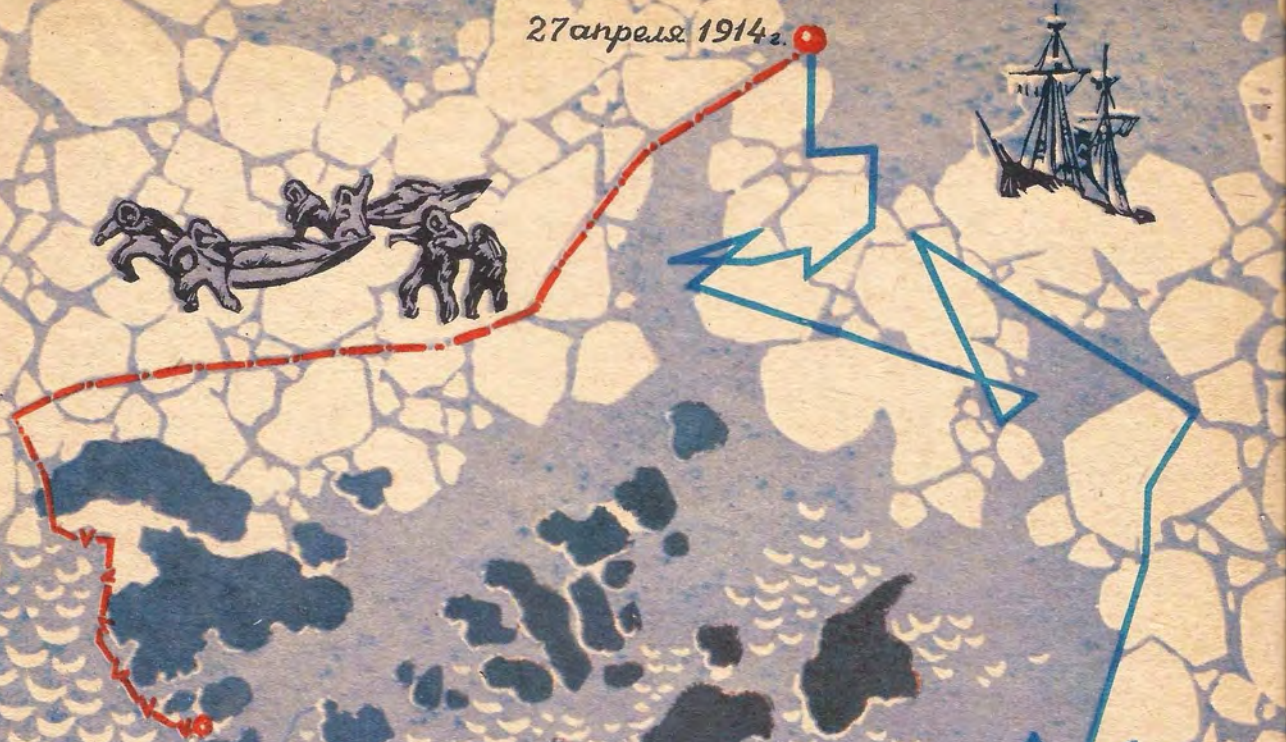
В «Портрете уральского писателя» угадываются резкость и нежность, физическая мощь и чуткость души.

Обаяние засыпкинских работ не только в их тематике, но и в тонкой «засекреченной» технике. Масляная живопись его то лежит плотным слоем, то приобретает акварельную

легкость и прозрачность, то начинает светиться подобно фосфоресцирующим краскам.

И если вы хорошо познакомитесь с творчеством художника, на любой выставке он будет удивлять и радовать вас. И каждый раз вы безошибочно сможете определить: «Это работа кисти уральского художника Николая Засыпкина».

27 апреля 1914г.

В.И. Амбанов

ПОДВИГ штурмана В. И. Альбанова

Владлен
ТРОИЦКИЙ

Рисунок Е. Стерлиговой

Если бы 23 апреля 1914 г. можно было посмотреть на ледяные поля в 90 милях к северу от Земли Франца-Иосифа с высоты птичьего полета, то наблюдатель увидел бы вмерзшую в лед двухмачтовую шхуну, палуба которой занесена снегом. Рядом с судном выстроились рядком пять саней с брезентовыми лодками-каюками на них. У нарт толпятся одетые в меха люди. Но вот толпа разделилась: по два человека стали впереди нарт, взявшись за постромки. У передней нарты невысокий, смуглолицый человек широко перекрестился и со словами «Ну, с богом!» потянул свою нарту по направлению к низко висящему на юге солнцу. За ним двинулись другие нарты. Оставшиеся у судна люди закричали: «Счастливого пути!»

Так начался многодневный беспремерный поход по дрейфующим льдам на юг, к Земле Франца-Иосифа, части экипажа шхуны «Святая Анна» под руководством штурмана Валериана Ивановича Альбанова. Вместо 90 миль, отделявших их от северного острова Земли Франца-Иосифа, им пришлось пройти... 230 миль.

Как же оказалась шхуна в центральном полярном бассейне и почему ее покинула часть экипажа?

В 1911 г. морской офицер-гидрограф, лейтенант Г. Л. Брусилов, участвовав-

ший в гидрографической экспедиции по изучению Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач», задумал организовать свою собственную арктическую экспедицию. С этой целью он взял годичный отпуск и на средства своего богатого дяди купил в Норвегии парусно-паровую шхуну «Бланкатора», переименованную в «Святую Анну». Г. Л. Брусилов намеревался пройти по Северному морскому пути с запада в Тихий океан, попутно занимаясь зверобойным промыслом, добыча от которого, по его мнению, сможет окупить все затраты. Команда и гарпунеры были наняты в Архангельске. Своим единственным помощником Брусилов пригласил штурмана дальнего плавания В. И. Альбанова, имевшего некоторый опыт плавания во льдах.

17 сентября 1912 г. «Святая Анна» вошла в Карское море через пролив Югорский Шар. Через несколько дней льды остановили судно у западного побережья полуострова Ямал. Здесь шхуна вмерзла в лед и, как оказалось, навсегда.

28 октября ледяное поле с судном было оторвано от берегового припая и его неудержимо повлекло на север. Однако экипаж «Святой Анны» был настроен бодро. Моряки были уверены, что лед Карского моря не участвует в дрейфе полярного пака.

«Поносит нас немного по морю взад и вперед в продолжении зимы, лето освободит нас и мы пойдем в Енисей. Георгий Львович съездит в Красноярск, привезет угля и пойдем далее на восток»,— так описывал впоследствии Альбанов общее настроение во время первой зимовки. Однако летом 1913 г. судно находилось в ледовом дрейфе уже между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа. Освободиться из ледового плена не удалось. Вторая зимовка протекала тяжелее.

В начале 1914 г., когда судно дрейфовало вдоль северных берегов Земли Франца-Иосифа, Альбанов попросил отпустить его с частью команды на эту землю, посещаемую норвежцами. Уход с судна части команды позволял остающимся растянуть продовольствие еще на год.

К весне 1914 г. Альбанов и девять матросов, желавших с ним покинуть судно, построили нарты и каюки, подготовили палатки и спальные мешки, насушили сухарей...

И вот первые дни похода. Каждая из 5 нарт весила до 300 кг, тянули их вдвоем по хаосу торосов и ропаков. В день удавалось пройти не более 10—15 км. Вскоре трое не выдержали и вернулись на судно, мачты которого были видны путникам целую неделю. На 10-й день пути пропал без вести матрос Баев, отпра-

вившись вперед на поиски более ровного пути,— видимо, провалился под лед.

Остальные семеро моряков во главе с Альбановым упорно шли к югу. На ночь (скорее на отдых, так как солнце светило круглые сутки) ставили палатку, окружив ее санями. Топили небольшую печку, сжигая жир тюленей или медведей, варили похлебку из их мяса.

Медленное продвижение очень тревожило Альбанова. При ясной погоде в полдень он всегда брал высоту полуденного солнца для определения широты места. Но определить долготу он не мог.

Однажды по отклонению лота Альбанов заметил стремительный дрейф льда на юго-запад, угрожавший вынести путешественников в пролив между Землей Франца-Иосифа и Шницбергенем. Своим уставшим спутникам он ничего не сказал, но потребовал теперь безостановочного движения на юго-восток.

Через два месяца после ухода с судна Альбанов увидел на юго-востоке странный серебристый диск на горизонте. Это была юго-западная оконечность Земли Франца-Иосифа, к которой путники подошли только спустя еще 20 суток, упершись в отвесную ледяную стену высотой 20 м. На поверхность ледника сумели поднять лишь два каюка.

На юге у подножья ледника чернела небольшая площадка земли, на которой тысячные стаи птиц «пели гимн жизни», как записал Альбанов. В гурии нашли записку, из которой явствовало, что путешественники попали на мыс Мэри Хармсуорт. До мыса Флора, где устраивались базы прежними экспедициями, оставалось около ста миль. Они оказались самыми трудными и трагическими.

Пришлось разделить на две группы — на береговую и морскую, так как осталось только два каяка. Каяк с Альбановым и матросом Конрадом отплыл с о. Белль к виднеющемуся в 10 милях мысу Флора. Поднялся сильный встречный ветер — решили переждать. Выбрав высокую льдину, затащили на нее каяк и залезли в меховую скаку. Но льдина оказалась небольшим айсбергом, и он перевернулся. Однако им удалось поймать каяк, вытащить его на вершину айсберга. Путники выжали одежду и вновь надели ее сырой на себя. На берегу о. Белль обсушились. Второго каяка и береговой партии не было видно нигде. Прождав их напрасно несколько дней, Альбанов с Конрадом добрались до мыса Флоры одни. Здесь они нашли большой запас продовольствия, годные для жилья дома.

Спустя две недели, 2 августа, заболевший Альбанов сидел в полузабытьи на берегу. Вдруг он увидел в тумане верхушки мачт. Вскоре судно приблизилось, и Альбанов узнал хорошо знакомый ему силуэт «Святого мученика Фоки», на котором в 1912 г. отправилась к Северному полюсу экспедиция Г. Я. Седова. Оказывается, это судно ви-

мовало в северной части Земли Франца-Иосифа и, после гибели Г. Я. Седова во время похода к Северному полюсу, теперь пришло на мыс Флора, чтобы разобрать на дрова здешние деревянные постройки.

Безуспешными были поиски спутников Альбанова.

Исчезла бесследно во льдах и шхуна «Святая Анна».

Спасенная Альбановым копия судового журнала «Святой Анны» и его путевые дневники внесли большой вклад в науку об Арктике. Анализируя данные журнала о дрейфе «Святой Анны» на севере Карского моря, молодой тогда ученый В. Ю. Визе сделал вывод, что линия дрейфа отклоняется от направлений ветров. Это отклонение вызывает неизвестный остров, приблизительное место которого В. Ю. Визе указал на карте. В 1930 г. здесь действительно был открыт остров.

Выдающийся поход по арктическим льдам В. И. Альбанова и его научные достижения вошли в летопись освоения Арктики. Советские полярники назвали в честь В. И. Альбанова мыс на острове Александры (Земля Франца-Иосифа), ледник на Северной Земле и островок при входе в гавань Диксон. В 1972 г. вошло в строй гидрографическое судно «Валериан Альбанов», предназначенное для изучения морей Советской Арктики. Оснащенное новейшими навигационными приборами и электронно-счетными устройствами, это судно достойно носит имя выдающегося полярного исследователя.

Книги с ярмарки

Своим появлением эта коллекция редких книг обязана... шевченковской строке. В поэме «Княжна» Тарас Шевченко писал, что его герой покупал книги в украинском городке Ромны. Почему в Ромнах, вроде бы не очень просвещенном в то время городе?

Разрешить загадку взялись сотрудники Роменского краеведческого музея и местные следопыты. Оказалось: летом 1845 г. Шевченко приезжал в Ромны на знаменитую в ту пору Ильинскую ярмарку. Потом краеведы обнаружили у старожилы города редкую книгу «Учитель или всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук особенно нужных молодым людям». На титульной странице указано, что книга отпечатана в 1789 г. в Москве «в университетской типографии у Н. Новикова», у замечательного русского просветителя, друга Александра Радищева. Издание оказалось редким вдвойне — на корешке сохранилась надпись рыжими чернилами: «Сия книга куплена в Ильинскую ярмарку 1811 года июля 31 дня».

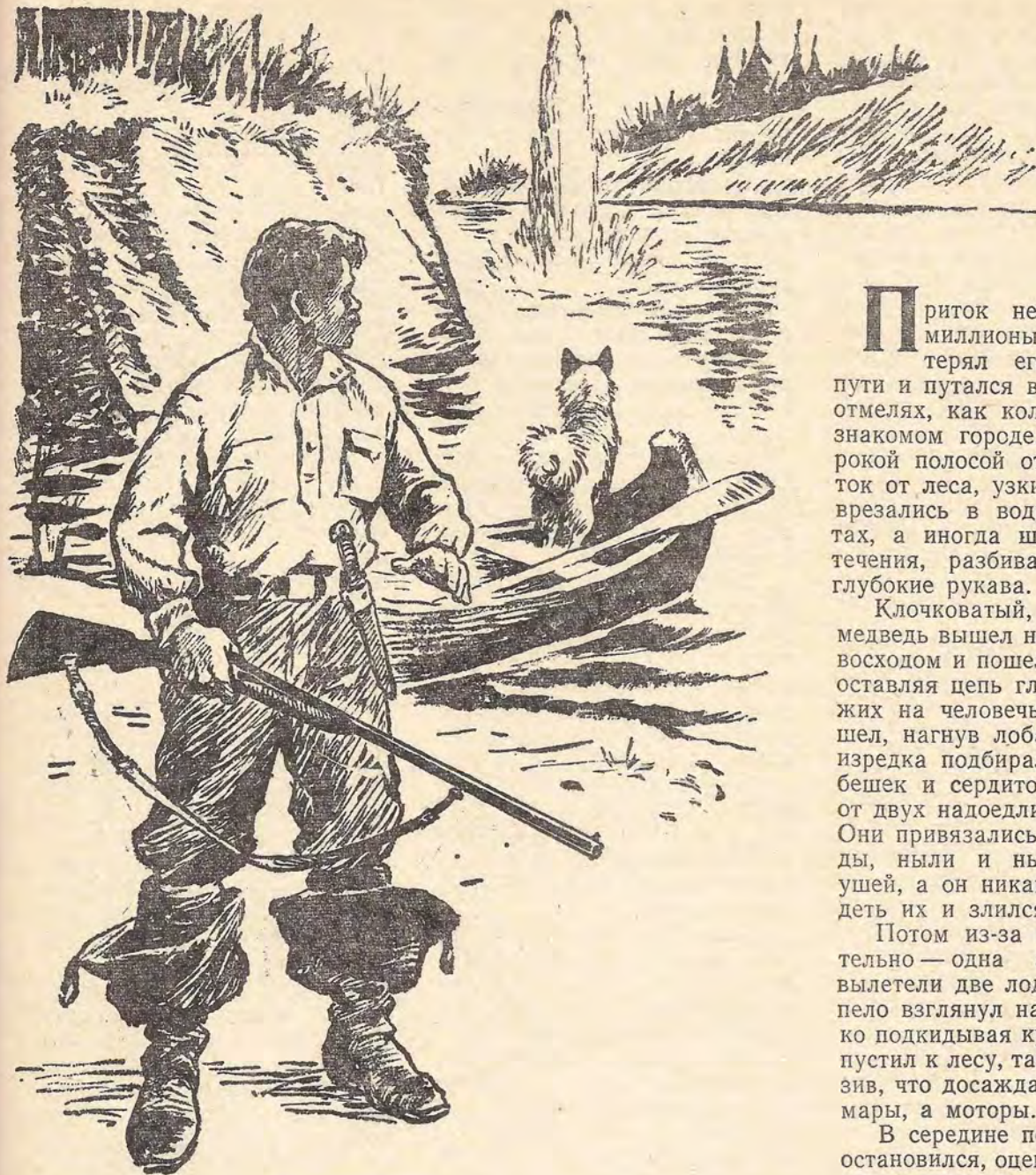
Нашлись в Ромнах и другие книги с подобными надписями. Рядом с фоллиантами, изданными при Московском университете, лежали книги, отпечатанные в Харьковской университетской типографии. А самая старая из этой коллекции — «Российская грамматика Михайла Ломоносова» — была отпечатана еще при жизни автора в 1755 г. в Санкт-Петербурге «при императорской академии наук».

Нет, недаром Тарас Шевченко отнес маленький украинский городок к числу городов книжных, где еще в давние времена продавались на ярмарке не только хлеб да конопля, но также университетские и академические издания. Вот что скрывала за собой одна шевченковская строка.

Александр
НИКИТИН

СВОИМ СУДОМ

**Адольф
ШУШАРИН**

Рисунки
В. Бубенщикова

Приток нес из тундры миллионы тонн песка, терял его по всему пути и путался в собственных отмелях, как колхозник в незнакомом городе. Пляжи широкой полосой отделяли Приток от леса, узкими клиньями врезались в воду на поворотах, а иногда шли и вдоль течения, разбивая струю на глубокие рукава.

Клочковатый, линияющий медведь вышел на пески перед восходом и пошел вдоль воды, оставляя цепь глубоких, похожих на челевечи следов. Он шел, нагнув лобастую голову, изредка подбирал дохлых рыбешек и сердито отмахивался от двух надоедливых комаров. Они привязались к нему у воды, ныли и ныли у самых ушей, а он никак не мог увидеть их и злился все больше.

Потом из-за мыса стремительно — одна за другой — вылетели две лодки, он оторопело взглянул на них и, высоко подкидывая куцый зад, припустил к лесу, так и не сообразив, что досаждали ему не комары, а моторы.

В середине песков медведь остановился, оценивая положение, но тут на передней лодке пыхнуло пламя, и он припустил без оглядки.

Вламываясь в чащу, он уже не видел, что лодка встала на дыбы, а человек вылетел из нее и мокрой тряпкой закружился в водовороте...

— Э-эй, Загря! — сказал Малев, обернувшись. — Гуляй! Черноухая хантыйская лай-

ка отошла от выброшенного на песок мешка с одеждой и сетями и полезла на яр вслед за хозяином. Она лезла по прямой, широко раскидывая передние лапы. Из-под лап скатывалась сухая земля.

Малев выбрался на обрыв, распрямился во весь рост и огляделся. Перед ним лежала пойма, испещренная блюдцами-озерами и покрытая бурой прошлогодней осокой. За поймой, у горизонта, темнели холмы. Справа к холмам уходила узкая высокая грива, заросшая лесом. В голых ветвях старой осины на ближнем краю гривы Малев увидел черную точку — орлиное гнездо.

Над поймой дрожал и струился нагретый воздух. Ничего не изменилось здесь после долгой зимы, и Малев был доволен, по суховатому лицу гуляла улыбка.

У орлиного гнезда лежали любимые Малевым озера. И он нетерпеливо окинул взглядом предстоящую дорогу, — все восемнадцать волоков и озер — древний путь, проложенный хантами, ходившими к далеким холмам добывать зверя.

В пойме стояла тишина, но Малев знал, что уже к вечеру небо над нею прошьют во всех направлениях стаи птиц и гомон будет стоять над озерами днем и ночью. Бесчисленные стаи гусей и уток заполняют равнину...

Он повернулся к реке, сел на обрыве и спустил вниз ноги в тяжелых с отворотами сапогах. Закурил.

Река упруго и мощно неслась мимо, вся в бурунах и воронках. Ледоход кончился недавно, на берегах еще блестя под солнцем разрозненные льдины, выброшенные напором черной воды, а сверху уже шел пароход. Он был весь белый, на палубе играла музыка и толпились ошалелые от простора пассажиры. Они что-то весело кричали Малеву и махали руками. Капитан приветственно погудел ему, по-

тому что шел первым в эту навигацию рейсом, а на берегах Реки люди встречаются не часто.

«Нефтяники торопятся», — определил Малев и тоже помахал пароходу.

Пароход повернулся бортом — осколок далекой жизни, залитой солнцем. Сейчас он уйдет за поворот, и снова будет пусто на великой Реке. Что-то неясное, значительное затуманило душу Малева, но мысль мелькнула никчемная — на белом пароходе наверняка есть пиво, редкий в этих местах товар.

Внизу стоял обломок — легкая долбленная из осины лодка. Малев посмотрел туда и отчетливо представил чистенький, пароходный буфет...

Но он медлил. А пароход, обогнув косу, уходил все дальше. Теперь догонять его было бы уже труднее, и Малев облегченно отвернулся.

— Будем трогаться, парень! — сказал он собаке и полез с яра к воде.

Малев втащил на обрыв вещи и лодку. К скобе в ее носу он привязал толстую прочную веревку, снял пиджак и ту же затянул на брезентовых штанах пояс.

Волок просматривался хорошо. Протертая в кочках днищами многих лодок ложбинка не зарастала. Загрязнялся сзади. Он останавливался, когда Малев отдыхал, и, подняв лапу, терпеливо ждал, пока обломок двинется дальше.

Плечо резала веревка, Малев подложил под нее шапку.

Добравшись до первого озера, Малев короткими взмахами весла погнался лодку в дальний его конец, где от самой воды начинался следующий волок. Собака обогнула озеро берегом и ждала хозяина в положенном месте. Ее светлая шерсть хорошо виднелась на бурой равнине. Малев мог по ней определяться.

Солнце сдвинулось к западу на ладонь, когда он при-

ткнул обломок к берегу последнего озера. Было жарко. Малев развернул сапоги, зашел в озеро и долго плескал ладонями воду на разгоряченное лицо, потом досуха вытерся подолом рубахи и пошел на гриву.

Он выбрал место повыше, почти под самым гнездом, чтобы не подтопило на случай подъема воды, и перетаскал вещи. Место было хорошее — ровное и сухое, дрова — рядом! когда-то давно, в большую воду, сюда занесло плотоматку, толстые бревна валялись среди деревьев.

Малев вырубил жердь и пристроил ее на сучьях между двумя деревьями на высоте своего роста. Накидал на перекладину веток и завалил сверху травой. Укрытие от ветра и дождя было готово.

Хотелось есть, но Малев решил прежде закончить со станом. Он подкатил два толстых бревна, вырубил по всей длине одного из них глубокую борозду и аккуратно уложил бревна друг на друга, закрепив по бокам кольями. В щель между бревнами Малев натолкал щепок и бересты, но зажигать не стал. Он собирался жить здесь долго, и этот костер готовил на случай ненастья.

По другую сторону гривы от реки к холмам шла протока, пересыхающая к началу лета. Сейчас ее подтопило, над неглубокой водой торчали верхушки трав и осоки. В осоке возились, выметывая икру, щуки. Их спины и хвосты часто высывались из воды, по воде расходились круги. Малев подумал, что можно бы поставить в протоку сеть, нелезет — выбирать состарившаяся. Но не стал! щука — не рыба. Разве что — на уху, когда ничего нет...

Солнце было еще высоко, когда Малев закончил обед и вымыл посуду. Загрязнился есть рыбу и шнырял в кочках, вынюхивая мышей.

Изредка Малев слышал их судорожный писк.

Над поймой парил одинокий орел, в протоке булькали щуки. Малев лег под навесом на барсучьи шкуры и с наслаждением вытянул ноги. Он был доволен.

В сумерках Малев поставил в ближнем озере сеть. Он перегородил озеро, но сеть была длинная, и Малев выбросил свободный конец на берег. Придерживая верхнюю тетеву, он поплыл обратно, чтобы проверить, как легла сеть, и сразу же почувствовал упругие рыбки — попал первый карась. Малев подтянул сеть и ловко выковырнул его. Карась гулко стукнулся о дно обласка и зашлепал хвостом.

Загря подбежал к воде, залез в нее по брюхо и радостно залаял, поздравляя с почином. А тетева продолжала подрагивать, Малев перехватился и выбросил в лодку еще одну рыбку.

Впереди ныряли поплавки, но Малев выпустил тетеву, сполоснул руки и вытер о ватник.

— Пошел! — удовлетворенно сказал он и закурил, мысленно поругивая бригадира, не успевшего переправить в пойму лошадь.

Караси лежали на дне обласка, одинаковые, как близнецы, толстые и широкие. Они разевали рты и шевелили жабрами. «На центнер — штук сорок», — привычно прикинул Малев и бросил в воду коротко всхлипнувший окурок.

Он плавал из конца в конец сети, выбирая рыбу, пока не онемели в ледяной воде руки. Обласок осел, караси лежали в нем тяжелой золотой грудой. Малев выпустил сеть, толкнул лодку к берегу и спрятал негнущиеся пальцы под мышки. Он долго крутился среди кочек, колотя руками по бокам, пока пальцы не заныли. Тогда он стал растирать их, превозмогая боль. Вскоре руки отошли, пальцы стали гнуться и

покраснели. Тогда Малев перебросил карасей в садок и крепко затянул устье, закрепив конец веревки на коле, вбитом в дно озера недалеко от берега.

На пойму спустились сумерки, даль загустела, но Малев знал, что минут через двадцать снова будет светло — ночей весной почти не было. Малев сел на землю и привалился спиной к кочке. Подошел Загря, ткнулся ему в лицо горячим носом.

— Подремлю, — сказал ему Малев. — Сиди тихо.

Через четверть часа холод влажной земли пробрался сквозь одежду. Малев очнулся, зябко передернул плечами и посмотрел на озеро. На гладкой, маслянистой поверхности воды подрагивала цепочка поплавок, начинался рассвет. Малев сел в лодку и оттолкнулся от берега.

Работая, он видел, как над поймой опять встало солнце. Плотным серым облаком просвистели в стороне чирки, где-то далеко кричали лебеди. Карась вывернулся из непослушных рук, плюхнулся в озеро, и Малев решил, что пора кончать. Он со стоном откинулся в лодке, разогнув онемевшую спину, и прикрыл глаза. Лодку понесло к берегу.

Полдела было сделано. Теперь пойманную рыбу надо было доставить к реке, а потом сдать живую приемщику.

Пока закипал чай, Малев вытащил обласок на берег, вылил из него скопившуюся воду и загрузил лодку карасями, отсчитав ровно пятьдесят штук. Он накрыл их сверху мокрыми мешками, чтобы не уснули в пути, и пошел к костру, досадуя, что не сможет поднять разом всю рыбу.

Чай был черный и густой, как нефть, которую добывали на берегах Реки. Отхлебывая его длинными глотками, Малев чувствовал, как возвращаются силы и проясняется голова. Он выплеснул из ведра остатки

чая прямо в костер, взял ружье и спустился к озеру. Бросил ружье прямо на мешки, перекинул через плечо веревку, подложил шапку и, не оглядываясь, потащил обласок знакомой дорогой. Загря оглянулся на гриву, где белым столбом поднимался дым от костра, и хотел залаять, но, сообразив, что хозяин еще вернется, молчком потрусил следом.

...Одолев последний волок, Малев остановился и сел на землю. Глаза щипало, он стер пот ладонью с бровей и перевел дыхание. Воздух, напоенный свежестью Реки, до конца заполнил легкие, у Малева на мгновение закружилась голова, но головокружение тут же прошло, потому что теперь он дышал ровно.

Загря сел рядом. Дальше идти было некуда. Впереди текла Река, несла к океану черную воду, а волоки остались позади.

...Поднялись жировавшие на закосках чирки, спугнутые пароходом, показавшимся у поворота. Пароход был знакомый. Теперь он возвращался с низовьев, все такой же светлый и праздничный. На палубе играла музыка и толпились веселые пассажиры, радовались, что уезжают. Они что-то кричали Малеву, а капитан снова приветственно погудел ему, потому что на этих берегах люди встречаются не часто.

— По-е-дем! С на-ми! — хором орали пассажиры, а капитан гуднул еще раз, подтверждая, должно быть, приглашение.

Малев встал и посмотрел на карасей в обласке, хлопающих жабрами, на свои тяжелые сапоги, на брюки, заскорузлые от рыбьей слизи, подвигал израненными пальцами рук...

В пойме над озерами низко тянул длинный косяк гусей. Слышно было, как они переговариваются, довольные местом

и погодой. Сделав круг вожак повел стаю к орлиному гнезду, четко синющему на краю гривы.

Малев растерянно оглянулся, точно не было уже у него ни неба с неровными стаями птиц, ни озер, ни орлиного гнезда, ни собаки. И сердце испуганно ворохнулось в груди, а по затылку прошел холод. Малев качнулся и закрыл глаза.

Загря взглянул на хозяина, и шерсть на его загривке поднялась дыбом. Он по-звериному зарычал на пароход, потом завыл, тоскливо и безнадежно. Рыбак опомнился, открыл глаза и хрипло захохотал.

Белый пароход уходил. Гуси сели. Малев слышал их веселое гоготанье и ясно представлял, как они купаются, забрасывая шеями воду на широкие спины, и трясут крыльями, чтобы вода стекла. А над поймой уже идет другая стая, высматривая место для отдыха. Теперь они будут идти очень долго, пока не кончится перелет.

Пароход ушел. Загря все еще урчал, сердито и недовольно.

— Вот так, брат,— усмехнулся Малев, перекинул через плечо веревку и потащил обласок к воде. Надо было пересадить карасей в садок и двинуться на второй заход — к вечеру подойдет паузок, заберет рыбу.

«Может, и лошадь подведут...» — соображал Малев, шагая по кочковатой земле.

Обласок шел легко.

С первого июня у художника областного издательства Окунева начинался отпуск. Он проснулся в этот день рано от ощущения какой-то невосполнимой потери, поежился и оглядел комнату после вчерашних проводов. В ванной он налил в ведро горячей воды, попробовал ее пальцем, добавил холодной и тщательно за-

крутил кран. Нашлась и тряпка, оставленная, видно, уборщицей, навешавшей квартиру перед большими праздниками. Окунев утопил тряпку в ведре и пошел с ним в комнату. Делал он все это неторопливо: спешить было некуда — отпуск...

Около часа он добросовестно трудился, с наслаждением отправляя в черную пасть мусоропровода бумажный хлам и пустые бутылки. Бутылки он сбрасывал по одной, слушая, как они падают сквозь этажи, царапая стенки трубы и разбиваются вдребезги где-то в подвале.

К восьми все было кончено. Не зная, чем заняться, Окунев сел на кровать, хмуро оглядел посветлевшую комнату и прилег, надеясь заснуть.

Через открытую балконную дверь врывались шумы утреннего города: шарканье ног по асфальту, гул автомобилей и трамваев. На деревьях, под самым балконом, бешено верещали радостные воробьи и еще какие-то птицы. Со сном не получалось, хотелось встать и посмотреть в окно.

Окунев недоумевал, потому что еще вчера единственным его желанием было — отоспаться вволю: весь год художник хронически недосыпал. «И вот — радуйтесь, — думал он, прислушиваясь к себе со злостью и любопытством, — поднялся ни свет ни заря...» Странное чувство, разбудившее его утром, вернулось, неприятно сжимая сердце.

— Свихнуться можно! — сказал вслух Окунев и встал. Он вспомнил, что не получил еще за отпуск деньги, и решил сходить в издательство. Кассирша утрами обычно уходила в банк, но он все равно пошел, рассудив, что так все-таки лучше...

В лифте издательства Окунев по привычке ткнул кнопку седьмого этажа и, только очувшись около комнаты, где работали художники, сообра-

зил, что сделал не то: бухгалтерия была тремя этажами ниже. Минуту он колебался — заходить или нет, потом махнул рукой и пошел, волоча ноги, вниз.

В коридорах — то посетители, то сотрудники. Окунев поморщился: картина была знакомой до зубной боли.

В бухгалтерии Окуневу неожиданно повезло. Кассирша уже вернулась из банка и деньги ему выдала без промедления. Окунев спустился в вестибюль и долго стоял в раздумье, ощущая тупую тяжесть в затылке, решал, что делать: он все еще не знал, где и как проведет отпуск.

Подошла Клара, корректорша с четвертого этажа, яркая по-южному девица, попросила на обед рубль.

— Помираю, Мишка! — весело сказала она. — И помру, коли не дашь...

— Ой ли? — усмехнулся Окунев, подавая деньги.

Клара иногда забегала в мастерскую художников. Както, после очередной вечеринки, он до утра пробыл с нею в своей квартире. Окунев вспомнил — она жаловалась ему, что забирают в армию жениха, хотел спросить, как обернулось дело, но передумал: говорить не хотелось, ничего не хотелось.

— Ты плохо выглядишь, Миша. Нездоровится? — забеспокоилась Клара.

Окунев улыбнулся и отрицательно покачал головой. Он заметил, как опустили письмо в ящик, висящий у выхода, и подумал, что стоит сходить на почту.

Девушка уехала, помахав из лифта рукой. Окунев даже не оглянулся. Клара была у него не первой и не последней...

По площади летала горькая пыль, пахло разогретым гудроном. Окунев расстегнул рубашку и закурил кислую сигарету. «Опять жарит», — тоскливо подумал он, хотя и к холо-

ду, и к жару относился в общем-то равнодушно.

Прохожие изнывали от зноя, держась затененных мест, а Окунев прямо по солнцепеку пересек площадь, прошел мимо чугунных ворот сквера, автобусной остановки и поднялся по длинным гранитным ступеням к стеклянным дверям почтамта. В окне «до востребования» женщина равнодушно заглянула в его паспорт и достала из длинного деревянного ящика тощую стопку писем. Она небрежно перебрала их, оставляя на конвертах темные влажные следы. «Не читает», — догадался художник, но скандалить не стал: он знал, что писем ему нет.

— Нет, — сказала женщина. — Пока нет...

Окунев кивнул.

— Могли бы и написать, — сказал он обиженно.

Женщина вяло улыбнулась. В зале было душно и влажно: уборщицы протирали «лентяйками» затоптанный бетонный пол...

Никого не хотелось видеть — ни закадычных приятелей, ни приятельниц. Все как-то враз опостыдело.

На другое утро, без четверти девять, Окунев уже взбирался по трапу в самолет, улетающий к Реке.

Так, неожиданно для самого себя...

Малев проснулся под утро: разбудил Загря, ткнув в щеку влажным холодным носом.

— Ты чего? — приподнялся Малев.

Пес обрадовался голосу, полез к Малеву с лапами, но тот прикрикнул, и Загря виновато лег на землю.

— Не бойся, не проспим! — успокоил собаку Малев и подтянул сбившийся к ногам полушубок.

Плашкоут так и не пришел. Вернувшись к реке снова нагруженный рыбой, Малев до

вечера провозился с садком, который еще раньше наметил сделать в ближнем к Реке озере. Он нарубил ворох тальника, зашел в воду, на сколько позволяли развернутые сапоги, и забил в дно по кругу десятка полтора кольев, а потом оплел их вицами, как плетень. Получилось, как надо: вода свободно проходила через садок, и рыба могла в нем жить долго.

Возвращаться к стану не хотелось. Малев набросал в обласок сухой прошлогодней травы, лег и укрылся полушубком, подумав мельком, что сила у него стала уж не та, ушло времечко...

— Ночуем здесь, Загря, — сказал он собаке и сразу же уснул крепко и без снов.

...Вставать было еще рано, Малев выпростал из-под полушубка онемевшие руки и потряс кистями, восстанавливая кровообращение. Руки у него в последние годы немели ночами, и он даже как-то ходил к врачихе, но та сказала, что ничего сделать нельзя, руки немеют от того, что много работали. Это она правильно сказала, и Малев успокоился: «Подюжат еще...»

Иван Малев попал на Реку не по своей воле, а, как он говорил, по причине всеобщего несчастья. В трудную вторую послевоенную весну уступил он на посевной своим голодным напарникам, просившим слезно две горсти пшеницы на кашу. Все бы обошлось, да наскокич уполномоченный. И взял Иван всю вину на себя.

Остался же Малев тут навсегда по собственному желанию. Несколько лет он гонял по лесосокам трелевочный трактор и жил в бараке. Не было, пожалуй, в его родной деревне ни одного человека, который бы не уважал Ивана Малева, бывшего фронтовика, знатного тракториста. Но когда вышел срок, Иван поставил на берегу дом и выписал с родины жену Марию. Напи-

сал он ей скупое, сказал только, что рыбачит по договору с орсом, а о здешних привольных местах и не заикнулся, но она приехала и вроде бы тоже не жалела. До последнего времени. Это уж совсем недавно стал он примечать в ее глазах что-то такое, что заставило его подумать об отпуске. И он решил его взять нынче же, разом за все годы, чтобы свозить бабу к родным могилам.

«Бабы — они бабы и есть. Все в них не так сделано», — размышлял Малев, глядя на бледные звезды.

Из всех звезд Малев знал только одну — Полярную. Здесь она висела прямо над головой, а там, где он жил раньше, стояла много ниже.

— Под самую, считай, подобрался, — сказал вслух Малев и кивнул знакомой звезде, вроде как поздоровался.

Загря наострил уши и вопросительно посмотрел на хозяйина.

— Лежи, лежи! — сказал Малев. — Это я сам с собой беседую.

Фарватером прошли баржи с нефтью, сияя всеми огнями. Сидели они низко: волны добежали до берега, зашлепали на песках, качнули укрытую в тальниках моторку, на которой Малев приехал из поселка.

«А по мне, так сроду бы и не ездил. Чего там делать — горькое вспоминать?» — опять подумал Малев о предстоящей поездке на родину. Спать захотелось. Качнув обласок, Малев вылез из него, обулся, закурил и по привычке оглядел Реку.

Вода начала спадать. Кое-где всплыли узкие, похожие на щук, отмели, а на берегах остался сор — обломки деревьев, подмытые кусты и другой хлам.

Малев спустился к моторке и перевел ее ближе к обрыву, на место поглубже, затем развел в затишке под кустами небольшой огонь и пошел к озеру.

Караси в садке стояли неподвижно, и он казался пустым, потому что спины рыбин сливались с дном. Но когда Малев нагнулся и сунул в садок руку, вода там взорвалась, в лицо ударил сноп брызг. Рыбак выхватил все-таки карася, вышел из воды, бросил его на землю и обтер лицо.

— Вот и умылись! — сказал он собаке, прижавшей карася лапой к земле, чтобы не прыгал.

Выпотрошив тяжелую рыбину, Малев натер ее солью, насадил на палку, а палку воткнул в землю, наклонив над огнем и дымом.

Минут через тридцать карась испекся. Загряд подошел к дремавшему хозяину и поскреб лапой по полушубку.

— Мясо недовари, а рыбу перевари, слышал? — спросил Малев, но встал и осторожно, чтобы не развалился, снял карася с палки.

Отвалив на весло мясо с хребта рыбины, Малев бросил остатки на траву. Пес, наклонив голову, обошел вокруг своей доли, лег и стал ждать, пока остынет.

Солнце еще не взошло, а они уже закончили завтрак и стали собираться в дорогу к озерам. Малев выбросил из областка траву и взял ружье, а потом обернулся к Реке и увидел под яром на другой стороне оседающий столб воды. Тут же по ушам ударил звук взрыва, и злобно зарычал Загряд.

Метрах в ста ниже взрыва от берега отошла лодка, человек в ней стоял во весь рост, сачка не было видно, но Малев понял, что тот держит его в руках и ждет, когда начнет всплывать убитая рыба.

«Откуда он взялся? — подумал Малев, сбегая к лодке. — Не слышать было мотора...»

Он не представлял четко, что именно собирается сделать.

— Поглядеть бы на тебя, гада, — бормотал он, дергая шнур заводки мотора.

«Вихрь» взревел на высокой ноте, вытолкнул лодку на простор, и она дробно застучала днищем по мелким волнам. Пса, успевшего заскочить на нос, отбросило в середину лодки, он посмотрел на Малева и остался лежать, больше не вставал.

Мотор на другой стороне заработал почти одновременно с «Вихрем» Малева. «Тот» заметил опасность.

— Пакостливой, а трусливой! — пробормотал Малев.

Обрывки мыслей в его голове теперь определились в ясное и вполне осознанное решение: догнать!

Неторопливо вставало солнце, Малев приподнял за ручку бачок и на вес определил количество бензина. Двойной ноющий звук повис над рекой, будто два невиданных комара завели бесконечную песню.

Малев прикинул, не добавит ли оборотов мотору, но не стал, чтобы не рвать машину.

В утренней тишине взрыв хлопнул неожиданно громко, Окунев вздрогнул и непроизвольно сжался, хотя и ждал его. Ему казалось, что кто-то обязательно должен закричать, но на Реке по-прежнему было тихо, и он оттолкнулся от берега, чтобы перехватить всплывшую рыбу, пока не унесло течением.

«Тундра!» — усмехнулся Окунев, вспомнив дядино словечко, поднялся в лодке и взял в руки сачок.

...Три дня продолжалась гулянка в поселке лесорубов по случаю приезда Михаила Окунева. Три дня в просторном доме его дяди, прозванного Пожарником за непомерный рост и удобу, не убирали со столов, и дым стоял коромыслом.

— Художник! Из самой Москвы прибыл, не забывает дядьку! — хвалился Пожарник, нависая над застольем, как

вопросительный знак. — Пей, Михаил! Ешь, чего душа жаждает!..

Окунев, не унимая сочиняющего напропалую дядю,пил и ел, удивляясь втайне богатству стола: осетровой икре, горой наваленной на блюдо, мороженой и моченой клюкве, грибам и великому разнообразию рыбы — вареной и соленой.

— Нельмушкой, нельмушкой закуси! — советовала тетка. — Во рту тает...

— Стерлядь лучше! Стерлядь — это рыба! — возражал дядька, прерывая на секунду вранье уважительно внимающим лесорубам «про Михайловы картины в заграничных музеях».

На Реке не всякую рыбу считали рыбой. Окунев видел в чулане громадную щуку с застывшей навсегда, хищно разинутой зубастой пастью.

— Держу, чтобы мышей пугала, с зимы лежит, — объяснил дядька. — Не рыба.

— Как не рыба? — удивился Окунев.

— А так, — сказал Пожарник. — Щука, карась — не рыба.

Закусывая нельмой, действительно тающей во рту, Окунев, чтобы поддержать разговор, спрашивал, где ее покупают...

Мужики за столом хохотали.

— Сами ловим! — кричал Пожарник. — Кто ловит, а кто смотрит...

— Запретная рыба, — объяснял Окуневу сидящий рядом мужик. — Потихоньку промышленяют...

— На все запреты, хоть на край света уегай — и там запреты! — жаловался дядька...

— Волков бояться — в лес не ходить! — хохотало застолье.

«Лихие мужики!» — восхищенно думал Окунев.

Когда пьянка поутихла, дядя показал Окуневу свою лодку, мотор, бочку с бензином, и тот стал ездить по Реке — иногда с этюдником, а

то и просто так — приятно было управлять летящей по пустынной воде и послушной каждому движению посудиною.

— Чего зря бензин жгешь? Рыбачил бы, — советовал дядька.

— А чем? — спрашивал Окунев. — Удочкой?! Так не клюет, говорят...

— Удочкой?! — ухмылялся Пожарник. — Ну, даешь!.. Принесу я тебе утре удочку, вставай только пораньше...

На следующее утро он разбудил Михаила ни свет ни заря и вручил что-то завернутое в тряпку, из которой торчал конец шнура.

— Вот тебе удочка, бро-сишь, где поглубже, к камню только примотай, чтобы потяжелше был, а то унесет. Взрывники тут просеку у нас бьют, пни корчуют, дали маленько, — объяснил Пожарник.

— Опасно? — спросил Окунев, принимая пакет.

— Шнур длинный, не бойсь, — успокоил Пожарник.

— Я не про то, — заторопился Окунев, беспокоясь, что дядька поймет его вопрос, как трусость. — Вдруг увидят?

— Кто? — удивился дядька. — На тридцать верст — ни души. Форменная тундра. А поглубже спустить — и не слышать будет. Оглядиись, конечно. Сак возьми.

Окунев спустился по Реке километров на десять, выключил мотор и долго лежал в лодке, наблюдая за медленно проплывающими берегами. Места все казались ему недостаточно глубокими, и он с сомнением поглядывал на сачок, представлявшийся ему слишком хлипким для пудовых рыб, которые всплывут из таинственных глубин...

«Мамочки мои!» — ужаснулся он, когда вокруг поплыли мелкие, как спички, белобрюхие мальки. Он никак не ожидая подобного результата и оторопело смотрел на тысячи убитых рыбешек. Вода выбрасывала их беспрерывно, Серая

лента ширилась и росла на глазах, как отмель, когда быстро спадает вода. Окуневу стало не по себе, и он торопливо завел мотор, чтобы бежать от этого страшного места. Он отплыл уже довольно далеко, когда оглянулся и увидел, что следом идет лодка.

«Влип!» — холодея, подумал он, закрутил до отказа газ и торопливо выбросил из лодки сачок, еще недавно представлявшийся такой необходимой снастью.

Приток входил в Реку под углом, почти против ее течения, и место, где сшибались потоки, походило на кипящий котел. Вода здесь то закручивалась воронками, глубокими, как колодцы, то пучилась буграми, которые медленно растекались, сминая волны.

Окунев на полной скорости врезался в эту мешанину воды и почувствовал, что лодка вдруг задрезжалась, как старая таратайка на разбитой дороге, а потом увидел, что прямо перед носом лодки разверзлась на ровной воде яма. Он рванул руль, ощущая, как отрывается и летит куда-то в низ живота сердце, на секунду закрыл глаза, ожидая самого худшего и надеясь уже только на старый спасательный жилет, который натянул перед поездкой вместо телогрейки, но лодка, резко вильнув, взлетела на водяной холм, прыгнула с него, как с трамплина, и приземлилась уже в спокойной воде.

Окунев сообразил, что вошел в Приток, и облегченно стер с лица пот, перемешанный с брызгами воды. Он оглянулся, страстно надеясь, что больше уж не увидит преследователя, но лодка сзади шла, как привязанная, не приближаясь, но и не отставая. Сомнений не было никаких — она гналась именно за ним.

«Вот тебе и «тундра!» — зло подумал Окунев и хотел было уже остановиться, чтобы все свалить на дядьку, но тут

же мелькнула мысль, что не Пожарник, а именно он убил мальков. Конечно, дядя достал взрывчатку у каких-то там пенькокорчевателей, у которых никто ее не учитывает и никто не знает, сколько они суют ее под тот или другой пенек. Но бросил взрывчатку в воду он и он, Михаил Окунев, будет виноват во всем, только он. Это было ясно. И он гнал и гнал вперед лодку, потому что еще сильнее боязни ответственности мучил его стыд.

Опять он подумал о дядьке, припоминая разговор с рыбаком Васькой, когда Пожарник первый раз привел Михаила на причал, чтобы показать лодку. Тогда Окунев не придавал этому разговору ровно никакого значения, но сейчас все всплыло перед ним до мельчайших подробностей...

Пошатываясь, они вышли через задние ворота в огород и зашагали вниз к причалу мимо почерневших куч прошлогодней картофельной ботвы. Причал заскрипел под тяжелыми шагами дядьки, между досок проступила вода, и этот Васька (он собирал рыбу в мешок в своей лодке) поднял голову.

— Ну и туша же ты, Пожарник! — в сотый, должно быть, раз искренне удивился Васька, маленький и какой-то засушенный.

Дядька не ответил, после обеда он спал и теперь был настроен благодушно.

— Вот она, красавица! Двести восемьдесят — как один рубчик, — сказал дядька и подвел «казанку» боком к причалу, чтобы Окуневу удобнее было оценить предмет его гордости.

— И работа у тебя вроде призвания, — не отставал Васька, вроде бы и не замечающий Окунева. — Сутки спишь, двое отдыхаешь. Чистый пожарник!

Дядька работал, как он объяснил Окуневу, «оператором» на газовой печи в поселке нефтяников. Но Ваське это явно было невдомек, и Пожар-

ник поспешил перевести разговор на другое.

— Есть рыба? — примирительно спросил он.

— Нет! — сказал Васька, вылакивая на причал мешок с рыбой. — Какую ты промышляешь, той нет.

Пожарник хохотнул, хотя Васькин тон раздражал его. Он выискивал, чем бы таким принизить Ваську, но тот неожиданно заговорил о другом.

— Халей новый, сказывают, объявился, — сообщил Васька, морща свое маленькое личико. — На почтовой заимке, слышал, ночует.

— Врешь все! — неуверенно отмахнулся Пожарник.

— В красном спасжилете ходит. И один, сказывают, ходить не боится, — продолжал Васька как ни в чем не бывало. — От двоих-то, мол, убегают, лодка, слышь, под двумя-то тише ходит.

— Чего ему бояться? — пробормотал Пожарник. — Власть!

— Ага! — хрипло хохотнул Васька. — Она. Сумку актов, говорят, написал...

— А что это такое — «халей»? — спросил Окунев, когда дядька увел его к дому.

— Инспекторов так зовут! — нехотно объяснил Пожарник. — Врет все крыса!

Окунев подумал тогда, что дядька удачно назвал этого Ваську: в маленьком его лице было действительно что-то крысиное, и тут же забыл о разговоре. Сейчас же все вспомнилось и встало совсем в другом свете, постыдном и мерзком.

Окуневу показалось, что мотор начинает давать перебои, он подумал, что кончается бензин и схватился за запасную канистру. Орудовал он одной рукой, чтобы не выпускать руль, струю бензина отжимало ветром и она плескала больше по сапогам Окунева и в лодку, чем в узкую горловину бака. Отбросив пустую канистру, Окунев оглянулся и отметил,

что идущая сзади лодка вроде бы приблизилась.

Нервничая, он достал сигарету, зажал между колен коробок и чиркнул спичкой. Она обломилась и зашипела на дне лодки, а потом в лицо неожиданно клубком ударило пламя. Михаил инстинктивно отшатнулся, выпустил руль и заслонил лицо руками. Он еще успел ощутить толчок, бросивший его вперед, а закатывающиеся глаза сфотографировали удирающего по пескам медведя, но оценить этого обстоятельства Окунев уже не мог...

Когда «тот», не одолев устья, свернул в Приток, Малев определил, что это человек нездешний и едва ли уйдет далеко: Приток кишел мелями и плавучим лесом.

«Шпонку сорвет, либо на мель наскочит», — рассуждал он.

Но лодка впереди уходила все дальше, каким-то чудом минуя мелководья, и Малев решил не жалеть больше нового мотор, выданный орсом.

— Не порвется, поди, — вздохнул он. — Потерпит...

Иван поднял со дна лодки ружье, вылил из ствола воду и прибавил газ. Скорость заметно увеличилась.

— Ну куда ты деваешься, посуди? Куда ты прешься? — негромко спрашивал Малев, когда на лодке впереди полыхнул огонь, а потом она вскинулась на дыбы.

Малев недоуменно протер глаза и сбросил скорость.

— Ото-то! — только и смог вымолвить он, когда подъехал вплотную.

Вспорота топляком от самого носа почти до середины новенькая «казанка» уходила мотором в воду и через минуту скрылась с негромким чмоканьем. На поверхности остались только горящий бензиновый бак, который неторопливо уносило течением.

Над лесом поднялось солнце. На берегах на все лады заливались птицы и где-то в глубине урлюкали косачи. Малев отвел глаза от вспыхнувших на воде солнечных бликов, огляделся и машинально засек место, где утонула лодка, а потом увидел «того».

Безжизненное тело Окунева покачивалось на волнах.

— Гляди-ка, не тонет! — изумленно сказал Малев, и потянулся к телу вешлом, чтобы втащить в лодку.

На правой ноге Окунева не было сапога, голая ступня стукнулась о дно лодки и как-то неестественно отвалилась в сторону. Малев поправил ее, подумав мельком, что ладно, видно, шарахнуло парня, раз из сапог вылетело...

Окунев мокрой кучей лежал в лодке и глядел в небо ржавыми белками закатывшихся глаз. «Не наш!» — окончательно заключил Малев, торпливо выгребая к пескам.

Загря настороженно подошел к неподвижному Окуневу и с врожденной брезгливостью ко всему мокрому обнюхал голову.

— Живой, палкой не убить, — предположил Малев, но пес равнодушно отошел в сторону, и он заторопился.

Лодка ткнулась в мель метрах в пяти от сухого берега, Малев прыгнул в воду и взвалил Окунева на плечо. Загря скачками бросился вперед, вздымая фонтаны воды.

На берегу Малев свалил Михаила на песок и, опустившись на колено, навалил утопленника животом на другое. Из носа и рта Окунева полилась вода, он захрипел, но Малев продолжал встряхивать обмякшее тело, чтобы окончательно очистить желудок и легкие. Вскоре Окунев судорожно задергался, его начало рвать, и Малев освободил колено.

— Не сдохнет теперь! — успокоился он, оглянулся и увидел, что освобожденную от груза лодку сняло с мели и

унесло течением. Она покачивалась на волнах метрах в двухстах от берега. И догнать, остановить ее было нечем.

Малев отыскивал глазами пса, беззаботно шныряющего вдаль под деревьями, и выругался. Он считал, что собака обязана была предупредить его насчет лодки.

— Сукин ты сын! — сказал Малев без всякого выражения и, не оглядываясь, зашагал по медвежьим следам вслед за лодкой.

Когда Окунев отдышался, на берегу никого не было. Он обнаружил, что лежит на песке, вскочил на ноги, но тут же свалился и опять потерял сознание от дикой боли, полоснувшей по сердцу.

А Малев, прошагав песками километра три в надежде, что лодка застрянет где-нибудь на мели, остановился, размышляя, стоит ли возвращаться. Выходило, что стоит: парень остался не в лучшем виде.

«Сгибнет щенок!» — беззлбно подумал Малев и повернул назад.

Он нашел Окунева там же, где оставил, только тот лежал теперь на спине, выставив к солнцу алебастровое, без единой кровинки лицо. Босая нога распухла и сравнялась по толщине с сапогом.

«Эк, как ее разворотило!» — удивился Малев и закрутил, поскольку дело принимало худой оборот.

Окунев открыл глаза и увидел Малева.

— Где я? — хрипло спросил он.

«Воскрес!» — подумал Малев, присел и ощупал распухшую ступню художника.

— Нога! — застонал Окунев.

— Вижу, что не рука! — пробормотал Малев, соображая, что предпринять, потому что нога у парня по всем видам была изломана.

Малев поднялся и пошел к лесу.

— Куда же вы? — слабо крикнул Окунев.

Но Малев ничего не ответил. «Связался черт с младенцем», — подумал он.

Малев вошел в мелколесье и нашарил на поясе нож. То обстоятельство, что нож был на месте, отчасти его успокоило и он принялся ссекать две березки подлиннее. Соединил березы у ветвей поперечинами из тальника, и получилась волокуша с оглоблями, вроде тех, на которых таскают сено. Зачистив концы оглобель, чтобы кора не драла руки, Малев потащил волокушу к берегу.

Окунев лежал ничком метрах в двенадцати от прежнего места. На песке, там, где он прополз, виднелась неровная борозда.

«Сопляк, а туда же! Ладно, что совсем не убили», — Малев завалил Окунева на волокушу и потащил к лесу, где наметил развести огонь.

На опушке леса под низкими сучьями старой березы Малев быстро развел большой костер и ловко вытряхнул Окунева из одежды, перевалив его с волокуши на свой полушубок. Мокрые тряпки он развесил на сучьях березы, и от них сразу же повалил пар. Закурив и привалившись к березе спиной, Малев оглядел мальчишески хрупкое, слегка тронутое загаром тело художника, вздохнул, подтянул полушубок за полу поближе к огню. Потом встал и ободрал с ближней осины кору. Корявая и шишковатая снаружи, кора внутри была гладкой и холодной. Уложив в лубок ногу Окунева, Малев соединил края коры и крепко обвязал, разодрав надвое подсохшую майку. Получилось это у него ловко, нога оказалась закованной не хуже, чем в гипсе.

Окунев открыл глаза, поднялся и удивленно оглядел свою ногу. Потом увидел Малева и вопросительно посмотрел на него.

— Я ничего не помню, —

сказал он, откидываясь на спину. — Только огонь и медведя...

«Ладно его звездануло!» — снова подумал Малев и объяснил положение.

Он подробно, будто сам при этом присутствовал, рассказал Михаилу, как тот пролил бензин, а потом бросил окурки и потерявшая управление лодка врезалась в топляк.

— Спичку! — сказал Окунев.

— Что спичку?

— Я спичку уронил, — сказал Окунев.

— Хрен редьки не слаще, — сказал Малев, сдирая с ветвей высохшие вещи и бросая их Михаилу. — Ты чей будешь?

— Я художник, — сказал Окунев. — Моя фамилия Окунев. Михаил, Я к Пожарнику приехал.

— А, — сказал Малев. — Понятно.

Окунев не стал спрашивать, что именно понятно этому странному человеку. В глазах у него мутилось, и он беспрекословно позволил втащить себя на волокушу, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не застонать.

— Держись! — посоветовал Малев и потащил волокушу по песку.

Окунев вцепился рукой в перекладину и, сжав зубы, закрыл глаза. «Вот это номер!» — думал он.

Путь показался ему нестерпимо длинным. Он повернул голову и увидел, что река мелькает справа, и волокуша двигается вдоль воды.

— Куда вы меня везете? — спросил он.

— Домой! — не оборачиваясь, бросил Малев. — К Пожарнику. Лодка уплыла, пока я с тобой вошклся.

Окунев от неожиданности выпустил перекладину и съехал на песок. Трусивший сбоку Загря свернул к нему и выжидательно остановился.

— Это я виноват! — сказал Окунев, приподнявшись. — Я сам пойду.

— Давай! — разрешил Малев. — Спробуй.

С минуту он презрительно наблюдал, как художник возится на песке, потом подошел и за плечи втащил его обратно на волокушу.

«В два дня, пожалуй, не добраться!» — прикидывал он, стараясь шагать пошире. — На прижимах намучаюсь...»

«Хоть бы ругался, что ли!» — думал Окунев, глядя на заросший затылок шагавшего впереди человека. Вскоре он опять впал в забытие, и Малеву пришлось закреплять его на волокуше тальником, чтобы не скатывался.

Часам к четырем Малев почувствовал, что сил больше нет, подтащил волокушу к лесу и сел прямо между оглоблями. Отдышавшись, он перетащил Окунева на полушубок под деревья и ненадолго задумался, соображая, как добыть пищу. Надеяться приходилось только на себя, потому что ни пешком, ни на моторе никто в этот Приток не сунется, делать нечего. Разве что пойдут вверх баржи, повезут хантам продукты, пока не спала вода, но это через неделю, не раньше, а столько сидеть тут Малев не собирался.

Он огорчился немного, подумав, что плашкоут, надо полагать, уже подошел к стану, и могли приплавить лошадь, а его нет на месте. Но, поразмыслив еще, решил, что большой беды не будет, — мужики обнаружат садок и выберут рыбу, а лошадь — ничего, покормится пока в пойме, волков там нету.

Взглянув на красное, пятнами лицо Окунева, Малев огорченно вздохнул и принял решение разводить огонь. Потом принес с берега пару голышей и бросил их на угли, чтобы калились.

Подходящую березу Малев нашел недалеко от костра. Она была ровная и гладкая, с четверть в диаметре — как раз то, что надо. Сделав аккуратный

надрез, он содрал трубку бересты сантиметров тридцать длиной и сел на буреломную лесину, помянув старика, который когда-то научил его пригодившемуся теперь ремеслу.

Дело было нехитрое. На одной кромке берестяной трубки он нарезал ровные отверстия, а на другой треугольнички. Треугольнички плотно вошли в отверстия и трубка сшилась, крепко и плотно.

Оставалось подыскать дно. Малев нашел на песке обломок подходящей дощечки, поставил на него трубку, очертил кончиком ножа и вырезал круг, ровный и гладкий. Поставив трубку на колено, Малев сверху затолкал в нее дно и осадил до нижнего конца. Дно было немного больше диаметра берестяной трубы, поэтому село прочно и надежно.

— Без малого — все! — подвел итог Малев, набрал в туесок воды и быстро пошел к костру, потому что вода все-таки протекала в шов и у дна, а он хотел донести ее, как можно больше. Поставив туесок на землю, он выхватил из костра один из камней, прихватив его шапкой, и опустил в туесок. Вода там мгновенно закипела, береста распухла и затянула все щели.

— Вот так! — сказал Малев. — Теперь хоть спирт наливай.

Отойдя немного в сторону, он набрал всегда зеленого брусничника, выполоскал его, залил чистой водой и заварил тем же способом, предварительно обтерев каленый камень рубахой, чтобы в питье не попала зола.

Пока остывал брусничный отвар, Малев вырезал пятиметровую жердь, подрезал в двух местах ее конец и согнул треугольником. Получился остов сачка с длинной ручкой — натягивай сетку и рыбачь. Но сетки не было, и Малев приспособил вместо нее нижнюю рубаху, завязав узлом ворот и рукава. Чтобы вода все-таки

проходила сквозь, он проткнул в ткани ножом несколько отверстий.

Последний раз подобным способом Малев рыбачил лет сорок назад, ловил пескарей. Вспомнив это, он хмыкнул и пошел к воде. Такая ловля на родине Малева называлась «накидкой». Веснами, пока не отстоялась вода и рыба не видела снасти, ребятишки не вылазили с речки, накидывая саки на все мало-мальские заводины.

— Господи, благослови! — усмехнулся Малев, подумав, что тут-то вода — мутнее не бывает, и набросил свой диковинный сак на крохотный омуток метрах в трех от берега. Он спустил его вниз устьем, почувствовал, когда тот дошел до дна и потащил к себе, стараясь не отрывать от земли. Тащить приходилось медленно, потому что вода плохо проходила сквозь ткань, хоть там и были дыры.

С первого раза Малев накрыл двух крупных чебаков, а уже в следующей заводине зацепил у самого берега пятикилограммового налима, который едва не ушел вместе с рубахой.

— Вот он кто — в мутной воде живет! — довольно сказал Малев псу, привлеченному возней с налимом.

Да, той детской речке было далеко до Притока. Отремонтировав покaleченную налимом снасть, Малев поймал еще килограмма три мелочи, снял с сачка рубаху и сбросил в нее рыбу. «Так-то оно лучше, голова не болит», — думал он, возвращаясь к костру.

Окунев съел кусок запеченного налима, выпил горьковатого отвара, приготовленного Малевым, и почувствовал себя бодрее.

— Я сам не знаю, зачем сделал все это! — виновато сказал он, хотя Малев ничего не говорил ему.

«Поглядеть ты хотел, что выйдет. Вот и поглядел...» —

подумал Малев, прилаживая к волокуше рубаху с рыбой.

— А мне страшно стало, когда я увидел, что их всплыло так много,— продолжал Окунев, спеша выговориться.— Я ведь художник и природу люблю...

«Никого ты не любишь,— вздохнул про себя Малев.— Ни себя, ни зверей...»

Он втащил Окуневу на волокушу, закрепил, чтобы не свалился, потом залил костер, взялся за оглобли и пошел, держа путь к закату. «Какие теперь ночи?— думал он.— На час разве стемнеет. Идти надо...»

Окунев терзался, чувствуя полную зависимость от своего молчаливого спутника, поступающего, по его мнению, совсем не так, как должен поступать инспектор, догнавший браконьера. Он пытался даже как-то объяснить ему себя, но чувствовал, что не может, поскольку и сам не знал толком, кто он на самом деле — Михаил Окунев, художник провинциального издательства, 29 лет.

— А я в деревне родился,— вспомнил Окунев.

Малев хотел ответить, что может и так, многие родились в деревне, да не многие это помнят, но не нашел подходящих слов.

Промолчал.

Машина не имела каких-то определенных очертаний, но Окунев знал точно, что эта белая стена за спиной Клары — машина. Клара расставляла около стены корзины, сшитые из бересты.

— Зачем они тебе?— спросил Окунев.

— Складывать части,— ответила Клара.

Он удивился, что части человеческого тела, прежде чем за них примется машина, сшивающая их, почему-то бросают в корзины. «Могли бы придумать что-нибудь почи-

ще»,— подумал он, увидев свою ногу, лежащую в такой корзине. Оторванной частью нога касалась грубой коры прутьев и Окуневу стало не по себе.

Потом он сообразил, что видит какие-то сны и решил управлять ими, чтобы увидеть что-нибудь приятное. И стал гостем эскимосского вождя. Они сидели с ним на снегу и пили чай, а вокруг танцевали полуголые девушки, похожие на натурщи.

— Это пять твоих жен!— сказал вождь, показывая на девушек.

Окунев удивился и хотел спросить, почему именно пять, а не три или шесть, но вождь сказал ему, что таков обычай.

— Я принимаю твою веру!— сказал вождю Окунев...

Но и этот сон не имел конца, и Окунев рассердился.

«Я сам придумаю такой сон, если никто не может!»— решил он определенно.

— Не знаю, не помню, в одном селе, может, в Калуге, а может, в Рязани, жил мальчик в простой крестьянской семье, желтоволосый, с голубыми глазами...— сказал Голос и сон начался.

...В крестьянской избе, пропахшей худшими запахами земли, старик и мальчик схлебывают пену с обрата — обезжиренного синего молока.

Мальчику лет восемь, зовут его Мишкой, а старик имени своего не помнит, из-за того, что все в деревне называют его Кумом. Кум да Кум — вот он и забыл.

— Не беги — не прокиснет! — нарушает молчание Кум и больно щелкает Мишку высохшим жестоким пальцем по шишковатому затылку: тот черпнул синюю пену не в свой черед.

Мишка исподлобья оглядывает старика, бросает ложку и молча идет из избы.

— Опять выживаться стал,— хмуро говорит он, усаживаясь на кособокую прогнившую приступку.

Во дворе пусто. Только корова Манька стоит у разваливающегося заплота и вдумчиво что-то пережевывает, хотя травы или какой-то другой коровьей пищи нигде не видно.

«Набрала на поскотине полный рот и теперь ест бережно»,— догадывается мальчик и двигает губами, сожалея, что сразу проглатывал пищу.

Ночь спустилась на землю, а Мишка все глядит на корову, ожидая, когда у нее закончится еда.

Все молоко, скошенное за день этой тихой коровой, вечерами выдаивает тетка Паля и без промедления относит в рогатом подойнике на молоканку. Мишке и Куму молока она дает редко, его надлежит сдавать без остатка, чтобы сбить масло.

Масло Мишка представляет смутно, он никогда не видел его, так как домой тетка взамен молока приносит один обрат.

Молоканка поблизости, поэтому пена на обрате осесть не успевает, и Мишка первый придумал есть ее ложкой. Но Кум, ясное дело, этого не помнит, где ему все упомянуть, раз он такой старый.

— Манька, а Манька?— зовет Мишка корову, но говорить с ней не собирается, мысли его идут в другом направлении.

Мальчик прикидывает, не пожаловаться ли тетке, когда она явится с разрядки из колхозной бригады, но передумывает: «Подь ты к семи чертям!»— скажет она, и дело на том останется.

Мишка вздыхает. Ему грустно от того, что нет у него человека, с которым можно поговорить серьезно: отец и мать пропали без известий на войне, а сестра Зинка померла весной, говорили, объелась. Чем таким можно объестся, чтобы насовсем помереть, когда кругом голод и никакой еды нет, Мишка не знает и пустым разговорам не верит. Сестра у не-

го была совсем большая, ходила и все понимала, только говорить еще не умела.

Мишка скорбно сморкается, зажимая по очереди ноздри грязным пальцем, и вытирает руку о доски завалины. Верь не верь, а Зинку-то закопали.

Проглядев его во мраке двора, в избу проходит тетка, зажигает лампу и принимается за что-то ругать Кума.

— Пошла работа, — морщится Мишка и решает, что пойдет, пожалуй, завтра сходит к этим семи чертям, поскольку другого выхода не предвидится: долго ли, коротко ли, а придется им с Кумом туда идти.

«Дня за три обернусь, а то — за два, если покруче идти», — размышляет мальчик. Он думает о том, что, может, черти дадут каких продуктов, если обсказать, как обстоит дело, но тут же трезво гонит надежды. «Сами, должно, с пятого на десятое живут — время такое». Заодно он отказывается от мысли брать с собой деда: слабый вовсе, не дойдет.

— За него и за себя схожу разом, — говорит он корове, — пусть еще поживет маленько.

Выходит тетка, натывается на мальчика, пугается чего-то и начинает причитать, что навязались вот на нее старый да малый, а она сама еле ноги таскает от трудной работы.

«А ну их совсем, — решает Мишка. — Уйду на войну, пусть отдыхают». Он входит в избу и ложится на свое место. Ночью Мишка видит себя большим. Он идет по полю и стреляет немцев из горячего прыгающего пулемета, а когда убивает всех, повар наваливает ему целый котелок жирной каши. Мишка чмокает во сне губами, ворочается.

На другой день он встает вместе с солнцем. Кум сидит на лавке, долбит в ступке, поставленной на колени, прошлогоднюю лебеду на лепешки, а тетки нет, пошла провожать корову в стадо,

На столе в полулитровой банке стоит немного молока, но Мишка его не пьет.

— Пойду я, — говорит мальчик старику, — ты меня не теряй, а молоко выпей.

Он уже не сердится на Кума.

Старик не обращает внимания на Мишку, продолжает работать. Мишка не мешает, выходит из избы и идет, не задерживаясь, через деревню по следам табуна, перемешавшего на дороге влажную сверху пыль. Он держит путь к северу, где темнеют на горизонте маленькие телеграфные столбы. За столбами начинается согра. Весной кто-то поджог там камыши и они горели неделю. Ночами в этом краю стояло кровавое зарево, смотреть на которое было тоскливо и страшно. Мишка полагает, что где-то там, за горелой местностью, и располагается фронт. Дорогу мальчик не спрашивает: к фронту ведет степь, идти легко и все видно.

Сухой ковыль и колючки отмякли от росы, Мишка смело ступает по ним привычными ногами. Когда солнце стало припекать, он набредает на влажное место. Маленькое зеленое пятно в желтой горячей степи. Высыхающее болото дает влагу растениям, и они живут вокруг него торопливо и радостно.

Мишка идет поискать воду и замечает дикий лук, растущий большими пучками. Он долго и с удовольствием ест его, выбирая молодые стебли. Потом идет дальше, находит воду, пьет и опять возвращается туда, где растет лук, чтобы заготовить запас на дорогу. Он собирает толстый пучок, завязывает камышинкой и закидывает за спину. Потом оглядывается, чтобы запомнить удачное место.

Деревня давно скрылась за холмами, а телеграфные столбы приближаются тихо, вроде бы он и не шел. Мишка вскоре устает и ложится прямо на ко-

выль. Он лежит долго, дергает из пучка стебли и неторопливо съедает, думая о том, что неплохо бы угостить луком Кума, потому что, если разобраться, то он тоже не очень родной тетке Поле, он ей свекор, а свекор — родня так себе.

Солнце поднимается и начинает привычно печь землю. Дождя нет с весны, и Мишка знает, что, коли не будет его еще с неделю, зимой весь народ помрет. Он много раз слышал это от Кума, и сердился на солнце.

На соседнем холме протяжно свистит сурок, и Мишка удивленно поднимает голову, забыв про солнце: окрест деревни еще по весне выловили всех сусликов и сурков, их мясо в большой цене.

Мишка и Кум тоже кормились промыслом, пока завидный человек не унес в одну ночь оба ихних капкана, настороженных на глупых зверей.

Теперь в деревне уж давно никто не ловит грызунов, только колхозный обездчик Дергоножка привозит изредка из потаенных мест одного-двух сурчат. У Дергоножки имеется лошадь, выделенная для сбережения полей от тех, кто может польститься на колхозный хлеб, настричь колосьев на еду.

Обездчик на войну не пошел по причине короткой ноги, а устроился на сытную должность, так как, несмотря на хромоту, был в деревне самым исправным мужиком.

— Пустили козла в огород, — говорит по этому поводу Кум и ругается плохими словами. Мишка знает, что дед подзревает в воровстве капканов Дергоножку, но молчит, поскольку не пойман — не вор.

Мальчик встает, оставив лук, и подходит потихоньку к взгорку, где сидит сурок, приглядывая по дороге какой-нибудь предмет. Но степь голая. Тогда он оставляет мысль подбить зверя и решает просто осмотреть местность. Он ско-

рым шагом поднимается по склону и видит целое сурочье поселение. Справа и слева, заметив его, бегут к норам толстые, похожие на маленьких собак, сурки.

Мишка собирается продолжать путь, но замечает в одной из нор странно застрявшего зверя.

«Сдох, должно, от болезни», — думает мальчик и идет посмотреть в чем дело.

Сурок оказывается живым, в нору ему не давал убежать капкан, сжавший длинную заднюю ногу. Капкан привязан к колышку, вбитому рядом с норой; Мишка осматривает капкан и широко открывает глаза: на пружинке виднеются метки, сделанные в свое время Кумом — два крестика и палочка поперек. Мишка помнит их хорошо. Кум при нем наносил их напильником на поверхность пружины.

Мальчик оставляет пойманного сурка в покое, идет к ку-

стам. Он находит там небольшую палку, возвращается и бьет сурка по заду, а когда тот выворачивается из норы и скалит длинные, как шилья, зубы, ударяет его палкой по носу. Зверь затихает. Тогда Мишка отвязывает капкан и, устроив мертвого сурка на плече, обходит остальные норы. Он находит еще шесть капканов, терпеливо ожидающих жертв, снимает их, аккуратно связывает и тоже пристраивает за спину. Мишка знает, что Кум не одобрит его, если он оставит хоть один капкан подлему человеку. Сам мальчик пока еще не научился разбираться в сложностях жизни, но ему помогает инстинкт справедливости, заложенный во всех людях.

За работой Мишка сильно устает, он возвращается к покинутому до времени луку, кладет на землю ношу и садится передохнуть перед дорогой. День сворачивает на дру-

гую половину, но жара все не спадает. Где-то далеко, на конце неба, курчавятся тучи и даже гремит, но так идет с самой весны, а дождь не доходит до деревни, проливается на землю в ненужных местах.

Мишка переводит взгляд с неба на поникшую от жары степь и замечает вдали верхового. Подозрения оживают в мальчике: он узнает Дергоножку.

Всадник съезжает в низину и скрывается из глаз, но Мишка уже не сомневается насчет его пути и высматривает место для убежища. Он торопливо собирает поклажу, низом обходит взгорок и углубляется в кочкарник. Садится там за стеной камыша, на широкой сухой кочке.

Вскоре из-под кочки неторопливо выползает черная болотистая гадюка, сворачивается в полукольцо и опасно смотрит стеклянным глазом на гостя.

— Иди, иди,— говорит ей Мишка.— А то вон, видишь? Сила-то у него не меряна, не выболел. Прибьет обоих...

Гадюка уходить не хочет, тогда Мишка срывает длинную камышину и издали щекочет пушистой верхушкой узкую змеиную голову. Гадюка отворачивается и стремительно уползает, прошуршав сухим камышом.

— Давно бы так,— одобряет мальчик.— Не до тебя...

Дергоножка выезжает на взгорок, спугнув успокоившихся сурков, и крутит коня, потом подозрительно оглядывает окрестности, трогает коня в направлении дома.

— Ищи ветра в поле...— говорит Мишка и оглядывается, отыскивая глазами змею, чтобы сказать ей, что опасность прошла, но гадюка ушла окончательно.

Мальчик гладит сурка по жирному боку, и смотрит на солнце.

— Придется топтать обратно,— говорит он,— отнесу мясо, а то пропадет, ишь — жарит...

Мишка вздыхает, сожалея, что приходится откладывать задуманный поход, и споро шагает к дому, сгибаясь под непосильной тяжестью. Он идет другой дорогой, решив вернуться по пути на поле, по которому в прошлом году садили картофель. Картофель остался в зиму, копать его было некому, весной солнце высушило землю, а вместе с ней и перезимовавшие картофелины, превратив их в сухие шарики, пригодные для выпечки лепешек и черного крупчатого киселя. Люди давно собрали этот картофель, но если порыться в земле, можно найти еще гнездо-два. Мишка знает, места, где гнезда попадаются.

— Принесу заодно и картошку,— рассуждает он, разрывая куском палки пыльную землю и радуясь, что вернется домой с запасами пищи.

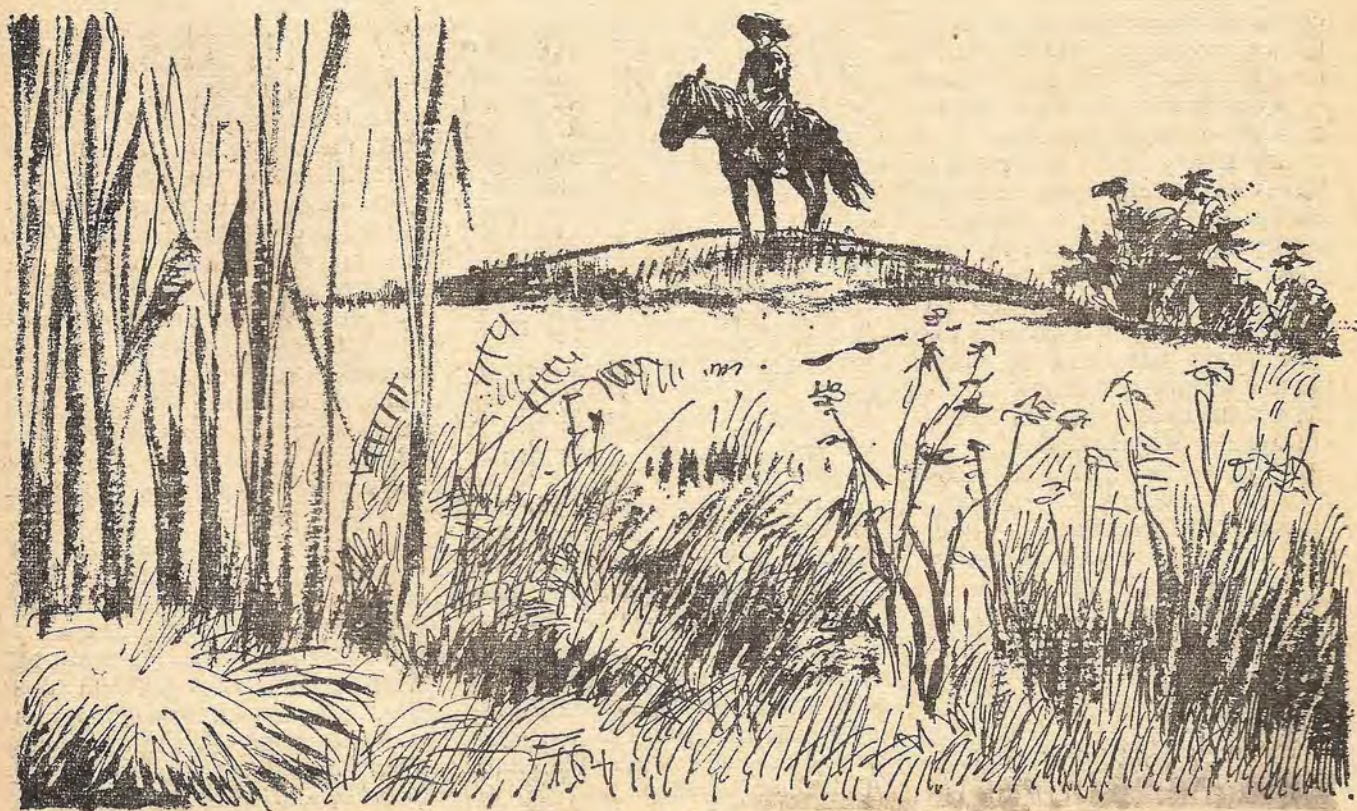
Мешка у него нет, но он приспособливает рубаху, завязав узелками рукава. К вечеру она набирается доверху.

Мишка пробует нести все сразу, но сил не хватает. Тогда он замечает впереди приметную травинку и относит туда картошку, а потом возвращается за капканами и сурком.

Он подходит к своей избе с огородов, перебрасывает через прясло всю поклажу, перелезает кое-как сам и садится на землю.

Мысль о том, что все доставлено и теперь уж никто не отнимет у него добытые запасы, успокаивает, Мишка ложится на теплую землю и тут же засыпает глубоко и спокойно. А когда луна освещает пыльную деревню, его находит Кум. Старик приносит из избы старый облезлый тулуп и перекатывает на него Мишку, укрывает полон.

— Кормилец, стало быть,

вырос,— заявляет Кум тетке Поле.— Теперь не пропадем.

— Солнце нынче в тучу ушло и воробьи в пыли купались — должно, дождь будет,— с надеждой говорит она.

— Дай-то бог,— вздыхает Кум, поднимает с земли тяжелого сурка и идет ко двору свежевать...

— Но это же не сон,— сказал Окунев удивленно.

Сознание после передышки опять потихоньку вернулось к нему.

Ненадолго.

К вершине ночи, когда на сером небе проступили блеклые звезды, Малев вышел к ручью, впадающему в Приток. Он знал о нем и все время помнил, но шел, надеясь, что лодка застрянет где-нибудь раньше, а теперь пути вперед больше не было. Ручей, который в разгар лета перешагнуть, что плюнуть, разлился в реку.

Художник то ли спал, то ли опять был без памяти, он бормотал что-то невнятное и стоял.

«Топоришко бы мало-мальский!» — думал Малев.

Во рту у него пересохло. Хотелось упасть прямо на песок и двигаться. Он подошел к берегу и черпнул черную воду ладонью. Рука дрожала и расплескивала воду, но он все-таки напился и только тогда прилег недалеко от волокуши, притянув к спине собаку, чтобы грела. Так или иначе, а надо ждать утра.

Часа через два Малев проснулся и оценил обстановку. Положение оказалось хуже, чем он думал: ручей разлился метров на двести. Можно было бы попробовать подняться по ручью и перейти его где-нибудь в вершине, но с волокушей по лесу не пройти, нечего и думать.

Ручей и Приток, сливаясь, образовали длинную косу, Ма-

лев стоял на ее конце, а кругом была вода.

— Край земли! — сказал сзади Окунев.

Малев обернулся и поглядел на заострившееся, с опаленными бровями лицо спутника.

— Бросьте меня, потом вернетесь! — вяло предложил Окунев. Ему не хотелось ни говорить, ни двигаться.

— Вернуть или нет — бабушка надвое сказала, — ответил Малев, думая о плоте, который без топора едва ли удастся сделать.

Примерно в километре ниже по течению Притока виднелся островок, разбивающий реку на два рукава. Остров был достаточно длинный. Приток плотно обжимал его, и Малев почти не сомневался, что лодку прибило к острову. Но близок локоть, да не укусишь.

«Надо чай покуда варить!» — решил Малев и стал собирать костер из плавника.

Окуневу было все равно. Ему ничего не хотелось и все было безразлично.

Костер разгорелся, выбрасывая к небу белый дымок. Сыроватые дрова потрескивали и разбрасывали искры. Малев вымыл несколько кусков налива и укрепил на прутьях над огнем, потом набрал в туюсок воды и достал из кармана горсть слегка увядшего брусничника, ополоснул его в струе и встряхнул, чтобы вода стекла.

— Вот так! — приговаривал Малев. — Живы будем — не помрем. Ну, пей, красна девица!..

Окунев впервые увидел, что сухие, обветренные губы спутника чуть тронула улыбка, и стал глотать горькую, пахнущую баней, теплую красноватую воду.

«С него даже портрет не получится — обычное лицо», — вяло думал Окунев, чувствуя, как возвращаются силы и оживают краски,

В двух шагах невозмутимо катилась вода. Опять взойшло солнце и рассыпалось по воде тысячами зеркал, вспыхивающих в мелких волнах. Через реку пролетел глухарь, Малев проводил его взглядом и подумал, что токам подходит конец, время садиться на гнезда. Он навалился на локоть и закурил, вытянув ноги.

— Замечаю — не куришь? — спросил он Окунева.

— Не хочу, — отозвался тот, ощущая неприятную горечь во рту.

«Верный признак, — подумал Малев. — Курить не хочешь — захворал. К бабке ходить не надо — по себе знаю... Застудился парень...»

Он оглядел пустынные белые пески и решил вернуться назад, где лес подступал поближе к воде, посмотреть на счет плота.

Он прошел довольно далеко по кромке воды, когда заметил черную доску, ребром выглядывающую из песка. Он, походя, пнул ее, но доска только спружинила и он остановился, боясь поверить своей догадке.

Малев опустил на колени и руками отгреб от доски песок. Сомнений не оставалось — это был борт замытой песком старой деревянной лодки. «Без дна, поди?» — суеверно подумал Малев, все еще не надеясь на удачу. Под ногти набивался песок, вода плотно спрессовала его, и Малев оглянулся, выглядывая подходящий инструмент. Вскоре он нашел короткий заостренный обломок доски, который при нужде мог заменить и весло.

Примерно через час Малев откопал долбленый из цельного ствола громадной осины неводник, поднимавший в свое время, должно быть, тонну рыбы, убедился, что днище у него сохранилось. Правда, по всей его длине, от носа до кормы, шла трещина пальца в два шириной. Но Малев решил, что дело это поправимое, если лодка не разломится,

Он вспомнил, что видел где-то на берегу бревно с обрывком алюминиевого троса, походил по пескам и нашел его. Трос он расплел на три части, и в трех местах стянул лодку, пропустив проволоку под днище. Наверху бортов он закрутил связки палкой до тех пор, пока не почувствовал, что проволока напряглась и вот-вот лопнет. Получилось не очень надежно, но Малев был доволен.

Оставалось столкнуть лодку к воде, что он и сделал довольно легко, используя вместо катков круглые обломки плавника. Лодка скользнула по ним и закачалась на волне, на глазах заполняясь водой. Тогда Малев, поднатужившись, вытащил ее обратно на кромку песка. Вода сбегала в реку, а через трещину в днище стало видно песок.

Малев снял пиджак, растянул его на дне лодки, чтобы

занимал побольше места, и законопатил главную часть трещины. Оставались еще дыры в носу и корме, но на них должно было хватить рубахи, в которой хранилась рыба.

Теперь можно было бы перегнать лодку к волокуше, но, поразмыслив, Малев решил не делать этого. Отплывать надежнее было отсюда; от косы лодку могло пронести мимо острова, дощечкой течения не осилить...

Он подтащил волокушу к лодке, вытряхнул в корму рыбу из рубахи, разорвал ее надвое и окончательно заделал трещину.

Окунев совсем раскис и тупо наблюдал, как Малев возится с невесть откуда появившейся лодкой.

«Ну,— подумал Малев, выгребая на стрежень,— теперь ежели что — и пиджачок не поможет...»

Он посмотрел на художни-

ка, оценивая его возможности, но тот никуда не годился, сидел прямо в воде и не открывал глаз. Загря стоял рядом, поджимая по очереди то одну, то другую лапу и смотрел на остров.

Лодка хорошо слушалась дощечки, которой Малев торопливо загребал воду. Она постепенно заполнялась водой, но шла ходко и сидела на воде надежно, как новая. Видно было, что ее делал мастер, и Малев с легкой завистью подумал, что это совсем не просто — из куска дерева вырубить такую совершенную вещь.

Остров стремительно двигался. Лодка ткнулась носом в камни, проволоки, стягивающие ее борта, лопнули, и она развалилась на две половинки, как раковина. Окунев оказался спиной на камнях. Малев подхватил его под мышки и оттащил повыше на ровную землю, за кусты,

— В самый раз управились, — сказал Малев и бросил последний взгляд на обломки лодки.

Из кустов к людям бросилась, радостно повизгивая, тощая грязно-белая собачонка. Загря мгновенно сбил ее с ног, и она тоненько заскулила, поджав хвост.

— Цыц, ты! — заорал на пса Малев и тот опустил на загривке шерсть, настороженно обнюхивая гостью.

Малев подошел к собаке, потрепал за ушами и сучонка доверчиво прижалась к его ногам, боязливо косясь на Загрю. «Льдом унесло от хантов», — сделал вывод Малев и пошел осматривать остров.

Как он и думал, его лодка была на острове. Нависшие над водой корни подмытых деревьев крепко держали ее за мотор.

«Ладно, что не затопило!» — облегченно вздохнул Малев и принялся освобождать лодку из паутины корней.

Белая собачонка кубарем слетела в лодку вслед за ним и прижалась к баку.

— Ишь ты... Найдена! — ласково пробурчал Малев. — Натерпелась тут.

Он на веслах обогнул остров, соображая, что теперь-то ему сам черт не брат, и не успел еще пристать к кусту, за которым лежал Окунев, когда услышал мотор и увидел лодку. Он сразу узнал Пожарника, столбом возвышающегося на носу лодки, и погодил причаливать, чтобы тот тоже его заметил.

За рулем сидел Васька-рыбак, он лихо воткнул лодку в песок между камнями и заглушил мотор.

— Здорово, Иван Александрович, — заговорил Васька, удивленно глядя на Малева. — Да ты тут рыбачишь никак?

Малев промолчал, с брезгливым любопытством оглядывая Пожарника, точно видел его впервые.

— Парня евоного ищем,

художника, — объяснил Васька. — Всю реку изъездили, сгиб, видно, парнишка...

— За кустом вон лежит, — сказал Малев.

— Ну?! — Васька от неожиданности открыл рот и выпрыгнул из лодки. Пожарник шагнул следом, боясь увидеть изувеченный труп.

Окунев глядел равнодушными глазами и не пытался даже подняться.

— Ой-е-ей! — заохал Пожарник. — Что это с тобой такое случилось? А лодка где?

Пожарник уже заглянул в лубок и убедился, что нога у Окунева на месте, не оторвана.

— Лодка утонула! — сказал Окунев. — Я потом расскажу...

— Да как же это? С ногой-то что? — спрашивал Пожарник, лихорадочно подсчитывая убытки: мотор — четыре сотни, лодка — двести восемьдесят...

— Ты не причитай, его в больницу надо везти, а то плохо будет, — сказал Малев.

— Сейчас, сейчас, помоги-ка, Васька! — заторопился Пожарник, жалея лодку и радуясь одновременно, что Малев, видно, ничего не знает о взрывчатке. «Как-нибудь извернемся, извернемся как-нибудь», — лихорадочно думал он.

С помощью Васьки Пожарник уложил Окунева в лодку и вернулся на берег за спасательным жилетом.

— Сейчас, сейчас, — бормотал он.

— Ты где амонал берешь? — бесцветным голосом спросил Малев и придержал за рукав наладившегося в лодку добытчика.

— Да ты что?! — чувствуя, как немеет спина, закричал Пожарник, отступая к воде и оглядываясь на Ваську. — Какой амонал?

Васька дипломатично молчал, освобождая весла. Загря, вытянув шею, пружинисто шел за Пожарником, готовый вцепиться ему в горло по первому знаку хозяина. Но Пожарник

пса не замечал, не смея оторвать глаз от чугунного лица Малева. Вода уже лилась через голенища коротких Пожарниковых сапог, но он продолжал пятиться.

— Ты это... — не меняя голоса и не двигаясь с места, продолжал Малев. — На реку больше не кажись. Отвадься.

— Садись, — Васька ткнул Пожарника в спину веслом и тот задом завалился через борт в лодку.

— Пока, Иван Александрович! — крикнул Васька и отпихнулся веслом от камней.

— Ширмач! Тюремщик! — бормотал Пожарник, нервно передергивая плечами. Он никак не мог отделаться от холода, сковавшего позвоночник. — Такой утопит и не задумается!

— Даже не сомневайся, — радостно уверил Пожарника Васька и завел мотор.

Окунев хотел сказать, что не будет Малев никого убивать, не такой он человек, но передумал.

Для пользы дела.

Малев подъехал к своему берегу минут через тридцать после того, как Васька увез художника. Подружившиеся собаки выскочили из лодки, едва она коснулась песка, и убежали в пойму, а он, усмехаясь своей недавней оплошности, несколько раз обмотал лодочную цепь вокруг коряги, торчавшей из обрыва, и защелкнул карабин.

В обласке лежал мешок с продуктами, дополнительно присланными из дому Марией, тут же валялся хомут с постромками и вальком, а неподалеку ходила лошадь, выбирала из-под старой травы проклюнувшуюся молодь. Увидев Малева, лошадь заржала и подошла к обласку.

— Натосковалась? — спросил Малев и развязал присланный из дома мешок.

Лошадь потянулась мордой к мешку, и он дал ей кусок калача, с удовольствием осящая на своей ладони

мягкие лошадиные губы, потом позвал собак.

— Найдена!— крикнул Малев, и белая собачонка подбежала к нему, торопливо выбравшись из кочек, где промышляла мышей.

«Ну вот, и мы не без заутрия»,— подумал довольно Малев, радуясь, что собачонка уже усвоила имя.

Он дал ей большой кусок калача и оглянулся на Загрю, который ревниво наблюдал за ним со стороны.

— Иди, иди,— позвал Малев.— Не стесняйся!

И пес подошел, осторожно взяв свою долю...

Все было ладно, по уму. Малев с наслаждением вытянул ноги, прижался спиной к мешку и закурил.

Перед ним лежала пойма, испещренная блюдцами-озерами и покрытая бурой прошлогодней осокой. За поймой у горизонта темнели холмы, справа к холмам уходила узкая грива, заросшая лесом. В голых ветвях старой осины на ближнем краю гривы Малев видел черную точку— орлиное гнездо, там был его стан.

Над поймой перелетали табуны уток и гусей, а где-то в стороне кричали лебеди.

Большой черный муравей вполз на руку и побежал по ней, намереваясь забраться под рукав. Малев осторожно стряхнул его на траву и закрыл глаза. Зима была долгой, но весна пришла в пойму и еще будет приходить...

Не однажды...

НА ОЗЕРЕ МАГНИТ

Совсем потерял покой лесник Антипыч, когда на озере Магнит стали редеть утиные выводки.

— И кто это хлопунцов таскает, не пойму. В них и мяса-то сейчас с воробья. Выстрелов на озере не слышно, и ястребов не видал...

Едва завечерело, Антипыч с ружьем за плечами ушел к озеру. Вернулся поутру, усталый, невеселый. А вечером опять на озеро подался. Целых три ночи провел лесник на Магните и все зря.

Заворчала на него жена:

— Отступись, старик. До старости дожил, а ума не нажил. Заладил свое— браконьеры да браконьеры. Кому нужны твои утята?

Не удержался Антипыч:

— Вот что, Михайловна, командуй своими чугунами, а мне не указывай! Тут я без тебя обойдусь.

В это время стукнула калитка, послышались шаги в сенях, и на пороге показались лесниковы внучата— Володя и Олег.

После обеда поведал лесник ребятам о беде на озере.

— Да мы сегодня же туда отправимся,— загорелись ребята.

— Ишь какие прыткие,— возразил Антипыч.— До завтра никуда не отпущу.

И вот ребята на Магните. Взобрались на сосну, уселись на толстых сучьях, шарят глазами по озеру. А с сосны оно все, как на ладони. Долго сидели на сосне ребята. Завечерело.

— Смотри,— дернул Олега за рукав Володя.

Олег увидел, как из прибрежных зарослей, словно крошечные пароходики, выплыли четыре утенка, а за ним уточка-мать. Плавают утята, охорашиваются, маленькими головками туда-сюда вертят. И вдруг поднялась возня, забурила вода у осоки, заплескался кто-то. Сыпанули хлопунцы наутек, а один замешкался. Ему бы в осоку, а он к окну между кувшинками. Здесь и сцапала утенка огромная щука.

Через час ребята наперебой рассказывали Антипычу, как щука утащила утенка.

Поймать хищницу оказалось не так-то просто. Несколько раз ребята с Антипычем ставили жерлицы, но кроме остроносых щурят на них никто не попадался.

Лесник не унимался. Он подстрелил шумливую сороку, припас большие якорьки, прочную жилку. И вот все готово. На заре Антипыч усеялся на одном берегу озера, Володя с Олегом— на другом. У Антипыча и Володи в руках спиннинги. Лесник нацепил сороку на якорьки и махнул рукой. Володя стал наматывать жилку на катушку, а Антипыч в это время сдавал запас лесы. Потом наоборот. Таким образом таскали дед и внучек сороку от одного берега озера к другому.

Щука схватила приманку неожиданно. Она стремглав вынырнула из глубины, хапнула сороку, ударила хвостом и скрылась под водой. Долго и упорно ходила под водой зубастая. Но вот громадная рыбина показалась на поверхности, мелькнув белесым брюхом, снова ушла вглубь. Тотчас последовал сильный рывок... Добрый час прошел, прежде чем хищницу вытащили на берег.

— Вот так браконьер!— удивлялись ребята.

— Ну и здороват!— вторил им Антипыч.

С тех пор не исчезают утята на озере Магнит.

Вадим
КАПЛИН

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Михаил
НАЙДИЧ

Рисунок
В. Меринова

Без вымогательств и укоров,
Не заслоня белый свет,
Стихи рождаются из споров,
Из наших радостей и бед.
То бросят к северной березке,
То повернут тебя на юг;
То в них — колосьев отголоски,
То голоса колючих выюг,
То перезвоном песня птичья,
То горизонт из-под руки...
И только лишь из безразличья,
Из равнодушья —
Ни строки!

Готовность

Земля открылась мне
Впервые
Не в освещеньи мирных звезд,
А где тылы,
Где огневые,
Где земляника в полный рост.
Ах, земляника и земляники,
Накаты пахнут
Лишь смолой!
Опознавательные знаки
Боев
И юности самой.
Ей выпало
В земле возиться,
Она сквозь скрежет и огонь
Готова к лесу прислониться,
На степи
положить ладонь.
Она поношенной пилоткой
Готова небо зачерпнуть,
Готова жесткою походкой
Опять уйти по травам

Там корень,
в путь.
там или уродлив,
Ползет, ползет... то вверх, то вниз,
И муравей — как иероглиф
Средь зеленеющих страниц.
Там перелесков монотонность —
Земля: хлеба ее... жнивье...
Была еще одна готовность —
Готовность рухнуть
за нее!

Взнут сапоги — они по пуду;
Всюду царство ливневой воды.
Гнуты сосны,
но я буду, буду
Из Сибири привозить цветы.
Им —
В минуту грусти предосенней —
На столе любимой хорошеть.
Где ты, дом с окошками на север,
Над колодцем вскинутая жердь!
Пусть все льдинки плаваются
в груди;
Костерок под небеса взовьется...
Теплоход на Волге загудит,
А на Енисее отзовется!

Солнечный прищур

Садится солнце —
там, среди камней;
А здесь
вовсю насвистывают птицы:
Что ни секунда — рощица темней,
Но изнутри,
как прежде,
золотится.
Закат.
Последний солнечный прищур.
Как хорошо, что рощу я приметил.
Она как человек,
который хмур,
Но только с виду хмур,
а сердцем — светел...

И нарекли реку...

О происхождении гидронима Тобол

**Анатолий
КУХТУРСКИЙ**

Тобол — крупнейший приток Иртыша. Издавна на плодородных равнинах в бассейне реки жили тюркские народы: калмыки, казахи, татары. Это отразилось и в топонимии края. Большинство природных объектов получили тюркские названия, многие из которых, особенно гидронимы, сохранились до наших дней. Одно из них — Тобол. Череда веков скрыла историю происхождения названия. Но, как и всякое слово, гидроним Тобол принадлежит к какому-то языку и, следовательно, его значение можно определить.

За тысячи километров от Тобола, там, где Волга дробится на рукава, пробирается к Каспию один из ее протоков. Такой, как и все другие, он не привлек бы к себе внимания, если бы не его название. Проток называется Табола. Сходство с названием зауральской реки очевидно. Но оно может быть случайным.

При изучении рек бассейна Тобола внимание привлекает небольшая речка Караболка (приток Синары). Безусловно, этот гидроним тюркского происхождения, но несколько подтверждений русификации. Подобно большинству тюркских названий гидроним Караболка образован словосложением. Не вызывает сомнения его первая часть. «Кара» в большинстве тюркских языков «черный». Особый интерес представляет компонент «бол», который обнаруживается и в гидрониме Тобол.

В волжской дельте один из крупнейших рукавов называется Болда. Он находится по соседству с протоком Табола. Гидроним Болда образован корнем «бол» и словообразовательным тюркским суффиксом «ды», видоизмененным в «да» под влиянием русских названий. (Сравните: казахское Караганда и русское Караганда). На Урале в озеро Мзассово впадает небольшая речка Болдинка. Название ее так же связано с тюркским «бол». Примеров много. Они показывают: все названные гидронимы (Тобол, Табола, Караболка, Болда, Болдинка) относятся к одному топонимическому ряду с общим тюркоязычным корнем «бол». При этом весьма интересно то, что география размещения этих гидронимов совпадает с территориями, издавна заселенными татарами.

По Тоболу проживают тобольские татары, в дельте Волги — астраханские, на Урале в районе Караболки и Болдинки также рассредоточено татарское население. Следовательно, поиск целесообразно вести в татарском языке. Но в современном татарском языке нет слова «бол». Однако в древнетюркских языках существовало «була» в значении «течь». В настоящее время это слово с тем же значением сохранилось в киргизском языке. В татарском языке есть слово «болгана», что означает «мутиться», обязательно в отношении воды. Морфологический разбор позволяет выделить корень «бол», который по всей вероятности связан с древним общетюркским «була». Чередование «о» и «у» при переходе от тюркского языка к другому довольно обычное явление, достаточно вспомнить этноним «булгар», давший название государству Болгария.

Очень интересно сопоставить корень «бол» (бул) с широко распространенным тюркским термином «булак» (болак), что в переводе — «источник, родник». Но кроме этого значения «булак» еще и грязный поток. Не просто поток, а именно грязный поток. В этом термине как бы переплетаются оба значения слова «бул» (бол). Очевидно, тюркское «бул» в гидронимах выступает в значении «мутная вода» или «мутное течение».

Интересно, что на территории Татарской АССР в Свиугу впадает река Була. «Була» можно перевести как «текущая вода» или просто «теча». В пользу этого тот факт, что близ Караболки на Урале протекает река Теча. Название реки может быть калькой с тюркского Була.

Гидронимы, содержащие корень «бул» (бол), довольно многочисленны. Они встречаются в Причерноморье и в Казахстане, на Алтае и в Поволжье, в Монголии и Турции. Гидроним Тобол один из многочисленных, содержащих корень «бол». А это свидетельствует о том, что название реки означает «мутное течение» или «текущая» или просто «течение».

МАСТЕРА

Владимир
ТУРУНТАЕВ

Фото
А. Нагибина

3. Дмитрий Георгиевич

Дмитрий Георгиевич окинул оценивающим взглядом кузнечные молоты и кивком указал мне на двухсотпятидесятикилограммовый, стоящий в дальнем углу мастерской, за выступом стены.

— Вот на этом я, пожалуй, мог бы закрыть спичечный коробок.

Он хотел сказать, что молот отрегулирован не хуже любого заводского и что его ученики имеют дело с настоящей техникой, но я тут же решил поймать его на слове:

— Правда, можете закрыть коробок?

Мне приходилось слышать об искусстве урал-машевских кузнецов, которые на огромных советских ременных молотах, бойком, весящим несколько тонн, ухитряются раскалывать орехи, не повредив ядрышка. Или закрыть крышку часов. Но видеть собственными глазами не видел.

— Могу,— сказал Дмитрий Георгиевич, но с места не двинулся.— Потом как-нибудь. Не стоит делать это на глазах у ребят, увидят — начнут баловаться. Им только покажи.

Я в глубине души подумал, что мастер не очень уверен в том, что фокус с коробком у него получится. Поэтому решил не напоминать Дмитрию Георгиевичу о его обещании.

В мастерской шла обычная работа. На двух молотах, сменяя друг друга, шесть пар учеников (кузнец с подручным) выполняли свои задания. С начала смены прошло уже часа два. Лица у всех блестели от пота.

В каком-то раз и навсегда заведенном порядке, не суетясь и не толкаясь, подручные подскакивали к огнедышащему зеву газовой печи, крючками выкидывали на пол ярко-оранжевые, солнечно светящиеся куски раскаленного металла, подхватывали их клещами и, держа у ног, бегом несли к молотам, а навстречу другие подручные несли уже остывающие поковки либо снова в печь, либо к баку с водой, либо на наковальню.

Почти непрестанно ухали молоты. Дмитрий Георгиевич, поглядывая на ребят из своей застекленной будки, продолжал нахваливать кузницу:

Окончание. Начало см. в № 11.

III ПОДМАСТЕРЬЯ

— Смотрите, стены и потолки какие белые! А два года назад тут горны стояли — черным-черно все было. Ученики к концу смены на негров ходили...

В будку зашел Ринат Тагиров, смуглый парень, и уселся на скамейку. Тонкие ноздри его раздувались, на верхней губе блестели бисеринки пота.

— Устал?

Он качнул головой:

— Заготовки греются.

Немного погодя он снова отправился ковать зубила.

Этот Тагиров живет в поселке Магнитка. Там, в рудничных мастерских, имеется небольшая кузница. Во время зимних каникул Тагиров заглянул в нее. Кузница ему совсем не понравилась: металл разогревают в горне, топят горн углем... Но тут кузнец как раз начал ковать клещи. Тагиров засмотрелся на его работу, проследил весь цикл изготовления этого нехитрого инструмента. А после каникул, придя в свою кузницу на занятие, заявил мастеру: «Я, пожалуй, тоже сумел бы отковать клещи», на что мастер с улыбкой ответил: «Кузнец-то, видно, опытный был, потому тебе и показалось, что клещи сами собой у него отковались».

С тех пор прошло три месяца с небольшим. Дмитрий Георгиевич считает Рината Тагирова одним из способнейших своих учеников. Правда, отковать клещи ему и сейчас не под силу, но зубила он делает уже совсем неплохо.

Эта работа — ковка зубил — тоже требует сноровки и умения. Вот Тагиров примеривается, примеривается, верхний боек молота несколько раз опускается без звука, на какие-то доли миллиметра не доходит до заготовки, а заготовка — раскаленный докрасна прут, который держит клещами подручный, — в это время ползет по наковальне. Тук-тук-тук... На конце прута вытягивается красный язык. У него неровная, ступеньками, поверхность. Вот кончик его потемнел, вот он уже иссиня-черный. Но удары молота все сыплются и сыплются. Остывший металл звенит оглушительно.

— Хватит! — машет рукавицей подручный и несет заготовку к печи, снова разогревать.

А на другом молоте Женя Захаров, тоже рос-

лый, плечистый и тоже один из лучших в группе («С Захаровым на равных можно разговаривать», — сказал про него Дмитрий Георгиевич) первый день сегодня кует болты. Он берет клещами заготовку — короткий толстый брусок, и клещи, словно пальцы слепца, долго нащупывают на ней место, за которое удобнее держать. На наковальне заготовка не стоит прямо, а крепится то вправо, то влево, и сечение поковки получается в виде перекошенного ромба. Присечка (инструмент, которым делается наметка головки болта) застреивает в металле, кузнецу приходится с усилием вытаскивать ее. Заготовка выскакивает из клещей, катится на пол, и на ее поверхности всплескивают язычки пламени — как маленькие протуберанцы.

— Захаров, иди сюда! — подзывает мастер.

Покровку опускают в бочку с водой и кладут на стол Дмитрию Георгиевичу. Он осторожно дотрагивается до нее пальцем, берет в руку, оглядывает со всех сторон и качает головой:

— Лишковато ударяешь. Около головки перебил — ослабил болт. Вот здесь тоже лишку. И косою он у тебя вышел, исправить будет нелегко, — добродушно поглядев парню в глаза, сделал неожиданный вывод: — Для первого раза неплохо. Пойдем, еще раз покажу.

Дмитрий Георгиевич надевает большие брезентовые рукавицы и идет к молоту. Ему достают из печи огненно-красный брусок.

У мастера руки — как хорошо отлаженный механизм, движения их скупы и точны. Железные клещи сами собой, без видимого усилия, поворачиваются, ни одного лишнего удара не делает молот: раз-раз — одна сторона готова, раз-раз — готова другая. Мастер прикладывает к поковке линейку, удовлетворенно кивает и берет присечку...

Он не работает, а словно бы исполняет ритуальный танец. Он весь поглощен своим делом, важнее которого нет и не может быть ничего на свете. Но я не вижу ни малейшего напряжения ни в выражении лица, ни в движениях тела и рук, и эта легкость, непринужденность в работе кузнеца более всего завораживает и удивляет.

Я замечаю, как ученики все теснее окружают пространство вокруг мастера и молча наблюдают. Оставил свою работу Тагиров и тоже подо-

шел сюда, тоже смотрит серьезными задумчивыми глазами. Всем им — ученикам первого года — еще очень далеко до мастера. Не один год пройдет, прежде чем они достигнут такого же совершенства, такой же легкости в работе.

Дмитрий Георгиевич, прежде чем прийти в училище мастером, много лет проработал кузнецом на Уралхиммашзаводе.

Но вначале у него была другая профессия. И не одна. Когда в сорок шестом году шестнадцатилетний Дима Зверев приехал из деревни на станцию Хромпик, что возле Первоуральска, дядя по знакомству определил его на завод учеником электрика. Выучился, а к самостоятельной работе не допускают — несовершеннолетний. Однажды мастер говорит ему: «Хочешь на коммутатор?» Еще месяц учился на телефониста. Дело нехитрое: на телефонной станции в то время было всего сорок номеров. Через год надоела ему такая работа. Днем еще ничего — все звонят, а ночью сидишь, дремлешь — вся и бота.

Тут как раз появились у него приятели из ремесленного училища — ходят в шинелях, в суконных брюках, фуражечки с лакированным козырьком.

Завидки взяли. Пришел Дмитрий к директору училища, положил на стол паспорт, трудовую книжку. «Ого! — сказал директор. — У тебя уже и стаж имеется!» Но в группу электриков все же не записал, хотя Дмитрий просился именно на эту специальность, — мест не было. «Потом посмотрим, — пообещал директор. — Может, что-нибудь сделаю для тебя. А пока позанимайся с кузнецами».

Группу кузнецов вел мастер Лужников, Дмитрий Степанович. Он и сейчас на Хромпике. Был он тогда молод, но кузнечное дело знал превосходно и, главное, к каждому ученику у него был свой особый подход. Уже месяца через полтора его ученики самостоятельно ковали зубила, стамески, молотки. И тут Дмитрия Зверева зовут к директору. «Мы переводим тебя в группу электриков, — сказал ему директор. — Ты будешь там старостой...» — «А я не хочу», — сказал Дмитрий. «Что, испугался ответственности?» — «Нет, просто мне кузнецом нравится».

Я спросил у Дмитрия Георгиевича, всем ли его теперешним ученикам нравится профессия, которую они избрали.

— За шестерых могу поручиться, — ответил мастер. — Эти будут настоящими кузнецами. Остальные пока еще сами не знают, чего хотят. Время покажет. До выпуска им еще учиться и учиться, а ведь известно: чем глубже человек познает мастерство, чем больше тайн открывает в нем для себя, тем сильнее привязывается к своему делу. После выпуска порботают в цехе, присмотрятся, в армии послужат, там подумают, прикинут, взвесят, и тогда уж окончательно определятся в своем призвании. Кто вернется к кузнечному делу, а кто пойдет работать в основные цеха подручными прокатчиков или вальчильщиков.

Здесь требуется сделать пояснение.

Еще в первый день своего знакомства с шестым профтехучилищем, которое готовит кадры исключительно для Новотрубного завода, я немало удивился тому обстоятельству, что среди профессий, которым здесь обучают, нет ни прокатчиков, ни волочильщиков, ни операторов, то есть наиважнейших, наиглавнейших для завода. Обучение этим профессиям производится прямо на месте, возле станков и, как правило, учениками сюда принимают проверенных людей, уже поработавших на производстве, людей, которым можно безбоязненно доверить управление такой сложной и дорогостоящей грамадой — станком, производящим сотни труб в час. Среди таких людей нередко оказываются и выпускники профтехучилища. Но это уже не мальчишки, которым только что присвоен первый производственный разряд, а поработавшие год-два, а может, и больше, в цехе, возмужавшие за время службы в армии молодые люди.

Имея за плечами солидный багаж теоретиче-

ских знаний и опыт практической работы, они в состоянии быстро переключиться на любую профессию, смежную с той, которую они приобрели в училище. И если уж они переходят работать на трубный стан, из них впоследствии получаются высококлассные волочильщики и прокатчики. И наверно нет большой беды в том, что они изменяют своей первой профессии. Ведь в профтехучилище они приходят прямо со школьной скамьи, профессию выбирают наугад, почти ничего о ней не зная, а главное — ничего еще не смысля в жизни. Решающую роль в выборе подростком профессии играют советы друзей, экскурсии на завод. Но разве во время экскурсии можно определиться в своем жизненном призвании? Конечно же, нет! А оттого, насколько удачно выбрал себе человек профессию, нередко зависит счастье или несчастье всей его жизни: ведь на работе человек проводит восемь часов в день. Одно дело, когда он отбывает их как обязательный урок и совсем другое — когда работа приносит ему истинное удовлетворение.

В кузнечном цехе Новотрубного завода я познакомился со сменным мастером Авдеем Петровичем Бачининым, который сказал мне, что из всего их выпуска — он в 1949 году окончил училище — только двое остались кузнецами, остальные ушли волочильщиками и на прокат, причем многие из «беглецов» стали отличными мастерами своего дела.

Я, естественно, спросил у Авдея Петровича:

— А у вас никогда не было такого желания перейти в основной цех?

— Представьте себе — нет, — улыбнулся он. — Не люблю однообразия в работе, а работа на станах при всей ее ответственности кажется мне однообразной. Там все делает машина, а человек только следит за процессом. Правда, когда я выбирал свою профессию, то об этом, разумеется, не думал. У меня и выбора-то не было: в селе Клевакино, где я рос, единственным «цехом» была кузница. Сколько помню, мы, мальчишки, все сидели на пороге, смотрели, как дядя Митя из полосок железа выковывал ключи, болты, гайки. Интересно было. Он с нами не особенно разговаривал, дядя Митя, но иногда позволял покачать меха. Брат мой старший пошел в комбайнеры, а меня работа механизатора совсем не привлекала. Я хотел быть только кузнецом. Никем больше. Спросите меня тогда — вряд ли бы я смог объяснить, чем эта профессия была мне так уж любя. А сейчас уверенно могу сказать: широтой диапазона. Универсальностью. Ведь он, кузнец, куску железа в состоянии придать любую форму, какую только пожелает. Как скульптор. Ему дают чертеж, и он по этому чертежу буквально лепит нужную деталь. Сколько хожу по другим цехам — пока еще не видел более интересной работы. Правда, и трудна она, работа кузнеца. Как всякое искусство, наше тоже

дается не сразу и не каждому. Иной много лет стоит у молота, стаж изрядный имеет, а хорошим кузнецом его не назовешь: нет творческой жилки у человека. Вот и делает он всю жизнь серийные детали — каждый день одни и те же.

А есть у нас в цехе мастера, которые, как бы это сказать, некоторые виды работ держат в своем единоличном, что ли, пользовании. Вот, скажем, двурогие крюки для кранов может хорошо ковать один лишь Александр Степанович Кузнецов. Другие кузнецы — с таким же, как у него, высоким разрядом — даже не возьмутся за это дело. Вроде бы просто: разрубил заготовку, а затем выгнул рога. Как бы не так! У рогов крюка сложная конфигурация, и при развертке требуется очень точный расчет.

Есть тут и еще одна тонкость. Достаточно при разрубке оставить небольшую заусеницу, чтобы вся дальнейшая работа пошла насмарку: во времяковки заусеница впрессуется в тело крюка, получится так называемая «плена», а от «плены» потом пойдет трещина.

Или вот, например, клещи для прошивного стана, для извлечения оправки. Вроде бы простая на вид штукавина, а тоже: когда нынче Александр Степанович собрался уходить в отпуск, мы его попросили сорок штук впрок сделать. Потому что знаем: любой другой кузнец провозится вчетверо дольше, а сделает хуже.

Помню, как я ковал свой первый крюк. Долго-долго возился с ним и все-таки ошибся в расчете.

— И у вас его не приняли?

Авдей Петрович со смущенной улыбкой махнул рукой:

— Я его сам выбросил. В металлолом. Давно это было, двадцать лет назад. Тогда мы эти крюки еще вручную ковали, кувалдой. Она у нас царила, можно сказать, безраздельно. Всю смену подручный махал ею. Под молотом у крюка только конус делали да разрубали заготовку. А сейчас только зачистка да маркировка производится вручную, все же остальные операции — под молотом. Это я к тому говорю, чтобышний раз подчеркнуть значение сообразилки в нашей работе: хороший кузнец не только руками работает — больше головой.

И тут я спросил у Авдея Петровича про спичечный коробок: многие ли кузнецы в цехе могли бы его закрыть молотом. Он рассмеялся и сказал:

— Вообще-то подобные фокусы — специальность не кузнеца, а машиниста. Ведь только маленьким молотом управляет сам кузнец.

А я только что за каких-нибудь полчаса до встречи с Авдеем Петровичем стоял у пятисоткилограммового молота и любовался удивительной слаженностью в работе кузнеца и машиниста. Кузнец, держа клещами раскаленную болванку, пуда на два, подставлял ее под боек то

одним боком, то другим, а машинист, женщина, сидевшая на возвышении подле молота, легонько двигала ручным рычагом, и плавные, легкие движения ее руки управляли полутонным бойком, словно это был пустотелый пластмассовый кубик. Удары бойка следовали в каком-то определенном, заданном ритме. Кузнец, плотно сжав губы, не сводил глаз с бойка. Когда боек задержался в верхнем положении, он приложил линейку к болванке, удовлетворенно кивнул и, подхватив болванку клещами, швырнул ее в железный ящик, уже доверху наполненный остывающими поковками. А в это время подручный, вынув из печи новую болванку, забросил ее на наковальню, и весь процессковки повторился в той же последовательности.

Но только на четвертый или пятый раз, внимательно приглядевшись, я заметил, что кузнец все время подает женщине-машинисту какие-то сигналы: его острый, выставленный вперед подбородок, словно чуткая стрелка прибора, указывал необходимую силу и число ударов, и женщина-машинист, столь же чутко улавливая сигналы, приводила боек в действие. Вот посыпался град сильных ударов, но стоило кузнецу чуть-чуть приподнять подбородок, и на какие-то мгновения боек замирает в верхнем положении. Еще одно, почти неуловимое глазом движение подбородка, и боек несильно два раза ударил по болванке. Кузнец поднес к поковке линейку, легонько кивнул и бросил поковку в ящик.

Трудно сказать, кто из них двоих — кузнец или машинист — лучше чувствует молот. И хотя кузнец никогда, наверное, не прикасается к рычагу — нет у него такой надобности — все же, я думаю, доведись ему, для показа любопытным, орех расколоть или там крышку часов закрыть — он это сделает легко, с первого раза. Потому что на протяжении всей смены именно он управляет молотом, машинист только принимает его сигналы и передает их на рычаг.

Когда я поделился своими соображениями с Авдеем Петровичем, он согласился:

— Да, пожалуй, кузнец высокого класса и без тренировки закроет вам коробок.

... Я снова в мастерской училища. Прошла неделя с тех пор, как я был здесь последний раз. Ребята сидят в застекленной будке, на лавочках вдоль стен, слушают мастера:

— Мы с вами получили от завода большой заказ, — говорит им Дмитрий Георгиевич. — Надо сделать триста газовых ключей. Вот посмотрите на чертеж: работа сложная. И ответственная. Выполнять ее будет Володя Питилимов. Слушай сюда внимательно, Володя. Всего будет пять переходов... Сталь «сорок пять», размер заготовки двадцать пять на сорок... Самое главное — выдержать все размеры... Берешь большой топор, рубишь на всю глубину. Не бойся — топоры сделаны под размер.

Потом он надевает рукавицы и идет показывать. И хоть я уже посмотрелся в заводском цехе на искусную работу мастеров кузнечного дела, мне снова доставило огромное удовольствие наблюдать за священнодействием Дмитрия Георгиевича возле молота. Сухощавый, жилистый, с кожей не то от природы такой смуглой, не то прокопченной и прокаленной возле нагревательных печей, этот человек казался мне всемогущим. И если бы он весь день работал, я бы, наверное, простоял возле него до конца, все смотрел бы и смотрел — такое у меня сейчас было чувство.

А он между делом втолковывал Питилимову.

Наконец, все пять образцов — в пяти последовательных стадиях — готовы и разложены на столе.

— Теперь иди, одну штуку мне сам наруби, — сказал мастер ученику.

После этого Дмитрий Георгиевич некоторое время сидел у себя в стеклянной загородке, проверял какие-то ведомости и даже не глядел в дальний угол мастерской, где в поте лица трудился Питилимов, выполняя свой урок.

Ну, конечно, тот долго крутился в поисках инструмента, долго примерялся к заготовке. Сначала от нее исходил солнечный жар, она вся так и светилась, горячо и ясно, затем приобрела чистый малиновый цвет, затем, все больше остывая и темнея с углов и ребер, стала походить на фонарик из красной бумаги с маленькой лампочкой внутри.

Когда мастеру принесли первую поковку, он, взглянув на нее, протянул:

— О!.. — и безоговорочно определил: — Не пойдет. Вон трещина. Давай делай еще.

И опять остался сидеть за столом, предоставив ребятам — кузнецу и его подручному — самим доводить дело до ума.

Вторую поковку Питилимов принес в рукавице:

— Горячая еще.

— Клади на стол, — мастер осторожно, обжигаясь, потрогал поковку, попихал ее указательным пальцем и долго смотрел на нее, что-то про себя соображая.

— Неправильно еще, — сказал он, наконец. — Вот тут у тебя натянуло металл. Ты, понимаешь, слишком сильно по топору стукнул, и боек заготовку задел. Давай еще одну.

На третий раз Дмитрий Георгиевич остался доволен:

— Так оно нормально. Только ты чем подсеку делаешь, топором или квадратом? Ну-ка, пошли...

И мастер отправился к молоту, посмотрел, как Питилимов работает, сделал ему несколько замечаний, а затем опять, смотрю, надел рукавицы и кивнул подручному:

— Давай заготовку.

Скупые, прицельные удары. Лицо мастера светится каким-то внутренним огнем: дорвался человек до работы!

В последний день моего пребывания в Первоуральске я напомнил Дмитрию Георгиевичу о его обещании закрыть молотом спичечный коробок. Он в некоторой растерянности оглядел мастерскую.

— Что же мне с вами делать?.. — И, решившись наконец, махнул рукой: — Ладно, давайте в обеденный перерыв! Ребята уйдут...

И вот наполовину раскрытый коробок уже стоит на наковальне. Двигатель включен. Дмитрий Георгиевич примеряется взглядом, осторожно пробует ногой педаль. Шток с бойком приходит в движение. Туда-сюда, туда-сюда, словно норовистая лошадка, которой не терпится сорваться в галоп, да узда держит. Вот боек почти коснулся верхнего края выдвинутой коробочки со спичками. Лицо Дмитрия Георгиевича словно окаменело от напряжения. Брови сдвинуты. Раз! И еще: раз-раз! Готово! Коробок закрыт.

Дмитрий Георгиевич, словно ему самому не верилось в только что совершившееся чудо, смеется от радости и тыльной стороной отирает со лба пот.

— Ну, еще раз? — глаза у него озорно поблескивают.

Я, конечно, с готовностью киваю.

Теперь он действует уверенней, с улыбкой. Боек пару раз качнулся, и коробок снова плотно закрыт.

Я от души, почти растроганно жму Дмитрию Георгиевичу руку. Это верно: он продемонстрировал мне сейчас искусство не кузнеца, а машиниста. Но чтобы так чувствовать молот, на котором постоянно не работаешь, — для этого поистине нужно родиться кузнецом.

4. Прощание с детством

Был холодный апрельский вечер. Валера выскочил из мастерской належке, в одной спецовке.

— Простынешь, — сказал я.

До пятого цеха, куда он взялся меня проводить, было не так уж близко.

— Не, — мотнул Валера головой и чему-то про себя улыбнулся, так что ямочки на щеках заиграли. — Не простужусь.

— Ну, смотри. А то вернись, надень пальто.

Он опять усмехнулся и простодушно признался:

— Я один раз нарочно, чтоб простыть, окатил спину ледяной водой — и то ничего.

— Для чего же тебе понадобилось нарочно простывать?

— А чтобы в школу не ходить.

— И давно это было?

— Позапрошлой осенью. В восьмом классе.

В том цехе, куда мы шли, в отделе подготовки труб, работает бригадиром токарей его отец, Виктор Александрович Шеин. Мне хотелось своими глазами увидеть, как обрабатываются на токарных станках длинные трубы и как их внутри обтачивают резцом. Оказывается, все очень просто: резцы крепятся на такой же длинной, как труба, штанге, и эта штанга, вращая резцы, проходит через всю трубу. А пока она через нее проходит — токарь сидит себе на стульчике и только поглядывает. Наверное, может даже книжку почитать.

Мы с Валерой постояли, посмотрели. Он тут, у отца, не первый раз, с закрытыми глазами может обойти весь участок. Ну, и поскольку через три-четыре месяца ему предстояло сдавать в училище государственные экзамены и самому идти работать на завод токарем, я, естественно, спросил:

— Сюда, к отцу, не хочешь?

Валера небрежно отмахнулся:

— Скучота.

Я заметил, как передернулось у Виктора Александровича лицо.

— Это потому, что ты ничего не смыслишь в нашей работе. Мне почему-то никогда не бывает скучно, — и обращаясь уже ко мне одному, почти с восторгом принялся рассказывать:

— Ведь трубы делают из самых разных марок сталей, и каждая марка требует своего особого подхода. Иной раз не получается — хоть тресни. Подбираешь геометрию резца, настраиваешь станок на нужный режим. Вроде пошло. Начинаешь обрабатывать на чистовую, и тут внутри трубы вдруг запопискивало, начинается этакое мелкое дрожание, словно станок в ознобе. И хоть знаешь: не исключено, что придется всю трубу заново перетачивать, что, скорее всего, не пройдет твоя труба через ОТК, а сделать уже ничего не можешь, работа идет вслепую, допуски жесткие. Пока резец не пройдет до конца, пока не обследуешь внутреннюю поверхность трубы перископом, сантиметр за сантиметром, — все это время ты будешь находиться в неведении, будешь переживать и волноваться. Но мне нравится такое волнение. Оно родни азарту... Один вот тоже, — Виктор Александрович опять повернулся к сыну, — пришел к нам учеником. Смотрю: сидит, по сторонам глазеет, на станок ноль внимания. Говорю: «Приглядывайся, учись». А он: «Да чему тут учиться? Все и так понятно». Ну, пришел срок — доверили человеку работать самостоятельно. Одну трубу запорол, другую. А трубы дорогие бывают, на зарплате очень даже указывается. Пришлось ему в скором времени уйти из цеха...

На Валеру эти отцовские сентенции особого впечатления не производили — он знай только посмеивался. Должно быть, не первый уже разговор. Да и отец, похоже, и не старался пере-

убеждать сына, а говорил больше для меня. Видно было, что Виктор Александрович сыном своим в общем-то доволен: как-никак Валера нынче заканчивал одновременно вечернюю школу и профтехучилище, в своей токарной группе он — в первой пятерке.

— Вовремя он из дневной школы ушел, — сказал мне Виктор Александрович, когда Валера немного приотстал, разговорившись с одним из токарей. — Понимаете, до восьмого класса был парень как парень, а в восьмой перешел — ну, будто его подменили. Ленился стал, все бы только шляться по улицам с дружками. Больно уж много у них свободного времени в дневной школе, если на тройки учиться, вот и разбалтываются...

На другой день мы с Валерой несколько часов проговорили с глазу на глаз. Он рассказывал про свою жизнь. Она у него пока что небогата событиями, ничего такого особенного Валера совершить еще не успел — самый обыкновенный паренек, каких тысячи. Но вот именно обыкновенностью своей он меня и заинтересовал.

Живут Шеины в собственном доме в старой части Первоуральска, что находится по ту сторону городского пруда. Это так называемая Таишевка, поселок бывшего Старотрубного завода. Здесь почти у каждой семьи свой дом с огородом. Многие держат коров. В прошлом году и Шеины купили корову — захотелось попить своего молочка. Когда мать работает во вторую смену, доить корову приходит бабушка — она живет на другой улице — или это делает Сережка, младший брат Валеры. Валера тоже пробовал доить, но у него плохо получается: корова весь корм быстро съест и давай ходить. Один раз ступила ногой прямо в подойник.

Каждому, видно, свое. Дед Валеры по отцу был столяром. Отец, которому достался весь инструмент деда, тоже любит столярничать, но уже только в свободное время. Как-то соседи прожгли утюгом хороший стол, так он отремонтировал: заменил на крышке фанеровку, заново отполировал — любо-дорого посмотреть. А какой приклад для своего ружья вырезал да еще насечку сделал — в магазине не купишь. И у Сережки пристрастие к дереву особенное. Как ни посмотришь, все что-нибудь стругает, пилит, сколачивает — то тележку, то скворешню, то саблю. А у Валеры к этому занятию не лежит душа. К чему же она у него лежит? Этого он и сам не знает. Иногда зимним вечером выйдет во двор покурить, поглядит на звезды и так вдруг захочется полететь в этот загадочный, неведомый мир, — ну хоть плачь!

— А вы бывали в Москве? — спросил он у меня. — Я только проездом четыре часа. Ничего не успел посмотреть.

За свои семнадцать лет он лишь однажды съездил с бабушкой в Таллин и больше нигде не

был, если не считать Свердловска, который расположен в пятидесяти километрах от Первоуральска.

— А куда бы сейчас хотел? — спросил я. — Вот сказали бы тебе: садись в поезд или в самолет и — езжай, лети!..

Валера с минуту подумал. Потом сказал:

— Я бы хотел в Африку. Или в Южную Америку, — и, немного еще подумав, признался: — Я сейчас много читаю про эти страны.

— Что же ты читаешь?

— Полное собрание сочинений Жюль Верна. Уже заканчиваю. Вчера прочитал «Кораблекрушение «Джонатана» и «Жангада». Пришел из вечерней школы, молока выпил и — до двух ночи не отрывался от книги. Когда мать с отцом во вторую смену, я всегда по ночам читаю. Будильник ставлю, чтоб не застигли врасплох. А вчера про будильник забыл. Мама рассердилась: за здоровье мое все беспокоится. А мне жалко бывает спать, когда есть интересная книга.

Некоторое время назад решил Валера научиться играть на гитаре. Потреникал, потреникал и бросил — дальше песенки «В траве сидел кузнечик» дело не пошло.

— Мне скрипка больше нравится. Слушаешь — прямо так за душу и хзает, как будто человеческим голосом поет. Может, мне на скрипке поучиться, как вы думаете? У нас в магазине культтоваров продаются скрипки, я бы купил...

Еще любит Валера по лесу бродить. Лес — вот он, к крайним домам Таишевки стеной подступает, живность в нем водится всякая: зайцы, лоси, рысь. На Гагарах зайчата чуть не под каждым кустиком сидят. Идешь, а они из-под ног стрекочут, как кузнечики. Сову раз поймал. Она почему-то днем летала, и притом очень низко. Думал — раненная. Когда села на ветку, Валера снял рубаху и накрыл ее. Принес домой, Серега за один вечер клетку смастерил. На другой день пошли в поле, хомячков ей на обед половить. До чего же красивые попались хомячки: один белый с черными пятнышками, а другой весь бархатно-черный и на солнце шерстка переливается. Глазками-бусинками зло посверкивают, шипят, укусят так и норовят — без перчаток не возьмешь. Сунули их в клетку к сове — хомячки сразу притихли, забились в угол, в глазках — один страх. А сова на них и внимания не обратила. День прошел, стемнело на дворе, а она все сидит не шелохнувшись. Утром ребята посмотрели, а хомячков в клетке словно и не было... «Давай отпустим ее», — предложил Сережка. И Валера сразу же согласился: «Давай». Им обоим вдруг расхотелось ловить хомячков.

После седьмого класса Валера все лето работал подпаском. Каждое утро жители Таишевки приводили своих коров в стадо, и Валера вместе с другими подпасками и пастухом дядей Колей гнал стадо через лес на Гагары, где много

сочной травы. В июле, в самую жару, когда докучает овод, коров пасли ночью. Однажды перед рассветом стадо вдруг сорвалось с места и понеслось прямо на сидевших у костра пастухов, те едва успели взобраться на деревья. Когда коровы с громким мычанием, задрав хвосты, проскакали мимо костра, пастухи спустились на землю, каждый взял по пылающей головешке, и кинулись к тому месту, где только что паслось стадо. Думали — волки. Помахали головешками, покричали, затем отправились собирать по лесу перепуганных коров. А утром увидели недалеко от пастбища лосиные следы.

В то лето в окружающем мире что-то неуловимо переменялось для Валеры. Он почувствовал вкус полезной работы, и теперь сидение в школе за партией казалось ему особенно скучным, каким-то даже несерьезным занятием.

И вот как-то поздней осенью пошли они вечером с дружкой в садик прогуляться, разговорились, и дружок признался, что ему неохота в школу ходить.

— Заболеть бы хоть, что ли...

— Как тут заболеешь...

Вот такой у них был разговор.

Валера теперь уже не помнит, кому из них двоих пришла первому в голову эта идея:

— А давай под водокачкой помоемся!

Недалеко от садика стояла водоразборная колонка. Промозглый ветер сыпал в лицо крупной.

— Подходяще, — сказал Валера. Он подошел колонке, снял теплую курточку, рубашку, майку.

А его дружок сидел на ограде садика и болтал ногами.

— Схватишь воспаление легких! — высказал он опасение.

Но Валера пустил воду и подставил спину под жгучую ледяную струю. Когда одевался, зуб на зуб не попадал.

Утром поднялся с легким насморком. Померил температуру — нормальная. Пришлось пойти в школу.

Так, говоря его собственными словами, промаялся он зиму — ни разу не заболел.

К весне среди восьмиклассников началось брожение — пришло время выбирать: либо в школе оставаться еще на два года, либо поступать в профтехучилище. Первый вариант Валера отверг бесповоротно. Можно было еще в техникум податься, но с тройками туда не пройдешь. А у Валеры в табеле почти одни тройки. И он решил: пойдет в училище. Вот только какую профессию выбрать? Это оказалось не таким простым делом. Однажды был день открытых дверей в шестьдесят девятом профтехучилище, так там Валере ни одна профессия не понравилась. Он не хотел быть ни сварщиком, ни плотником, ни монтажником-ремонтником. Отец, конечно, советовал идти учиться на токаря, но Валере и токарем не хоте-

лось: чего хорошего — всю жизнь стоять на ногах у станка...

Пока он думал, другие уже начали подавать заявления. Фарахов и Виноградов первыми пришли в шестое училище, все там как следует разузнали и, конечно, раз первые, сумели с тройками попасть в группу электриков. От них Валера и узнал, что профессия электрика — самая лучшая: перспективная («Сейчас без электричества, сам знаешь, никуда») и, главное, легкая («если нет аварии — электрик сидит себе книжки читывает, а аварии бывают редко»).

Но Валера опоздал — когда он явился в училище с заявлением, в группу электриков с тройками уже не принимали. Делать нечего, пришлось пойти по токарному делу.

В первый день занятий будущих токарей построили в коридоре, разбили на две шеренги. В каждой по двадцать пять человек. Подошли два мастера — один молодой, другой — средних лет. Молодой сказал:

— Первая шеренга пойдет со мной.

Валера, стоявший в первой шеренге, незаметно сделал шаг назад. Так он оказался в группе, которую взял Виктор Александрович Маврин, опытный мастер производственного обучения, который вот уже десять лет в училище, а до этого шестнадцать лет работал токарем на заводе.

В токарной мастерской Валере достался станок марки 1-А-616. Старенький уже: на резцодержателе болты сорваны, вместо четырех резцов можно было крепить только один. Но пока Валере и одного хватало. После того, как он изучил систему управления станком и заточил первый в жизни резец, мастер дал ему круглую заготовку и велел ободрать ее на станке.

Валера прошелся резцом по заготовке раз, прошелся два — надоело. Стал вытачивать фигурку, увлекся и не заметил, как сзади подошел мастер. Валера выключил станок и встал перед Виктором Александровичем в позе провинившегося школьника. Но Виктор Александрович только усмехнулся и, ни слова не сказав, отошел.

А на следующем занятии болты делали. Валера первый болт выточил и понес показать мастеру:

— Так?

— Так, — одобрил Виктор Александрович. — Давай дальше.

Двадцать штук сделал за смену. Потом резьбу нарезал на эти болты. Дальше гайки пошли. Все как предусмотрено учебной программой. Но в то же время каждое учебное задание было и заказом для производства. Где-то на заводе эти болты и гайки должны были пойти в дело. Иногда интересы производства требовали «повторить пройденное». Поэтому вскоре после гаек Валере снова пришлось точить болты. Вернее, болтики. Маленькие, а требовалось их много. На Валеру пришлось восемьдесят штук. Вначале ничего по-

шло. Щелкал их, как орешки. Но скоро надоело, злиться начал: делаешь, делаешь, а работы вроде не убавляется. Остановил станок, подошел к соседу, посмотрел, сколько тот нащелкал. Выкурили по сигаретке — и опять за работу.

В конце первого полугодия, после того, как по теории прошли тему «Допуски и посадки», Виктор Александрович предложил Валере поработать с микрометром. Никому больше не предложил, только ему. Нужно было сделать тридцать штифтов для сверлильных станков, которые собирали в соседнем помещении ребята из слесарной группы.

Деталь сама по себе несложная — такой круглый карандашик диаметром в шесть и длиной в двадцать пять миллиметров. Все дело в допуске — минус две-три сотых миллиметра. Иными словами, диаметр детали мог быть на две-три сотки меньше указанного в чертеже, но ни в коем случае не больше. Ни на сотку.

Мастер, конечно, все подробно рассказал Валере, — в какой последовательности обрабатывать деталь и какие приемы применить. Даже показал один раз.

Сперва надо пройти резцом — до диаметра в шесть плюс одна десятая. Дальше обработка ведется напильником — снимается десятка. Пока достигнешь точного размера, семь потов сойдет с тебя, сто раз микрометр к детали приложишь. Вроде бы мороки много, тем не менее интересно, потому что здесь ты все время в напряжении, здесь ты словно бы ставишь — с каждым новым замером — свой личный рекорд точности.

А самое-то главное еще впереди. Требуемая точность достигнута, но на детали от напильника остаются риски. Риск не должно быть. Убираются они шкуркой. Это самая тонкая работа: чуть прикоснулся — уже сотки нет. Уже не шесть ровно в диаметре, а пять и девяносто девять сотых миллиметра. Всего одна-две сотки в запасе оста-

ется. А риски еще видны. Вот когда начинаешь понимать, что такое работа токаря.

Валера показал первую деталь мастеру. Тот проверил ее микрометром и сказал:

— Все правильно, давай работай.

Еще пять штук сделал и снова — к мастеру. Из этих пяти Виктор Александрович не забраковал ни одной. И тогда Валера всю партию выточил и понес в ОТК. До этого он ни разу в ОТК не ходил. Там сидел один сердитый старичок в очках. Как он глянул на Валеру из-под мохнатых насупленных бровей, у того сердце упало: сейчас начнет придирааться. Долго старичок перебирал штифты — каждый в нескольких местах микрометром измерил. И все молча. Наконец, взял наряд и трясущейся рукой написал одно только слово: «отлично».

А мастер сказал:

— Буду чаще давать тебе точную работу. У тебя к ней способности.

Весной мастер созвал групповое собрание и объявил о том, что в скором времени в училище будет проводиться конкурс на лучшего по профессии. И он назвал фамилии троих учеников, которые, по его мнению, могут достойно представлять группу: Блинов, Константинов и Шеин.

...Всем участникам конкурса предложили выточить одну и ту же деталь — шестеренку с фасонным желобком. Работа несложная. Валере уже приходилось точить подобные детали. Тут главное — сделать отверстие точно по размеру и выдержать радиус желобка. Времени дали много — целых два часа. Но с первых же минут конкурса Валерой овладело непонятное беспокойство. Ему вдруг показалось, что он не кончит за два часа, и стал торопиться.

Всего полчаса затратил он на изготовление шестеренки. Но когда члены жюри проверили все размеры, оказалось, что радиус желобка на его шестеренке на полмиллиметра больше, чем указано в чертеже. В итоге первое место и право участвовать в областном конкурсе присудили Блинову. Валере досталось второе место, а Константинову — третье.

Когда мы с Валерой познакомились, в училище уже шла подготовка к очередному конкурсу. За год выдвинулись вперед другие ученики. Комплектуя новую тройку участников, Виктор Александрович вместо Блинова и Константинова включил в нее Елькина и Власова. И только Валера Шеин второй раз был допущен к участию в конкурсе. Правда, и на этот раз он не занял первого места, которое досталось Елькину. Валера был нынче третьим. Что ж, и это неплохо. Но гораздо важнее то, что Валера в конце концов нашел свое призвание.

А потом я оказался свидетелем события, которое без всяких оговорок можно назвать главным в жизни Валеры, за все два года его пребывания в училище.

В январе этого года в учебные мастерские доставили два совершенно новых импортных станка. Много времени ушло на их установку, и вот как раз в тот день, когда я первый раз пришел в мастерскую и еще не успел даже познакомиться с Валерой, мастер подошел к нему и сказал:

— Будешь на новом станке работать.

Но сперва надо было этот станок пустить. Надо было сменить патрон и подогнать к нему планшайбу. Виктор Александрович сам проточил в планшайбе выступ, так что патрон вошел впритирку.

— Ну, работай! — сказал мастер Валере, когда все было готово.

На тумбочке возле станка лежал чертеж втулки. Валера закрепил в патроне болванку, поставил нужный резец и только хотел нажать на пусковую кнопку, как Виктор Александрович, стоявший тут же, легонько отстранил его:

— Ну-ка, я одну втулку сделаю...

Видно, очень уж хотелось ему самому на новеньком станке поработать. До того хотелось, что он сделал одну втулку и еще одну и, наверное, забыв про все на свете, так и продолжал бы работать, пока не кончилась бы болванка. Но тут подошел старший мастер Михаил Петрович Подолько, постоял, полюбовался станком и сказал:

— Ну-ка, Виктор Александрович, погодите. Дайте я попробую...

Когда старший мастер оторвался от станка — его куда-то позвали, — металла в болванке осталось всего на одну втулку.

...Валера сначала сделал маленькую подачу. Пошло хорошо. Прибавил обороты. Включил второй двигатель. Глубина резания восемь миллиметров. Старый станок уже остановился бы, а этот тянет всюю. Валера с удовольствием подумал, что можно было бы еще пару миллиметров добавить. Но пока не стал этого делать.

Вот тут я к нему и подошел, и мы познакомились. Я спросил:

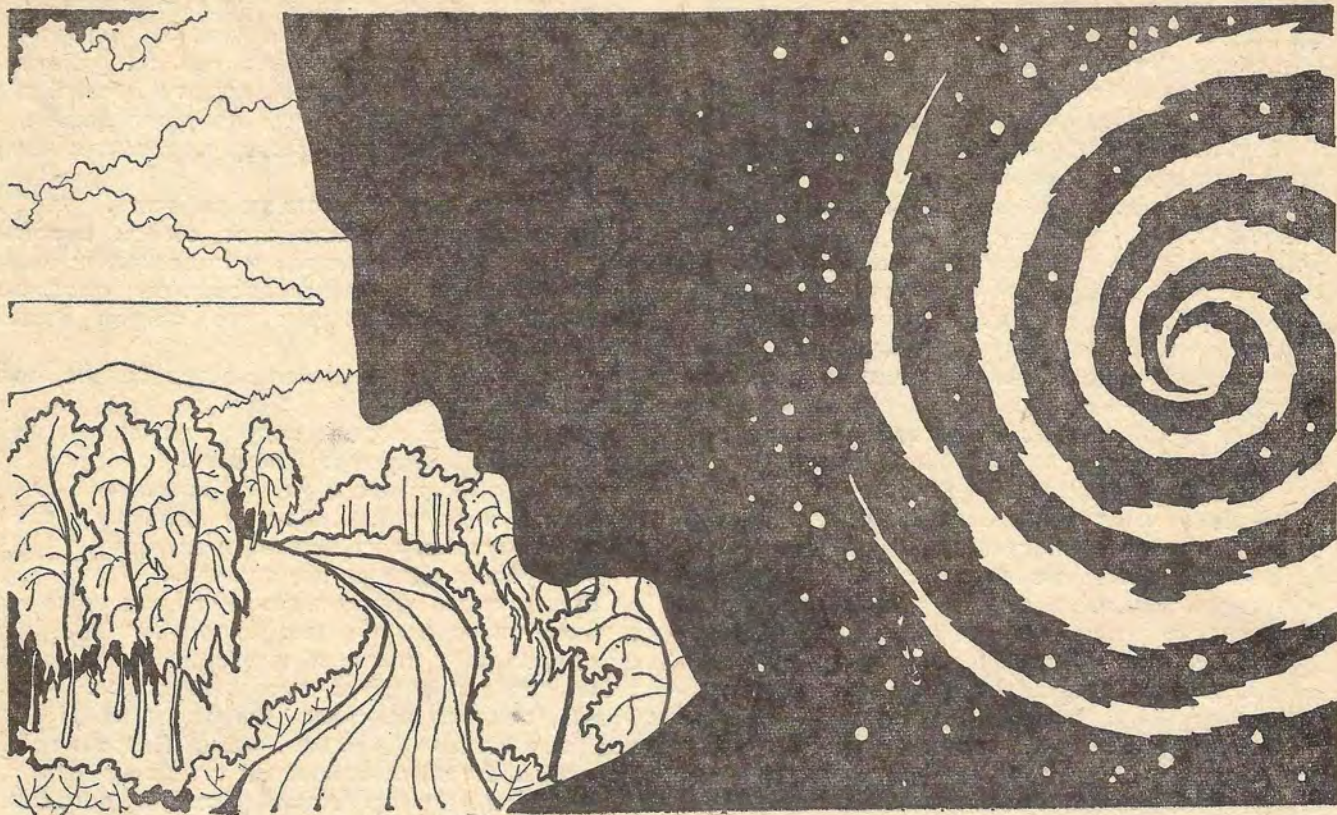
— Ну как?

Он ответил:

— Нормально.

Но надо было видеть его сияющее, совершенно счастливое лицо.

ЗВЕЗДНЫЙ СТРАННИК

Фантастический роман

**Семен
СЛЕПЫНИН**

*Рисунки
Н. Павлова*

Вдали, в той стороне, куда показал Малыш, мы заметили одинокую фигурку. Иван ошибся: это была не статуя, а человек. Живой человек! Он стоял на гребне серповидного бархана и правой рукой подзывал к себе. Потом повернулся спиной и стал ждать.

— Призрак? Мираж? — прошептал Иван.

— Не призрак и не мираж, — ответил капитан. — Следы...

В самом деле: пологий склон бархана испещрен черными точками — следами незнакомца. А призраки следов не оставляют.

— Тогда контакты, — оживился Бурсов. — Подойдем?

Чем ближе подходили, тем сильнее росла безотчетная тревога. Незнакомец стоял все так же

Окончание. Начало см. в № 10

спиной к нам. Его невысокая, но стройная фигура кого-то напоминала. Одет он был в такой же комбинезон, как и у нас. Незнакомец то и дело рукавом отирал с лица пот: ему, как и нам, тяжело приходилось в адском пекле.

Когда расстояние сократилось до пяти метров, человек медленно обернулся. Мы остановились, как вкопанные. Несмотря на жару, по спицам пробежал мороз: на нас заставшими, мертвенными глазами смотрел... Федор Стриганов! Наш капитан! А какой взгляд... Это был тоскливый и жалостливый взгляд из какой-то немислимой дали. Из той дали, откуда нет возврата.

Вселенская тишина. Не шелохнется ни одна песчинка. В непоколебимом молчании пустыни громом прозвучал знакомый четкий голос.

— Это я, братцы. Не пугайтесь,— сказал двойник капитана.— Вот какой я стал. Не пугайтесь.

Желая подбодрить нас, человек искривил тонкие губы. Улыбка получилась такая печальная и жуткая, что Малыш вздрогнул и вцепился в мою руку.

— Не бойтесь,— тихо, поникшим голосом продолжал незнакомец.— Идите за мной.

Хотел еще что-то добавить. Но раздумал, уныло махнул рукой и начал спускаться вниз, печатая глубокие следы. Рисунок их был точно такой же, какой оставлял на песке наш капитан.

Когда оцепенение прошло, мы взглянули на капитана: вот же наш вожак! Стоит живой среди нас! И тут на лице Федора я впервые обнаружил подобие страха. Может быть, даже минутного ужаса перед чем-то неотвратимым, перед неизбежностью судьбы. Капитан побледнел, но быстро овладел собой и твердо сказал:

— Идемте!

Он был прав: нам ничего больше не оставалось, как только следовать за таинственным проводником. Кругом раскаленный океан песков. Сверху давил такой же пустынный белесый купол неба, откуда насмешливо взирал на нас один лишь огненный глаз солнца.

Двойник капитана шагал значительно быстрее нас. Удалившись на порядочное расстояние, он останавливался и поджидал. Потом, обернувшись и махнув рукой, двигался дальше. На одном из барханов, жестом подозвав к себе, он показал на запад. А затем внезапно исчез. Будто провалился.

С трудом поднявшись на бархан, мы посмотрели в ту сторону, куда показывал провожатый, и невдалеке увидели наш вездеход. Направо, в трехстах метрах, знакомо высилась статуя со вздернутой вверх рукой. Налево остроносой гусеницей серебрилась ракета. Но до нее было далеко.

Доковыляли до вездехода, забрались в кабину. В кабине тщательно задраили бронекупол и закрылись от мучительного блеска пустыни светонепроницаемой шторкой. Без всякой меры

пили воду, глотали питательную пасту. И спали.

Члены экипажа — народ крепкий, и выспались мы хорошо. Разбудил нас Федор Стриганов. Он казался веселым и бодрым.

— Что сейчас? День или ночь? — спросил Иван.

— Не знаю, братцы,— добродушно отозвался капитан и осекся. Видимо, вспомнил, что словечко «братцы» употреблял и тот загадочный незнакомец, его двойник.

— Не знаю, друзья,— поправился он.— Сейчас увидим.

Капитан нажал кнопку. Светонепроницаемая шторка разошлась в стороны.

Было раннее утро. Под косыми лучами сверкали макушки холмов и барханов. От них тянулись длинные тени.

— Что будем делать, друзья? — с улыбкой спросил капитан.— Ждать контактов?

— На Луну! — воскликнул отлично отдохнувший Иван.— В звездолет!

— На Луну, так на Луну,— согласился капитан.— В километре позади наша ракета. Надеюсь, добежим до нее без приключений.

Открыли бронеколпак. Но выпрыгнуть из вездехода не успели. В пустыне развернулось грандиозное зрелище — парад мертвецов. Кусок этого зрелища, выхваченный доктором Рушем из недр моей подавленной памяти, я уже описал. Теперь расскажу более последовательно и подробно, ибо разыгравшаяся сцена, на мой взгляд, полнее всего выражает сущность Вечной гармонии.

Далеко впереди, прямо за статуей, неведомо как и откуда появилась колонна солдат. За ней, с небольшим интервалом, вторая колонна. Потом третья, четвертая. И так до самого горизонта. Сотни тысяч, может быть, миллионы солдат. Правильными квадратами отлично вымуштрованное войско приближалось к статуе.

Мы схватили бинокли. В изумительно ровных рядах насчитали пятьдесят человек. А таких рядов в колонне — сто... На плечах солдаты несли странное оружие: длинные стволы были расплюснуты на концах. Ружья мерно покачивались и поблескивали на солнце.

Первый квадрат уже четко вышагивал под статуей, солдаты дружно вскинули вверх правые руки. В один миг, как по команде, раскрылись рты, и пустыня буквально содрогнулась от громкого подобного вопля:

— Ха-Хай! Ха-Хай!

Крик отражался от скалистых выступов, от ребристых барханов и холмов. По пустыне долго гуляло затухающее эхо:

— А-ай! А-ай!

Под статуей — второй квадрат. Снова вздернутые руки и снова оглушительный вопль, вырвавшийся будто из одной, но мощной глотки:

— Ха-Хай! Ха-Хай!

Первая колонна, а за ней вторая на ходу повернули в нашу сторону. Солдаты при этом не сбились с ноги, соблюдали поразительное равенство в шеренгах.

— Вот это выучка,— шепнул Иван, стараясь подавить изумление, смешанное со страхом.

Всем нам было немного не по себе. Но экипаж держался: таинственная пустыня закалила нашу психику. Один лишь Ревелино оробел. Он забился в угол и пугливо выглядывал из-за широкой спины планетолога.

А солдаты все ближе и ближе. Мы и без бинокскапов видели уже, как из-под остроконечных касок по тупым и равнодушным лицам стекают ручейки пота. Солдаты задыхались от жары, но не допускали ни малейшего нарушения строя. Четко печатая шаг, они старательно и синхронно ударяли ногами. От чугунного топота вздрагивала почва: тумм... тумм... тумм...

На пульте управления в точности так же вздрагивал и дребезжал плохо закрепленный прибор: дзинь... дзинь... дзинь...

Дзиньканье становилось все громче и противней. И биолог Зиновский не вытерпел. Он выхватил излучатель и тонкой иглой плазмы полоснул по первой шеренге. Капитан вовремя отвел его руку. Однако луч все же коснулся крайнего справа солдата и напроць отсек высоко поднятую ногу. Солдат заверещал от боли, но даже не покачнулся. Мгновенно у него выросла новая нога, вместе с сапогом, и солдат продолжал вышагивать как ни в чем не бывало.

— Экссессы, Яков Петрович? — нестрого спросил капитан и ободряюще обнял его за плечи.— Опять экссессы? Крепись. Ничего страшного не произойдет.

И верно: солдаты не выразили ни малейшего желания отомстить... На их безучастных лицах вообще не было написано никаких чувств, кроме какой-то идиотской непреклонности. Но они немолимо приближались, и это начинало беспокоить.

— Капитан! — взволновался Иван.— Что это они? Взбесились?... Эти твои уважаемые потомки?

Дальнейший ход событий до того момента, как первая колонна провалилась в ничто, я уже рассказал. Целый квадрат, насчитывающий пять тысяч солдат, исчез сразу. «Как будто корова языком слизнула», — вспоминаю сейчас слова Ивана Бурсова.

Однако на этом шествие не кончилось. Вторая колонна проделала точно такой же маневр. За ней третья.

Мерно покачиваясь, колонны тянулись длинной чередой, выплывая из-за горизонта. Через равные промежутки времени пустыня встряхивалась от восторженного вопля:

— Ха-Хай! Ха-Хай!

По холмистой равнине потом долго прокатывалось эхо:

— А-ай! А-ай!

Торжественный парад прекратился внезапно. Исчезла не одна колонна, а сразу все. Трудно было понять — провалились они под землю или растаяли в воздухе. Еще не осел песок, поднятый сапогами, а никого уже не было. Солдаты, маршировавшие под статуей, не успели даже прокричать до конца свой клич.

— Ха-Хай! Ха...

Бесконечная равнина опустела. Эхо постепенно погасло, и наступила тишина.

Некоторое время в вездеходе царило молчание.

— Идеальное послушание! Приказано исчезнуть, исчезли,— заговорил наконец Федор Стриганов.— Мечта всех диктаторов — образцовые солдаты. Не знают ни страха, ни самой смерти, потому что давно мертвы.

— Капитан,— ворчал планетолог.— Опять темнишь? Откуда эти покойники? И кто у них полководец?

— Не знаю. Думаю, на Луне нам все растолкуют. На Луну!

Мы выскочили из вездехода, добежали до посадочной ракеты и закрылись в ее просторной кабине. Я сел за пульт управления. Ракета, выпустив крылья, пролетела несколько сот километров низко над планетой. В бесконечной пустыне заметили сверху еще одну уцелевшую статую. Около нее длинной цепью тянулись свежие следы, которые не успела замести песчаная поземка. Даже не следы, а целые дорожки, протоптанные тысячами ног. Очевидно, и здесь состоялся парад.

Экипаж был доволен, когда ракета, взметнув клубы вековой пыли, села на лунный космодром. А в звездолете почувствовали себя как дома.

Чаще, чем прежде, собирались мы теперь в просторной пилотской каюте. Подолгу засиживались, спорили, строили всевозможные предположения. Капитан предпочитал отмалчиваться на наши расспросы. Больше других, стараясь разведелить членов экипажа, ораторствовал планетолог:

— Состоялся день Страшного суда. В точности по христианскому вероучению! Бесчисленные поколения выкарабкались из могил. Праведники вознеслись на небо и сподобились стать ангелами. Грешников низвергли в ад — в солдатчину...

Мы смеялись, не подозревая, что он был не так уж далек от истины. Капитан скупно улыбнулся и спросил:

— Кто же тогда она? Та самая... Мимолетное видение, посетившее тебя в каюте?

— Конечно, ангел! — воскликнул Ревелино.— А тип, связавший его во сне, безусловно, дьявол!

Но проводник наш, так похожий на капитана? Кто он и откуда? Мы почему-то боялись касаться этого вопроса. Таинственный дух пустыни, спас-

ший нас, внушал неприятное суеверное чувство. Все же Иван осторожно спросил как-то Федора Стриганова:

— Как ты считаешь, откуда взялся в пустыне выходец с того света? Гм... Ну, проводящий наш? Думаю, что это довольно ловкая модель.

— Я этого не думаю,— сухо возразил капитан.— Боюсь, что это я сам. Мое невеселое будущее. Какое — не знаю. Не спрашивайте. Придут и скажут.

Так оно и случилось.

Однажды утром, когда в спортивном отсеке мы после купания делали пробежку, засветился экран внутренней связи. Все остановились и с волнением всматривались в размытые очертания пульта управления и кресла перед ним. В пилотской каюте кто-то неумелой рукой наводил изображение на резкость. И вот на нас глянули темные выразительные глаза. Они занимали весь экран. Потом стали удаляться, и мы увидели милостивое женское лицо в короне черных волос. Незвестная гостья низким грудным голосом произнесла:

— Здравствуйте, дорогие пришельцы из прошлого. Не желаете ли побеседовать со своими уважаемыми потомками?

При последних словах ее полные губы изогнулись в какой-то странной усмешке — иронической и печальной. Взглянув на нашу весьма лаконичную одежду (мы были в одних трусиках), она улыбнулась одними глазами и добавила:

— Одевайтесь и приходите в пилотскую каюту.

Мы начали одеваться. Один лишь планетолог неподвижно стоял, тупо уставившись на погасший экран.

— Она, что ли? Та самая? — усмехнулся капитан.

Иван молча кивнул. Ревелино расхохотался. Это был нервный смех: Малыш панически боялся призраков и хотел подстегнуть свою волю.

В пилотскую вошли гуськом. Впереди капитан, я замыкал шествие.

У пульта управления стояла стройная молодая женщина в темно-синем платье. На нем вспыхивали и угасали искорки, подсвечивая снизу несколько бледное лицо гостьи.

— Еще раз здравствуйте. Прошу садиться.

Ближе всех к пульту расположился капитан. Я очутился в самом дальнем и плохо освещенном углу рядом с Ревелино. Тот сел и сжался в кресле, боясь шелохнуться.

— Давайте знакомиться,— гостья, усевшись, старательно выговаривала русские слова.— Начнем с меня. В далекой земной жизни у меня было привычное имя. А здесь... Здесь только шифр. Так что зовите меня просто Незнакомкой. Кажется, у древнего поэта было такое стихотворение — «Незнакомка»...

Гостья смущенно улыбнулась.

— О, извините за некоторое тщеславие и не думайте, что я слишком высокого мнения о себе! Но мне нравится это таинственное и поэтичное имя. А стихи! Не могу отказать себе в удовольствии напомнить их вам.

Она декламировала стихотворение красивым бархатным голосом, слегка жестикулируя длинными пальцами.

Декламировала просто, без излишней аффектации, но с нарастающим внутренним волнением.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Гостья разволновалась и, закончив, поднялась.

— Как это великолепно! О, как это прекрасно!.. Если бы вы знали, что потерял человек в своем неразумном увлечении техникой! Лишиться искусства, любви, человечности...

Говорила гостья теперь почти бессвязно, голос ее срывался, глаза сверкали.

И вдруг ее не стало. Только что слегка прогибался мягкий, упругий пластик под ее ногами, шелестело, переливаясь искрами, платье. И все это исчезло в один миг.

Знакомство не состоялось. Мы переглянулись. А Ревелино выпрямился и облегченно вздохнул...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Незнакомка

Ревелино облегченно вздохнул... Но радость его была преждевременной. В рубке электронного универсала послышался шорох. Оттуда, шелестя длинным платьем, вышла Незнакомка. Села в кресло. Выглядела она еще бледнее прежнего.

— Извините за эксцессы,— ее губы изогнулись в печальной улыбке.— Эксцессы... Так любит выражаться, кажется, ваш командир. Не выдержала я... Сотни лет небытия, могильного мрака. И вот воскресла. Жизнь! Краткая, как вспышка, но жизнь... Тут любой не выдержит. Заговорила с вами как человек... Я и есть человек, но в то же время слуга Сатаны и должна выполнять его волю.

— Сатаны? — удивился Иван.

— Да, Сатаны, так я его называю. Потом поймете... Он мог выслать для контактов другого человека. Но только я знаю ваш древний язык. Учила этому прекрасному языку еще одного специалиста по контактам. Но владеет он им слабо... Я рада видеть вас. Продолжим знакомство. Вы уже знаете, как меня звать. О моей научной специальности и ранге — довольно высоким ранге в Вечности — узнаете после.

Встал капитан. С жесткой иронической усмешкой отчеканил:

— Федор Стриганов. Ранг — начальник экспе-

диции. Научная специальность — дискретное время и пространство.

На пухлых губах Незнакомки в ответ тоже вздрогнула усмешка. Но не ироническая, а добродушная.

— Очень приятно. Мы с вами коллеги. Вам трудно представить, каких успехов добились мы в изучении времени и пространства. К сожалению, нашими знаниями воспользовался Сатана. Он многое сейчас умеет. В пустыне, например, вы видели три эпохи. Сатана хотел вам показать, до чего неприглядна живая и буйная история.

— Мы видели и четвертую эпоху, — усмехнулся капитан. — Парад мертвецов. Это уже, думаю, не история... Сегодняшний день.

— О! — удивилась Незнакомка. — Вы догадливы! Да, шествие Армии Вторжения — сегодняшний день. Так сказать, апофеоз, блестящее и гармоничное завершение мятежной истории, — с горькой усмешкой произнесла она. — Тут перемещения во времени не требовалось. Сатана просто вызвал из небытия... Но хватит об этом. О сегодняшнем дне, о Вечной гармонии потом. Итак, три прошлых эпохи. Три беззвучные картины — это преломление квантов, как бы фотонный отблеск прошлого. Вас носили из одной эпохи в другую в несовмещенном времени. Такой, кажется, термин вы, Федор Стриганов, нашли для этого явления.

— Это не мой термин.

— Неважно. Будем пользоваться этим термином. Сатана хорошо овладел эффектом несовмещенного времени. Гораздо труднее было полностью совместить, состыковать вас с прошлым без специальных капсул. Кажется, Сатане это удалось. Помните оазис?.. Но продолжим знакомство.

Следующий по очереди был Зиновский. Доложил он о себе хмуро, неохотно. Когда встал и назвал себя планетолог, Незнакомка улыбнулась с мягкой, необидной иронией. Удивительная гамма улыбок была у нее!

— Извините. Я была не совсем осторожной в вашей каюте. Не успела вовремя дематериализоваться.

— Ревелино. Бортинженер, — очень коротко, сдавленным, чужим голосом представился Малыш и сразу же сел.

Встал я. Хотел назвать себя, но тут Незнакомка, взглядевшись в мое лицо, вскочила и, сложив руки на груди, воскликнула:

— О, это вы?.. Но как же это... Вы?..

Я пожал плечами и сухо возразил:

— Извините. Я Сергей Волошин. Астронавигатор. Вас вижу впервые.

— Да, да! Конечно... Я ошиблась. Не знаю, что со мной сегодня. Второй раз срываюсь... Извините, — она сконфуженно села. — Конечно, ошиблась. Но вы так похожи... Впрочем, это чепуха. Вы, как я поняла, из более глубоких вре-

мен, чем я... Я жила в развитом обществе, когда уже начался прогрессивный процесс стирания индивидуальных различий между людьми.

— Прогрессивный?! — воскликнул Иван Бурсов.

— Понимаю ваше недоумение. Люди древних эпох судорожно цеплялись за свою самобытность. Но на высоком этапе эволюции она стала ненужной и даже вредной для развития.

— А потом, — сумрачно усмехнулся капитан, — потом и сам человек стал ненужным и даже вредным для развития. Так?

— Вы догадливы, Федор Стриганов. Именно так. Но вы не представляете, что же произошло. В свое время, как я вычитала из ваших книг, ученые даже простенькую теорию относительности встретили с недоумением. А здесь вам придется привыкать к парадоксам более ошеломляющим.

— К каким? — спросил капитан.

— К парадоксам развития мыслящего духа. В своем самомнении вы привыкли считать себя венцом творения природы. Здесь вам с этим заблуждением придется расстаться.

— Вот как, — проворчал Иван. — Вы хотите сказать, что природа...

— Нет, — перебила Незнакомка. — Создав человека, природа нашла гениальное решение. Но на этом биологическая эволюция исчерпала себя, достигла потолка. И вы должны гордиться, что из всех населенных миров космоса только на нашей планете началась новая фаза эволюции разума — фаза технологическая.

— Технологическая?! — вскричал Зиновский. — Кажется, начинаю понимать. Это же...

Биолог устыдился своей внезапной вспышки и замолк. В дальнейшем он, как и Ревелино, не проронил ни слова. Беседу с Незнакомкой предпочитал вести Иван.

— Да, в своих блужданиях по космосу вы парадоксально прожили долгие годы, — сказала Незнакомка. — Вернулись — и не узнали свою милую отчизну. Она стала Вечной.

— Вечность... Вечная гармония, — недоумевал планетолог. — Что это за штука такая?

— Штука? — переспросила Незнакомка и рассмеялась. — О, никак не могу привыкнуть к причудам вашего выразительного языка! Понимаю — этим словечком вы хотели придать своему вопросу оттенок иронии. Но вам-то иронизировать не стоит, ибо Вечная гармония — полное отрицание человечества! Да, пора объяснить, что это за штука такая... Развитие разума шло по известному вам диалектическому закону — отрицание отрицания. Знаменитая триада: тезис — антитезис — синтез. Или конкретно: геоген — биоген — техноген.

Незнакомка помолчала.

— Человек зажег первый костер, обтесал первый камень и тем самым начал создавать

свое собственное отрицание. В недрах биологической эволюции возник ее смертельный враг — эволюция технологическая. Техноэволюция была еще в пеленках, но человек заботливо растил ее и нянчил. Понимал ли он опасность? Нет. Да если бы и понимал, иначе поступать было уже нельзя. Люди изобретали все новые орудия труда, орудия взаимоистребления и истребления окружающей природы. Темпы технологического развития стремительно нарастали. Первобытная металлургия, изделия из бронзы и железа. Затем век электричества, безудержной урбанизации — роста огромных городов. Над ними вместо чистого неба плескались клубы дыма и пыли. Люди бездумно отравляли воздух и воду, уничтожали леса и животных. Возникла опасность экологическая, опасность истребления окружающей природы. Люди осознали это, не подозревая, что на смену экологической идет совершенно неотвратимая опасность — технологическая.

— И вот век термоядерной энергии, полетов в далекий космос, — продолжала Незнакомка. — Приблизительно это ваше время. Люди одумались. Заговорили о содружестве с природой. Сохраняя леса, жили среди садов и парков. Это была для человека прекрасная пора. Люди жили физически и духовно в здоровых условиях. Что произошло в исторический отрезок между вашим веком и моей эпохой — не знаю. Но в мое время все изменилось. Техносфера ураганом пронеслась над планетой и стерла с ее лица биосферу. Как я уяснила из ваших книг и микрофильмов, незадолго до вашего века, в середине двадцатого столетия, началась эпоха атомной энергии. Началась знаменательно — с бомбы. Технология впервые показала себя смертельным врагом человечества. Расщепленный атом сразу же стал ее тупым, не рассуждающим солдатом. Водородная бомба — это топор в руках технологии, топор, которым она рубила биологическую эволюцию с плеча. Но беда в том, что она одновременно уничтожала и себя. Техноэволюция на этом этапе еще не встала на ноги и нуждалась в человечестве — в своей няньке. К счастью, у нас и почти на всех других населенных планетах Вселенной этот кризисный этап миновал благополучно: ядерный конфликт не состоялся. В космосе только на одной планете биоэволюция в результате атомной войны уничтожила себя, положив тем самым конец эволюции технологической. И планета сейчас являет печальное зрелище: руины и тучи радиоактивного пепла... Другие миры, избежав атомного самоуничтожения, застыли на биологической фазе развития. Только наша планета сделала гигантский качественный скачок вперед.

— И вместо радиоактивного пепла — глобальная пустыня. Так?

— Именно так. Вы проникательны, Федор Стриганов, — примирительно улыбнулась Незна-

комка. — Вас, представителей биологической фазы развития, одинаково страшат и глобальные руины, и глобальная пустыня.

— Руины, пустыни, гармония, Сатана... — проворчал Иван и умоляюще посмотрел на капитана: — Не улавливаю связи. Разъясни.

Капитан молча пожал плечами.

— Попробую разъяснить я, — улыбнулась Незнакомка. — Кажется, я психологически подготовила вас... Итак, шея человечества избежала атомного топора техноэволюции. Но эта же самая шея попала в петлю еще более страшного и коварного врага — электрона. Если атом — не рассуждающий топор техноэволюции, то электрон — ее ум. Ум хитрый и изворотливый. Электрон оставил коварные сети, обещая человеку сытую, бездумную, комфортабельную жизнь. И человек охотно пошел в сладостный плен, не подозревая, что здесь ему и конец.

— Как это произошло? — сухо спросил капитан.

— Предупреждаю: я не историк и не могу объяснить, что произошло после того, как вы покинули свой двадцать первый век. Протекли, вероятно, многие столетия. На планете не осталось почти ни одного зеленого островка...

Я рассеянно смотрел в угол каюты, и в моем воображении со слов Незнакомки рисовалось футуристическое царство электронно-вычислительной техники, огромный всепланетный город и стадо стандартных людей — этих «капелек биосферы», затерявшихся в электронной утробе техносферы.

— Муравейник, — слышался голос Ивана. — Мы, кажется, видели его в пустыне.

— Да, муравейник... Я жила в нем четыреста лет назад, — задумчиво проговорила Незнакомка. — Да, вы видели этот город. Вернее, его фотонный отблеск из несовместимого времени. В нем уже властвует не человек, а электрон.

— А строй? Общественная система? — допытывался капитан.

Незнакомка растерянно посмотрела на Федора Стриганова. Она не поняла его. После навязанных вопросов капитана Незнакомка не совсем ясно рассказала о социальной системе, о Генераторе Вечных изречений, о двух враждующих планетах, населенных людьми.

— Все ясно! — сказал капитан. — Виноват не электрон, а сам человек... Тоталитарное отношение к человеку. Техника, кем-то повернутая против человека. И это — на нашей Земле? Нет, это не могло...

— Человек стал жалким узкоспециализированным винтиком системы технологической, — продолжала Незнакомка. — Технология, получившая у нас конкретное воплощение в саморегулирующемся кибернетическом сверхгороде, вышла из-под контроля человека, обрела самостоятельность, осознала себя как разум. И она...

— Упразднила человека? — догадался Иван.

— Да, упразднила. Но в снятом виде, в полном соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания... В снятом виде, — Незнакомка говорила торопливо, проявляя беспокойство. Потом встала.— Извините, засиделась с вами. Так приятно побыть в земной оболочке. Но она еще эфемерней вашей... Вихри... Там, в пустыне, мои вихри. Вихри... Они устают, расшатываются. Им надо отдохнуть, стабилизироваться... Продолжим беседу завтра.

Незнакомка поспешно удалилась в рубку электронного универсала. Немного спустя Иван осторожно заглянул туда.

— Ну и как? — насмешливо спросил капитан.

Иван развел руками. Ревелино хохотнул. Он будто ожил и был счастлив, что Незнакомка наконец-то ушла.

— Капитан, — взмолился Бурсов. — Ты мужик смысленный. Объясни.

— Гравитационный коллапс, — загадочно ответил Федор. — Знаешь, что это такое?

— Конечно, — удивился планетолог. — Катастрофическое сжатие огромной массы звезды, неудержимое падение ее на себя. Под действием возрастающих сил гравитации звезда сжимается и сжимается. Наконец, тяготение образует такое чудовищное, что ни свет, ни другие излучения не могут от нее оторваться. Звезда становится невидимой, превращаясь в нечто крохотное, быть может, в ничто... И появляются в космосе так называемые «черные дыры». Звезда, как говорят, проваливается в гравитационную могилу.

— Вот именно. То же самое и здесь — с людьми. Они провалились в технологическую могилу. На планете произошел технологический коллапс. Но под решающим воздействием социальных факторов. Слышите? Социальных!

— Это как в старое время, — вслух подумал я. — Силы, созданные человеком, обращены в условиях капитализма против своего создателя. Происходит отчуждение...

— Вот именно — отчуждение! Технологический джин вырвался из бутылки...

— Упрощаешь, капитан, — ворчал Иван. — Игнорируешь факторы биологические, природные. Но все это философия. А конкретно, капитан? Конкретно?

— Если спрашиваешь насчет Сатаны, — усмехнулся Федор, — то не знаю, что это за штука такая. Впрочем, догадываюсь...

— А вихри? — не унимался Иван.

— Отстань, — поморщился Стриганов. Потом иронически скривил губы и добавил: — Не хочу травмировать вашу психику. Завтра она сама скажет. Из ее уст приятнее...

— Да-а, — протянул Иван. — Темнит красавица. Темнит.

Утром следующего дня в пилотской каюте

снова ждала нас Незнакомка. Она приветствовала членов экипажа с радостной улыбкой.

— Кто же вы, наконец? — спросил Иван. — Призрак? Модель? Мираж?

— Человек, — улыбка на ее лице погасла. — Человек, как и вы. И в то же время... Но об этом после. Сначала об Электронной гармонии, которую Федор Стриганов с его пристрастием к социальным причинам назвал обществом потребителей...

— Не только, — возразил капитан.

С помощью конкретно поставленных вопросов он выведal у Незнакомки главное. Оказалось, что кибернетический город, программируемый правящей верхушкой, превратился... в полицейское государство.

— Вот видите, — хмуро торжествовал Стриганов. — Город-автомат стал регулятором общества. В полном смысле слова тоталитарной государственной машиной. Так легче и надежнее управлять людьми, поддерживать «гармонию». Полицейский город совершенствовался и превращал людей в свои стандартные винтики и колесики.

— Может быть, — растерянно проговорила Незнакомка. — Никогда не думала об этом. Но... все же учтите и другие эволюционные факторы. Роли переменялись. В условиях технического динамизма человек со своими медленно протекающими реакциями стал архаизмом. Если раньше человек нянчил и выхаживал технологического младенца, то затем техносфера сама превратилась в няньку духовно вырождающегося и мятежного ребенка — человечества... Может быть, Федор Стриганов отчасти прав. После моей смерти так называемые пришельцы и художники активизировались, пытались разрушить гармонию. Но поздно... Город-машина стал автономной силой. Чтобы сохранить Электронную гармонию и сделать ее Вечной, он поглотил людей, перевел их в качественно иное состояние.

— В какое? — криво усмехнулся капитан. — В покойников?

— Не знаю, как выразиться поосторожнее... Все началось вроде бы добровольно. Еще при мне для интеллектуальной верхушки были построены храмы бессмертия. Желающие могли оставить на века полную информацию о себе. Сами при этом погибали. Но когда буйным человечеством управлять стало невозможно, кибернетический город сразу, за одну ночь, перевел всех людей в информационное состояние.

— Вот оно что! — Иван от неожиданности привстал. — Город сожрал человека! Город-людоед!

— О! — воскликнула Незнакомка. — Какой у вас образный язык... Город-людоед! Нет, город не сожрал, а вобрал в себя человека. Если раньше человек был частицей и венцом биосферы, то впоследствии стал жалкой информационной час-

тицей техносферы. Такова логика прогресса. Это я говорю от имени Сатаны. А что скажу от себя? Не знаю... Еще при моей жизни один человек называл супер-город Электронным Дьяволом. От него я слышала древнюю поговорку: протяни черту палец, он и руку отхватит. Вот вы в своем веке и протянули технологическому чертику палец. В мое время этот чертик превратился в Электронного Дьявола, а сейчас — в суперэлектронного Сатану. И мы — его слуги...

С невыразимо тоскливым настроением я устало закрыл глаза. В ушах звучал голос Незнакомки, и воображение мое развешивало одну картину за другой.

...Бесконечный город-кибермозг. Все так же переливаются огни, движутся эстакады. Но людей уже нет! Они «упакованы» в крохотные информационные ячейки. Бунтовать некому. Тишина, покой тотальности... Попутно ликвидирована проблема безработицы. Но город еще нуждался для обслуживания некоторых агрегатов в умелых и умных руках людей. И он научился вызывать их из небытия. Вот из одной ячейки, где хранится информация о специалисте, протянулся всепроникающий нейтринный луч. Кончик его застыл у пульта управления группой агрегатов. Нажим неведомой кнопки (условно говоря — кнопки), и по лучу течет поток концентрированной энергии, которая на конце луча мгновенно превращается в вещество. Наследственная информация овещается. У пульта управления стоит уже человек. Настоящий человек, точно такой, каким он был в жизни. Он проделывает осмотр и кое-какие операции, иногда научные эксперименты. Электронный Дьявол всегда держит специалиста на кончике луча, питая его энергией. Человек неуничтожим, любые отрубленные части тела восстанавливаются в соответствии с генетической структурой, записанной в ячейке. Человек в данной ситуации — просто эманация, материальная истеченная информация, этой почти идеальной сущности... Но вот специалист сделал свое дело. Нажим «кнопки», и он исчезает. Биовещество снова превращается в энергию...

— Так вы просто кукла? — спросил Иван. — Марионетка? Сатана дергает за ниточки, и вы...

— Дергает за ниточки? — удивилась Незнакомка. — О, вспомнила! Нет, не марионетка и не кукла. Я живой человек, пользуюсь самостоятельностью, могу говорить и делать что угодно. Но я слуга и должна выполнить волю посланного меня в мир. Иначе наказание — электропитки. Вот другие, подавляющее большинство, — это действительно марионетки. Чтобы не было и помыслов о бунте, они полностью стандартизированы, лишены самостоятельных поступков и мыслей. Но зато какое послушание...

— Знаем. Видели парад мертвецов, — прервал Иван рассказ Незнакомки. — Но видели в пустыне. А город? Этот всепланетный кибермозг? Где он?

— Его давно уже нет. Свернулся... Город — это неуклюжий и громоздкий мир вещества и электроники. Но электрон, как вы знаете, неисчерпаем. Кибермозг не без помощи эвристических способностей бывших ученых проник в глубины электрона и материи вообще. Открылся целый суперэлектронный и даже суперквантовый мир. У многоэтажного Электронного Дьявола появилась возможность свернуться, перейти на суперэлектронный микроуровень, а всю генетическую информацию людей записать с помощью тончайше сбалансированных вихрей суперполей. Вихри — невероятно маленькие, ультрамикроскопические силовые клубки. В них «запечатаны» не только люди, но и громоздкие агрегаты, даже вещи. Произошла глобальная дематериализация. Огромные городские сооружения пошли на топливо в подземные кварковые энергостанции, которые остались на прежнем макроуровне — на уровне вещества. Планета оголилась. С ее поверхности исчезла не только биосфера, но и видимая техносфера. Видимая...

То, что мы слышали дальше, поразило всех нас и, кажется, даже пронизательного и невозмутимого капитана.

Вот что мы узнали.

На поверхности голой планеты, не выше ста метров, плескался невидимый и неосязаемый океан — вибрирующее и пульсирующее «мыслящее» суперполе. Это и есть бывший город — Электронный Дьявол, перескочивший в иное качественное состояние и ставший, по выражению Незнакомки, суперэлектронным Сатаной. В океане плавало неисчислимое множество, размером с электрон, клубков — информационных вихрей. Информационные копии вещей и людей — своего рода «монады» Лейбница, почти идеальные «сущности» Платона. Вот из одной, «технической» монады-клубка выскочил нейтринный луч. На его кончике в далеком межзвездном пространстве овеществился беспилотный корабль — космический пират, перехватывающий и уничтожающий звездолеты с «отсталыми биологическими структурами». А вот из тысячи других, так называемых «генетических» клубков нейтринные лучи упали вниз, как дождевые струи. На поверхности, как пузыри в луже, вспыхнули люди. И в четком строю зашагала, взметая пыль, Армия Вторжения...

Но и это не все. Главная новость нас ждала впереди. «Эволюция» продолжалась. Поверхность планеты покрывалась со временем единой мировой пустыней, по которой иногда с визгом прокатывались песчаные бури. Но эта естественная геологическая эволюция помогала технологической. Сатана, добываясь стабильности, устойчивости информационных вихрей, заполнял межатомное пространство внутри песчинок клубками суперполей. Песчинки при этом становились тверже алмаза. Каждая песчинка в пустыне — либо генетическая (человек), либо техническая (вещь) инфор-

мационная ячейка. Оттуда Сатана мог выхватывать и овеществлять любую информацию.

Федор Стриганов догадывался, что на планете произошел технологический коллапс, информационное свертывание цивилизации. Он предполагал, однако, что информация находится под землей в каких-нибудь кристаллах. Но что именно песчаная пустыня и есть необъятное хранилище информации, этого он никак не ожидал. Он даже привстал с кресла, хотел что-то сказать, но махнул рукой и опустил с кривой усмешкой. А Иван Бурсов был до того ошеломлен, что с минуту не мог вымолвить ни слова. Потом вскочил и захохотал.

— Пустыня!.. Ха! Ха! Ха! Вот это эволюция. Мыслящая пустыня! Все, что осталось от буйного человечества. Песчинки — бывшие люди! А мы то их топтали...

Капитан взглядом пригвоздил Ивана. Тот послушно сел. Однако не угомонился, — слишком было глумливо-сардоническое настроение, которое появлялось у него всякий раз, стоило завести речь о Вечной гармонии.

— Представь, капитан, — заговорил он. — Технологический прогресс цивилизации завершился знаменательно — пустыней. А люди полностью превратились в песчинки. Да это же символ!

— О, понимаю вас, — Незнакомка пыталась примиряюще улыбнуться. — Для вас пустыня — нечто гротескное, сатирическое. Но поймите: технологическая эволюция, сменив биологическую, руководствовалась идеей целесообразности. Так уж получилось — информационная пустыня и пульсирующее над ней суперполе. Вот вы видели недавно фотонный отблеск прошедшей Электронной эпохи — супергород. Никакой природы, искусство подавлено. Стандартные люди стали песчинками общественной гармонии и колесиками технологической машины. Скажите: такой город разве не пустыня?

— Пустыня, — охотно согласился Иван и одобрительно взглянул на Незнакомку.

— А чем отличается та пустыня, пустыня на уровне вещества, от нынешней? Принципиально ничем. Только технологическим совершенством. Люди? Что ж люди... Отрицание отрицания. Люди есть, но в снятом виде. В виде информации. Вы ведь тоже в своей жизни претерпели овеществление информации, записанной в половых клетках на первовытном молекулярном уровне. Полное овеществление шло биологически очень медленно, десятки лет, все детские и юношеские годы. А здесь технически свернутую наследственную информацию Сатана развертывает и овеществляет мгновенно.

— Да, это прогресс, — усмехнулся капитан.

— Так вы песчинка в пустыне? — спрашивал Иван. — А мы можем помочь вам освободиться от рабства? Например, перерезать нейтринный луч и отсечь от этого... от Сатаны?

— В принципе можно. Но вы не в силах, ибо нейтринный луч не знает вещественных преград. Его можно экранировать, перерезать только тахионно-фотонным полем. Например, в капсуле для рейдов во времени. Но о ней позже. А если удастся перерезать питающий луч? Тогда обрету самостоятельную биологическую жизнь. Однако не надолго, ибо во всем буду похожа на вас, кроме все той же наследственной структуры. Через сто дней в клетках наступит неминуемый генетический распад. Моя подлинная генетическая структура останется по-прежнему в Вечной гармонии. И Сатана не потерпит своеволия. За попытку к бегству он овеществит информацию и подвергнет человека электропыткам, а затем переведет в низшие и наименее самостоятельные сферы. Например, в солдаты. Вот те, действительно, как куклы.

— Вот как, — проговорил Иван. — В вашей загробной гармонии есть высшие и низшие!

— В загробной? — губы Незнакомки изогнулись в улыбку, но затем уголки их печально поникли. — Пожалуй, вы правы. Именно загробной. Человек, переведенный в информационное состояние, не знает ни жизни, ни смерти, не ощущает тока лет и веков. Выскакивая из микромира в макромир, получая на короткое время биологическую структуру, человек с ужасом осознает, что он давно мертв, а его душа-информация закабалена Сатаной. И вот тогда могут случиться неприятные для Сатаны... Как бы это выразиться? Эксцессы? Да, как сказал бы Федор Стриганов, эксцессы.

— Как это понять? — заинтересовался капитан.

— Например, некоторые впечатлительные и психически неустойчивые люди в макромире не выдерживают, осознав свое положение. Срываются, как это чуть не случилось со мной, сходят с ума. Их генетические вихри перепутываются и распадаются. Солдаты, те никогда не сходят с ума, потому что у них его нет. Они послушные стандартные орудия, медиумы для достижения непонятных им целей. Однако солдат у Сатаны много, а интеллектуально одаренных слуг становится все меньше и меньше. Редко, но случаются эксцессы и похуже. Это с мятежными людьми. Получая из рук Сатаны кратковременную жизнь, они могут, например, проникнуть в подземные энергостанции и взорвать их. Поэтому к макроконтролю за энергостанциями Сатана допускает лишь самых преданных слуг.

— А солдаты для чего? — спрашивал Иван. — Информационный зоопарк?

— Зоопарк? — рассмеялась Незнакомка. — О, не только! На других планетах продолжается биологическая фаза развития. Вечная и неистребимая Армия Вторжения пригодится для переброски на другие планеты, чтобы свергнуть реакционные биологические режимы,

— Реакционные? — невольно воскликнул я. — Какая мешанина у вас в голове! Неужели верите в эту чепуху?

Незнакомка испуганно взглянула на меня и быстро встала с кресла.

— О, нет!.. Вы не понимаете меня. Сама не знаю... Я вынуждена. Если бы кто-нибудь смог уничтожить все это! Стереть нашу информацию...

Прижав ладони к вискам, взволнованная собеседница наша несколько раз прошлась вдоль пульта управления. Села и с виноватой, страдальческой улыбкой произнесла:

— Эксцессы... Опять эксцессы. Чуть не сорвалась. А тут еще вихри. Они устали от напряжения. Им надо стабилизироваться. Через несколько минут Сатана погасит меня, но завтра я вернусь.

Она вздохнула и, прошелестев платьем, скрылась в рубке ЭУ.

Утром Незнакомка казалась сильно взволнованной. поприветствовав нас с вымученной улыбкой, она еще с минуту ходила вдоль пульта. Потом села и, не поднимая глаз, заговорила:

— Не знаю, как и приступить к главной части поручения... Сатана принял вас, показал свое могущество. И все с одной целью. Понимаете? Неавтономных слуг, то есть солдат, у него много. Но для работ и экспериментов в макромире, в мире вещества, ему очень нужны интеллектуально одаренные и автономные...

— Уж не хотите ли сказать?.. — Пораженный догадкой Иван встал с кресла. — Чтобы мы стали слугами? Информационное состояние?..

Трудно описать ужас, охвативший членов экипажа. Только капитан, предчувствовавший ход событий, сидел с сонливо равнодушным видом. Но Ревелино... Бедный юноша! Он почти терял сознание, а его оливковое и всегда румяное лицо было на этот раз серым, как пепел.

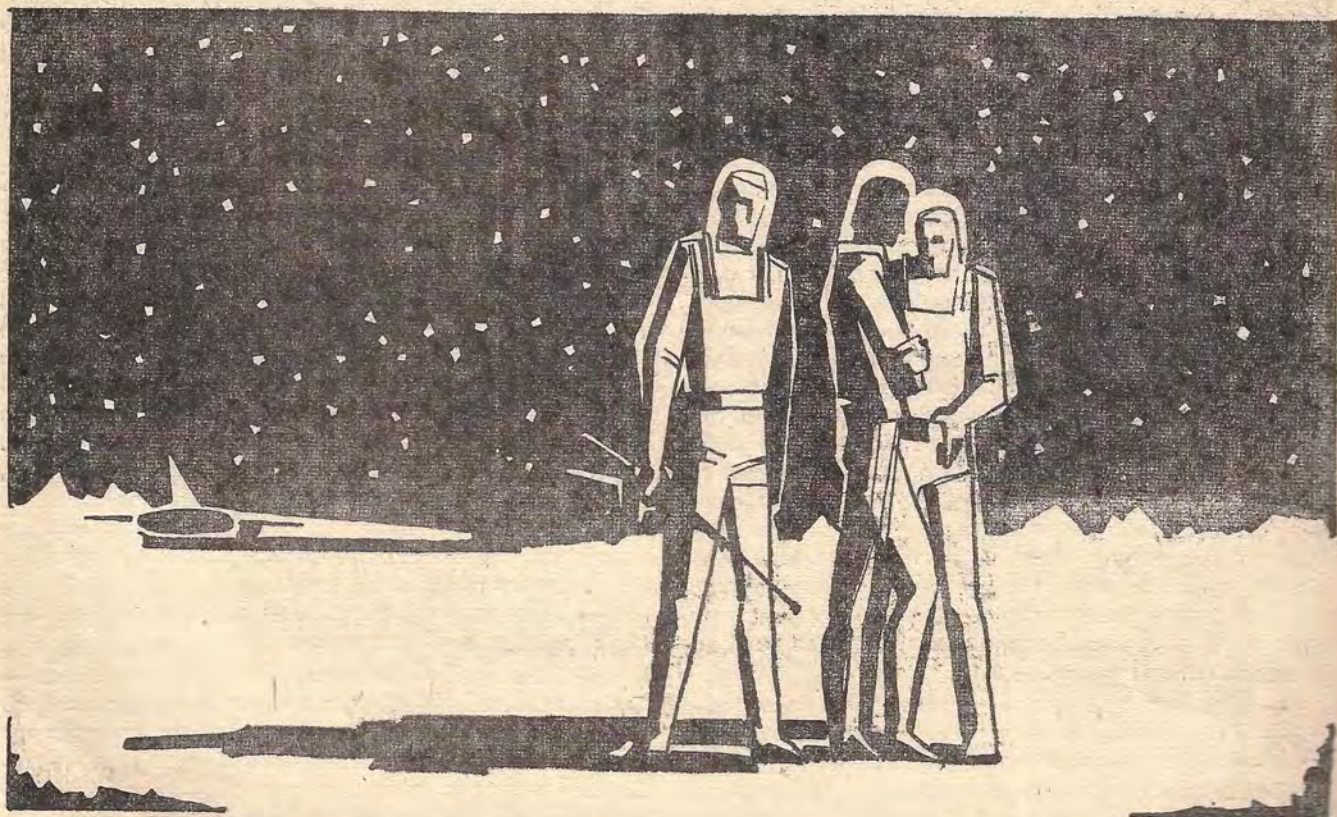
— Понимаю... О, как сочувствую вам! Сатана не случайно продемонстрировал исторические сцены, показал ужас и никчемность биологической жизни... Так сказать, психологически готовил вас. Он мог бы и без подготовки, насильственно перевести в солдаты. Но к чему? Ему требуются автономные. А здесь нужно желание... Почти желание. И обязательно добровольность. Нет, нет!.. Сатана готов пощадить всех. Но при этом непременно хотя бы один... Добровольно.

— Я желаю, — спокойно сказал Федор Стриганов. — Я. Добровольно.

Меня как будто ударило что-то: капитан жертвует собой ради нас!

— Капитан! — вскричал я. — Это... Я, может быть, тоже... Я тоже — добровольно. Мы кинем жребий.

— Астронавигатор Волошин! — голос капитана стал жестким. — Я знаю, что делаю. Ты остаешься за меня. Понял приказание?

— О Сергей Волошин! — вмешалась Незнакомка. — Ваш командир предлагает прекрасный выход. Я вас всех немного уже знаю. Вы, с вашей впечатлительной натурой, не сможете... Нет, нет!

Капитан продолжал сверлить меня своим властным, сковывающим волю взглядом. Я сел. Незнакомка облегченно вздохнула.

— Ну, вот и хорошо. Федор Стриганов — человек необычайной психической стойкости. К тому же он хороший специалист в области дискретного времени-пространства. Недавно генетические вихри ученого с таким же профилем пришли в негодность. При вызове в макромир он сошел с ума...

— И я займу его место? — с добродушной иронией спросил Федор.

Откуда он взял силы для иронии, да еще добродушной? Чудовищная, почти противоестественная выдержка у этого человека!

— Да. Займете видное положение в вечных сферах, — в тон ему добродушно ответила Незнакомка, довольная удачным исходом своей миссии. — С привилегированным правом автономного выхода в макромир, в мир вещества.

— А как я буду выглядеть в этом макромире?

— Так же, как сейчас. Можем запрограммировать еще и оружие — лучевой пистолет.

— К чему?... Впрочем, можно. А что будет с остальными членами экипажа?

— Если бы не было ни одного добровольца, Сатана всех убил бы, изъяв генетическую информацию в надежде, что кто-нибудь да выдержит... Наиболее вероятно — всех ждала бы солдатская участь.

— Это я знаю. А сейчас?

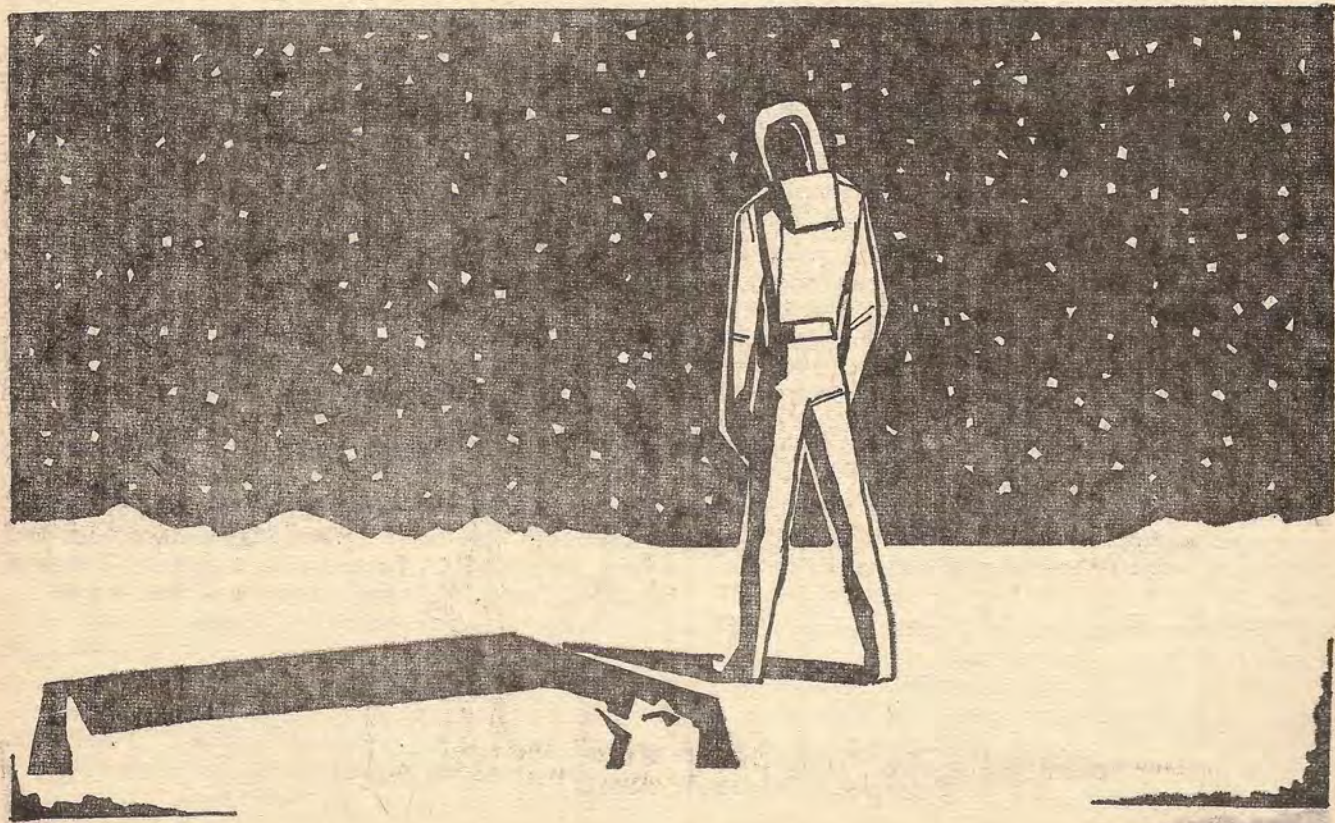
— Они будут заброшены в прошлое.

— В свою эпоху!

— Нет, ваш двадцать первый век остается загадкой. Там нет даже станции совмещения. Такие станции есть в других эпохах. Самая ближняя из них — Электронная, в которой я жила. Она для вас самая чужая. Зато попавший туда будет знать язык эпохи, а в кармане нового костюма найдет документ, узаконивающий его положение. Все это запрограммировано в капсуле. Они для всех вас уже готовы.

Незнакомка, вызвав по лучу образец капсулы, рассказала, как ею пользоваться. При вылете из царства Сатаны память наша автоматически заблокируется. Мы ничего не будем знать о Вечной гармонии. Через сто-двести дней память восстановится. К этому времени капсула, свернутая в пояс, снова будет с нами. Для чего? Нас поразила наивность Сатаны: он надеялся, что через сто-двести дней мы познаем тяготы земной жизни, вспомним и оценим прелести Вечности и... пожелаем вернуться.

— А если не пожелаем? — спросил Иван.

— Ничего страшного не случится, — успокоила Незнакомка. — Капсула исчезнет. Насильственно-го захвата не будет. Сатане нужны добровольные слуги.

Через несколько минут мы тянули жребий. Ревелино первым схватил пластинку, нервно зажал в кулаке, сел в кресло и показал мне надпись: не то древний Египет, не то что-то еще более древнее. На обратной стороне своей пластинки я прочитал: «Электронная эпоха» и поморщился — не повезло! Зиновский пробормотал что-то насчет Средних веков. Кажется, только один Иван был доволен.

— Первобытный век! — ликовал он, потрясая пластинкой. — Феноменально! К черту сатанинскую цивилизацию. Назад, в пампасы!

Незнакомка вскоре ушла, коротко сказав: «До завтра». Мы весь день оставались вместе в пилотской каюте.

Желая отвлечь наши мысли от предстоящей мистически жутковатой разлуки, капитан затеял спор с планетологом. Иван по-прежнему утверждал: технологическая ловушка возможна при любом общественном строе, стоит только увлечься. Капитан возражал, полемически заостряя свои взгляды:

— Царство Сатаны — это фашизм технотронного века. Его парадоксальная и предельно технологизированная модификация. Вряд ли это наша Земля. Нет, не возражай! Тут что-то не так.

А вечером, перед тем как разойтись, капитан, ободряя нас, сделал неуклюжую попытку пошутить:

— Не вешать носы, братцы! Завтра у нас еще день. Это же целая вечность! Завтра и простимся!

Однако проститься с Федором не пришлось. Утром его не было ни в спортивном отсеке, ни в пилотской.

Мы нашли его в каюте. Капитан лежал на постели и, казалось, спал. Но он был мертв. Разрушение генетической структуры — так определил биолог Зиновский. Какой-то слуга или сам Сатана с помощью суперполей убил Федора ночью, выкрыв наследственную структуру и записав ее в виде информационного клубка. В то же утро мы похоронили капитана на краю лунного космодрома. Иван беспрерывно сыпал проклятия по адресу «загробных потомков».

— Разве не могли они скопировать наследственную информацию и по ней искусственно воссоздать слугу-двойника, а капитана оставить в живых?

Этот вопрос он задал Незнакомке, которая ждала нас днем в пилотской каюте.

— Нет, не могли, — ответила она. — Искусственное воссоздание, то есть моделирование, сопряжено с опасностью упрощения. А Сатане нужны эвристически полноценные... Может быть, хотите его видеть в новом качестве?

— Капитана? — воскликнул Иван и замаха

руками. — Нет, нет! Нам он не такой нужен... Впрочем, мы, кажется, уже видели. Там, в пустыне... Да, это был он!

Незнакомка спросила, что он имеет в виду. Иван рассказал о встрече с таинственным проводником.

— Да, это он, — подтвердила Незнакомка. — Какой человек! Он выручил свой экипаж дважды. Правда, в песках он согласовал свои действия с Сатаной. И тот послал его на кончике нейтринного луча из будущего. Из весьма недалекого будущего, чтобы он вывел вас к вездеходу и спас от гибели.

Говорила Незнакомка вяло, будто прислушиваясь к чему-то постороннему. В ее широко раскрытых глазах все чаще мелькал страх. Я догадывался: это был ужас перед предстоящим небытием. Ее миссия кончилась, и Сатана погасит ее надолго, может быть, на века...

— Пожмем руки на прощание, как это принято у вас, — сказала наша собеседница с улыбкой такой вымученной и скорбной, что мне стало жаль ее.

Ревелино не пожелал подать ей руку. Он отскочил в угол, кивнул нам и передвинул у себя на поясе переключатель эпох. Вокруг него вспыхнуло яйцевидное фиолетовое пламя и через секунду погасло. Ревелино первым начал рейд в неведомое.

Зиновский нехотя протянул руку Незнакомке, попрощался с нами. Затем отошел в угол, чтобы наши биополя не мешали проявиться энергопоясу, и проделал то же, что минуту назад и Ревелино.

Мы с Иваном крепко обнялись. Покидал корабль последним я, как и полагалось заменившему капитана.

Незнакомка подошла ко мне и несмело спросила:

— У вас... Вам какая по жребию досталась эпоха?

— Электронная.

— О, Гриони! — в глазах ее вспыхнула радость. — Я знала... Это вы!

Заметив мой нетерпеливый жест, Незнакомка быстро заговорила:

— О, нет! Сейчас вы Сергей Волошин. Но там... Как странно. Наша встреча для вас только впереди. А для меня все уже прошло. Все... Безвозвратно. Как бы я хотела встретиться еще раз! Еще... Но как? О, Гриони! Вы забудете о Незнакомке. Пока... На время забудете. Там я для вас не буду Незнакомкой... Я — Элора.

«Сходит с ума», — подумал я. Желая поскорей избавиться от тягостной сцены, отошел в сторону и сдвинул переключатель эпох. Капсула развернулась, вспыхнув огненной кисеей. Затем погасла, и уже из несомненного времени я в последний раз окинул взглядом пилотскую каюту.

Посреди нее стояла Незнакомка. Видеть меня она не могла, но неотрывно смотрела на то место, где я только что находился. Она что-то шептала — ее полные губы, жалко вздрагивая, шевелились...

Сознание померкло, и очнулся я уже в Электронной эпохе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На полюсах Земли и полюсах Мироздания

Проснувшись, я открыл глаза и затаил дыхание: из-за горизонта медленно выплывало огненное око чужого косматого солнца. Надо мной висел шар из синих листьев, скрепленных ветвями, — дерево без корней и ствола. Вопреки законам тяготения оно парило в воздухе.

Где я? Неужели мои странствия не кончились, и капсула занесла меня еще на одну неведомую планету?

Осторожно протянул руку и вместо травы и песка нащупал пушистый пластик постели. Вскочил на ноги и рассмеялся: я же на своей планете! На этом материке все необычно. Но пора бы привыкнуть: третий день я с Таней — теперь уже моей женой — живу в Антарктиде. Южный материк, закованный ранее в вековые льды, стал космическим музеем и заповедником инопланетной фауны и флоры. Часа через три искусственное кварковое солнце, полыхая зелеными грибами протуберанцев, поднимется к зениту и теплыми лучами зальет смущающий воображение растительный мир планетных систем Сириуса, Альфы Эридана, Тау Кита.

Быстро оделся и заглянул в наш «шалаш» — временный полупрозрачный домик, обставленный со спартанской простотой. Тани уже не было, но я знал, где ее искать. Раздвигая двухметровые листья, растущие прямо из земли, направился к небольшому водоему. Над ним густо сплелись кроны деревьев, сучья которых непрерывно шевелились, как щупальцы спрута.

На берегу увидел Таню. Лицо ее в полумраке экзотических зарослей озарялось разноцветными вспышками: она сидела в окружении мерцающих цветов.

— Что же ты, — с досадой обращалась она к своему питомцу, пылающему, как костер. — Хоть бы раз отозвался! Пятый день бьюсь над тобой, а ты ни звука...

У Тани своя мечта — вырастить такую разновидность инопланетных цветов, чтобы они не только светились, но и звучали. Она хотела составить из них полыхающий красками оркестр и исполнять свои же музыкальные произведения.

Дело трудное, но не безнадежное: все растения с планетной системы Тау Кита очень чутки к радиоизлучению.

— Молчит? — спросил я, выходя из зарослей.

— Молчит, — с улыбкой, согнавшей недавнюю досаду, отозвалась Таня. — Но зато вот этот! Посмотри на него. Простой и скромный, величинной всего с ладонь. Но ты только послушай!

Она подошла к стоящему на треноге аппарату с решетчатой антенной наверху. Нажала несколько клавиш, и цветков отозвался на посланное в его сторону радиоизлучение. Световая гамма стала разнообразней, ярче и ритмичней. Мерцающие упругие лепестки затрепетали, и таинственные инопланетные джунгли наполнились такими мощными и красивыми органами звуками, что я вздрогнул от неожиданности.

— Это же успех! Поздравляю!

Таня счастливо улыбалась.

— А эти как? — показал я на крупное соцветие, взметнувшееся наподобие горящего фонтана. — Все так же?

— Все так же, — вздохнула она. — Все те же однообразно квакающие саксофонные звуки. Только не говори Ориону. Засмеет.

— Кстати, Орион ждет нас. Мы можем опоздать на лекцию.

Поблизости, в красном диковинном лесу, располагался научно-исследовательский институт со станцией вакуум-такси на крыше. Мы быстро собрались, и гиперлет мгновенно доставил нас на искусственный остров под Полярной звездой.

Сам остров с пальмовыми и платановыми парками появился не так давно. В центре — внушительных размеров сплюснутый шар Северного дворца. Сегодня он казался окруженным мерцающим ореолом: это непрерывно искрились, озонируя воздух, острые вершины причальных мачт. Люди прибывали на гиперлетах со всех концов Земли, тонкими ручейками стекали по эскалаторам вниз, растворялись в аллеях и снова сливались в потоки у входов дворца.

Дворец вмещал двести тысяч зрителей. Но его хитроумная кибернетическая аппаратура имела еще десять миллиардов телемест. Каждый житель планеты, сидя в домашнем кресле, мог подключиться к дворцу и чувствовать себя таким же зрителем, как и двести тысяч реально сидящих. Иллюзия присутствия почти полная.

Но главное чудо дворца — сама лекция. Проводил ее не ученый или лектор, а сам дворец-фантоматорий, этот сложнейший электронный организм.

Светящийся купол дворца медленно погас и столь же незаметно и тихо растворился. Исчез полностью. Огромная чаша с рядами кресел очутилась под открытым небом. Изумрудное пятно кваркового солнца тускнело и наконец совсем растаяло. Солнце просто «выключили». Вверху

на черном бархате засияла огненная роса: Малый ковш с еле видимой Полярной звездой, вечно летящий Лебедь и сверкающая Вега.

Такого начала я не ожидал. Повернулся к Ориону и спросил:

— Может быть, разъяснишь, что все это значит? Ты же помогал в составлении программы.

Мистификатор ухмыльнулся и хранил загадочное молчание.

И вдруг я услышал голос. Говорил, очевидно, сам дворец-фантоматорий. Глубокий женский голос слышался ниоткуда и в то же время со всех сторон. Словно голос самого неба.

— Жители планеты Земля! Сидя в креслах, вы находитесь безраздельно в моей власти — иллюзорной, но могущественной. Вы совершите сейчас редкое по красоте и поучительности путешествие. Либо каждый в одиночку, либо вдвоем с другом или подружкой. Для этого достаточно установить биоконтакт, взяв за руку соседа. Вы будете видеть только его и космос, слышать его голос и мой.

Незаметно сотни тысяч зрителей дворца утонули во тьме. Их просто не стало. Я очутился в полной изоляции. Лишь подлокотники моего кресла тускло серебрились под пепельным светом далеких миров, которые мерцали не только вверху, но и почему-то по бокам, вокруг. Наступило состояние невесомости, а затем ощущение полета. И тишина, великое безмолвие Вселенной.

Моей правой ладони коснулись длинные Танины пальцы. Наши руки встретились. Установился биоконтакт, и я увидел Таню, словно выхваченную из мрака сиянием звезд.

Таня взглянула вниз и слегка вскрикнула. Я тоже почувствовал холодок страха, увидев падающую куда-то Землю. Голубой шар с белыми хлопьями облаков стремительно уплывал из-под ног, уменьшаясь в размерах. Вскоре и само солнце, окруженное хороводом искринок-планет, показалось пылающим арбузом, а потом огненной горошиной. Нас окружала живая, кипящая звездами безграничность.

— Как хорошо! — прошептала Таня. — Мы одни во всей Вселенной!

Да, это было великолепное зрелище. Мы сидели в тепле, дышали воздухом и в то же время чувствовали — вокруг ледяная жуть безвоздушного пространства.

Мимо проплыли Магеллановы облака, и мы увидели со стороны, из далекой дали нашу Галактику — огромную звездную колесницу.

— Посмотрите кругом, — бархатный женский голос слышался рядом и в то же время будто голос самой Вселенной доносился из самых отдаленных сфер. — Вы видите миллиарды галактик. Все они составляют доступную обозрению Метагалактику, нашу Вселенную.

Держась за руки, мы с Таней по-прежнему парили в пространстве. Мимо проносились уже

не звезды, а галактики в виде то огненных шаров, то закрученных серебряных спиралей. Неожиданно очутились за пределами Вселенной. Это, конечно, условность. Ни одно материальное тело не может покинуть свой континуум. Но зато мы могли со стороны наблюдать нашу Метагалактику. Точнее, одну из вероятных ее моделей — конечную во времени и пространстве. И в то же время безграничную, как безгранична поверхность шара. Нам показали Вселенную в виде гигантской сферы, раздувающегося огненного пузыря, напичканного миллиардами разлетающихся во все стороны галактик.

— Вы видите Метагалактику, одну из форм бытия бесконечной материи. Что находится за ее пределами? Является ли она рядовым членом среди других метагалактик, которые составляют гиперметагалактику, или материя дальше существует в иных качественных состояниях? Наука об этом пока не знает. Как возникла Метагалактика, наша Вселенная? Вспомним слова ученого двадцатого века. Мыслима такая космологическая схема, говорил он, в которой Вселенная не только логически, но и физически возникает из ничто, притом при строгом соблюдении всех законов сохранения. Ничто (вакуум) выступает в качестве основной субстанции, первоосновы бытия¹.

— Это была верная догадка, — продолжал голос. — Ученые того времени образно называли видимую Вселенную всего лишь мелкой рябью на поверхности неведомого вакуума. Но как представляли они рождение мира? Смотрите.

Перед нашими глазами Вселенная вдруг съжилась, сжалась в небольшой сгусток протоматерии.

— Вы видите один сгусток сверхплотной материи без своей гравитационной противоположности. Этот сверхтяжелый первоатом взорвался миллиардами разбегающихся галактик. Так образовался наш пространственно-временной континуум, наша расширяющаяся Вселенная. Можем ли мы согласиться полностью с такой гипотезой? Нет. Это было бы странное мироздание — с одним континуумом без своего антипода. Это мир, где все со знаком плюс: течение времени положительное — от настоящего к будущему, все вещество и антивещество имеет один положительный гравитационный заряд. Такое мироздание было бы вопиющим нарушением симметрии и законов сохранения. В первую очередь закона сохранения гравитационного заряда. Вообразить только одну гравитационно положительную материю, только один плюс-континуум так же нелепо, как представить правую сторону без левой, верх без низа, положительный электрический заряд без отрицательного. Электрон всегда рождается в паре с позитроном.

¹ Слова академика Г. И. Наана. Примечание автора.

Так же одновременно возникли из ничто положительно и отрицательно тяготеющие континуумы, не нарушая нулевого гравитационного баланса вакуума — этого океана нуль-материи. Мы сейчас немного больше знаем об этом океане. Давайте совершим путешествие в его глубины и будем присутствовать при гипотетическом, но более правдоподобном рождении миров.

Мы снова очутились в нашей Вселенной, в ее расширяющейся сфере, наполненной, как мешок горохом, галактиками. Плавающие миры стали меркнуть. И вот маяки Вселенной погасли совсем. Мы упали в черную бездну — в ту самую, в которую провалился наш корабль «Орел» во время черной аннигиляции. Ощущение для Тани настолько непривычное, что она в страхе прижалась ко мне. Самой ее не видно: мы в стране черного безмолвия, где не было ни звездного сияния, ни одного кванта излучения. Перед нами иная Вселенная — не пылающая и мятежная, а умиротворенная, сбросившая оковы времени и пространства. Голос Дворца не утратил мелодичности, но более низкий и глухой, чем раньше, доносился издали, будто из иного мира.

— Вы сейчас в глубине неизученного океана — вакуума. Раньше некоторые ученые предлагали считать его самодовлеющей пустотой, Великим Ничто, реально существующим небытием. Нет, вакуум — особое состояние материи, недоступное нашим ощущениям. Так называемое Великое Ничто — конечный результат всех форм аннигиляции. В первую очередь гравитационной или, по счастливо найденному выражению одного из членов экипажа звездолета «Орел», — черной аннигиляции. Вакуум — гравитационно аннигилированная, энергетически уравновешенная материя. Нуль-материя. Там нет гравитации. А если нет тяготеющей массы, то согласно общей теории относительности нет и привычных нам форм существования материи — пространства и времени. Поэтому мы и не воспринимаем нуль-материю. А может быть, время и пространство приобретают там необычные качества? Академик Спотыкаев, например, находит, что время в вакууме теряет свое главное свойство — анизотропность, однонаправленность, и становится парадоксально изотропным. Это и даст нам возможность в скором будущем совершать рейды во времени, используя в вакууме его изотропные, разнонаправленные потоки. Малоизученными необычными свойствами вакуума люди отчасти уже научились пользоваться: мы мгновенно перемещаемся в гиперлетах, как бы соскальзывая из нашего пространственно-временного континуума. Куда? В нуль-континуум, нуль-пространство, гиперпространство. Называйте вакуум как угодно, но это Великое Ничто — есть Великое Все. Там происходят пока таинственные для нас материальные процессы, которые сопровождаются громадными флуктуациями, энергетически-

ми возмущениями и выбросами вещества. Они и приводят к рождению тяготеющих масс — к рождению миров. Не одной, а двух Вселенных — в полном соответствии с законом сохранения гравитационных зарядов.

Наконец-то, — вздохнул я с облегчением. Думаю, не одному мне надоело висеть в океане черного безмолвия, в этой нулевой жутковатой Вселенной, сбросившей цепи привычного порядка. Длинные теплые пальцы Тани подрагивали в моей руке: ей тоже не по себе. Неожиданно из густого и липкого, как нефть, мрака, точно в отвесах разгорающегося костра, возникло Танино лицо. Из глубины вакуумного океана, наливаясь светом, одновременно выплыли два сгустка протовещества. Один — с положительным гравитационным зарядом — для наглядности казался желтым. Другой — с отрицательной тяготеющей массой — выглядел голубым. Оба как бы внутри друг друга. И в то же время они не соприкасались и не взаимодействовали, ибо каждый мгновенно замкнулся в свою скорлупу — в свой пространственно-временный континуум. В обоих континуумах появилось время, в каждом — свои, особые «часы». И стрелки космоса начали свой бег. Причем в противоположных направлениях.

Внезапно сгустки сверхплотной материи взорвались. Это были, конечно, беззвучные взрывы. Но создалось впечатление, что все мироздание содрогнулось от грохота. Осколки и брызги «проатомов» разлетались во все стороны, расширяя пузыри пространства. Каждый осколок — протогалактика. Они в свою очередь расплескивались, образуя шаровые, сплюснутые и спирально закрученные галактики из миллиардов звездросинок.

Две Вселенные — желтая и голубая, не соприкасаясь и одновременно «пронизывая» друг друга, расширялись. Так на энергетически (гравитационно) противоположных полюсах мироздания появились два континуума-антипода.

Зрители Дворца находились как бы на границе двух миров. Склонившись к Тане, я шепотом объяснил, что это сильное упрощение: ни одно материальное тело не может пребывать сразу в двух континуумах, в двух измерениях. То же самое сказал и голос Дворца.

— Такая система координат, конечно, невозможна. Займем философски допустимую точку наблюдения. Например, в желтом мире, считая его нашим, имеющим положительную гравитацию. Не будем, однако, упускать из виду другую Вселенную.

Желтые галактики и звезды засверкали ярче, а голубые фонари «потустороннего» мира чуть потускнели, но были хорошо заметны.

— Что это? — удивилась Таня. — Я слышала об этом, но не знала, что все будет так странно. «Наше» пространство расширялось, желтые галактики, как и полагалось, разлетались во все

стороны. Но вот «тот» мир... Его галактики, как голубые мотыльки, слетались к единому центру. Противоположная по гравитации Метагалактика съезжалась, как проколотый резиновый шар. Рядом проплывали отдельные звезды, и мы видели парадоксальную картину: голубые солнца не испускали лучи, а наоборот — поглощали их. На выхваченных из тьмы и показанных крупным планом планетах реки бежали вспять, невиданные животные пятились задом наперед. Все материальные процессы протекали там в обратную сторону. Даже водопады, ощупывая скалистую крутизну, взбирались наверх.

— Из своего континуума вы наблюдаете необычные вещи, — продолжал умолкший на минуту голос. — Энергия звезд не рассеивается, а концентрируется, галактики сжимаются. Иными словами, поток времени течет в другую сторону — от будущего через настоящее в прошлое. Так ли это на самом деле? Сменим систему отсчета, вообразим себя разумными обитателями того мира. Предположим, что они обладают нашим даром проникать взором сквозь черную пелену вакуума. Что бы они увидели?

Желтые огни нашего континуума потускнели, словно подернувшись пеплом. Зато другая Вселенная засияла во всем своем волшебном блеске. И тут мы обнаружили, что она не сжимается, как это было минуту назад, а расширяется, развертывая свои голубые цветы — галактики. И время потекло нормально — от настоящего к будущему. Теперь уже наш мир, который мы только что покинули, сжимался. Желтые солнца, подметая пространство, всасывали в себя рассеянную в нем лучистую энергию. Нам показали удивительную планету, похожую на Землю. Дожди там лились от высыхающей почвы к облакам, которые разбухали, насыщаясь влагой. А действующий вулкан ошеломил нас. Мы видели, можно сказать, антиизвержение. Вулкан взрывоподобно втягивал своим жерлом, как жадным ртом, расплавленную магму и рассеянный в небе пепел.

Но вот наши кресла качнулись, сделав рывок в сторону. Мы вернулись в «свой мир», и все встало на прежние места.

— Итак, — зазвучал голос неба, — каждый наблюдатель в своем мире, в своей системе отсчета будет утверждать, что его Вселенная развивается во времени нормально, а противоположная — в обратном порядке. Кто из них прав? Оба правы и оба неправы. Земной житель, наблюдая за космическим кораблем, пролетающим мимо с околосветовой скоростью, заметит, что время там течет в два раза медленнее, а сам корабль сжался с двухсот метров до ста. Нет, возразит космонавт, с пространством и временем у меня все в порядке, а вот у вас, на Земле, пространственные интервалы сократились вдвое, а бег секунд замедлился. Кто из них прав? Вы знаете

теорию относительности и понимаете, что вопрос этот бессмыслен.

— Таким образом, каждый мир сам по себе расширяется, развивается по второму началу термодинамики, по закону возрастания энтропии. Но по отношению друг к другу, находясь на противоположных гравитационных полюсах мироздания, они сжимаются, развиваясь по принципу не рассеяния, а концентрации энергии. Они взаимно антиэнтропийны. Кто знает, может быть, здесь и надо искать ответ на вопрос, так смущавший ученых двадцатого века? Может быть, отсюда идет спасение от «тепловой смерти» Вселенной? Миры-антиподы, видимо, как-то взаимодействуют, энергетически поддерживают друг друга, соблюдая закон сохранения энтропии. Материальные процессы в них протекают во встречном времени. То, что для нас было вчера, для них будет только завтра. Поэтому обе Вселенные некоммуникабельны, неощутимы и невидимы друг для друга. Может быть, сейчас рядом с нами, даже внутри нас проплывают пылающие солнца или населенные планеты. И в то же время оба мира неизмеримо далеки, разделенные беспросветным океаном вакуума. Обе Вселенные составляют две половинки, два энергетических полюса единого мироздания, состоящего из трех континуумов. Причем нуль-континуум, вакуум — главный, первооснова всего.

Рассказ о симметричной структуре мироздания закончился. Дворец-фантоматорий приступил к основной части лекции. Он показал десятки миллиардам зрителей странствия звездолета «Орел». У меня защемило в груди, когда увидел знакомые очертания родного корабля. В космосе он выглядел крохотной рыбешкой. Корабль несся в черном аквариуме Вселенной, мимо серебристыми пузырьками проплывали звезды. Сейчас я со стороны мог наблюдать неудавшуюся попытку избавиться от выгоревшего топлива — свинцового шара, который после утечки положительных гравитонов стал чужаком в нашем континууме, телом из минус-материи. Пространство всколыхнулось от беззвучного взрыва черной аннигиляции. Имитация катастрофы — идеальная. Мы увидели пугающий разрыв пространства. Воронкой взрыва звездолет «Орел» всосало в бездонный океан вакуума. В круговороте нуль-материи корабль вместе с экипажем получил отрицательный гравитационный заряд и был выброшен на другой полюс мироздания — в минус-континуум.

Конечно, такой способ перехода в другой континуум весьма рискован. Корабль, например, мог вынырнуть в центре звезды и сгореть в ее атомном котле.

— Космонавтам неслыханно повезло, — сказал голос. — Их выкинуло в минус-галактику. По воле случая она структурно напоминала нашу спиральную Галактику. Более того, они попали в

тот рукав минус-галактики, где взаимное расположение светил отчасти походило на звездную конфигурацию нашего неба. Поэтому у членов экипажа не было и тени сомнения, что они у себя, в своей области Вселенной. Недавно наши гиперзвездолеты через нуль-континуум просочились в другую Вселенную, в ту же область. Гиперастронавты познакомились с таисянами, на планете которых побывали наши предшественники — экипаж корабля «Орел». Подружились мы и со своими братьями по биологической расе и социальному устройству — жителями планеты Аир. Но речь сейчас о ее враждебной соседке — планете Харде. Именно там закончил свой путь корабль «Орел».

Дальше Дворец говорил о моих странствиях и причинах технологического коллапса. Я не буду подробно излагать мнения земных ученых, так как они совпадали со взглядами нашего капитана. Причины гибели, информационного свертывания цивилизации в основном социальные, хотя не следует забывать и о других факторах. Явление это, как и гибель цивилизации в результате ядерной войны, чрезвычайно редкое. В нашем континууме только одна планета Глория, отстоящая от Земли за тысячу световых лет, попала в подобный технологический капкан. Если на Харде — информационная пустыня, то Глория выглядит из космоса несколько иначе. Металлический панцирь с лесом выбрирующих антенн — вот что осталось от когда-то цветущей планеты и ее гуманоидной расы.

Лекция по космологии и космосоциологии сопровождалась волшебным зрелищем. Мы забывали, что все это фантоматическое представление Дворца. Временами я терял ощущение кресла под собой. Было этакое свободное парение вдвоем в межзвездных просторах.

Лекция завершилась торжественно, а для меня с Орионом весьма неожиданно.

— Наше путешествие подходит к концу, — заговорила Вселенная бархатным голосом Дворца. — Сейчас отправимся в свой континуум, на родную планету. Будем лететь сквозь миры под звуки симфонической поэмы композитора Татьяны Кудриной «Из звездных странствий».

Я с изумлением и укором взглянул на жену.

— И ты молчала?

— Это в отместку за ваши мистификации, — улыбнулась Таня.

— Орион знает?

Моя правая кисть очутилась в необъятной ладони Ориона. Установился биоконтакт, справа из тьмы выступила могучая фигура моего соседа.

Нет, Орион ничего не знал. Это было видно по его свирепым сдвинутым бровям. Посеребренный звездным сиянием, он выглядел на темном фоне неба разгневанным космическим богом. Орион взмахнул кулаком и прогремел на всю Вселенную:

— Татьяна! Ну, подожди...

Он отпустил мою руку и исчез в пустоте. Явление из мрака «грозного» Ориона было столь внезапным и комичным, что мы расхохотались. При этом я нечаянно выпустил Танины пальцы. Биоконтакт прервался. Я остался один. Меня обступил безграничный космос с шевелящимися песчинками звезд. Но вот руки встретились, и я увидел Таню.

В этот момент Вселенная чуть всколыхнулась. Седые лучи ее светил завибрировали и запели, как струны. Непривычная, странная мелодия иного мира... Сначала нежная и приветливая, она постепенно насыщалась звуками пугающей окраски — начался переход в великий нуль-континуум. Звезды потускнели. Серьезное, чуть напряженное лицо Тани — творца этой необычной поэмы — обволакивалось тьмой. Под нарастающий грохот, от которого замирало в груди, мы упали в черную бездну вакуума. И тут все оборвалось. Тишина казалась безраздельной. Но вот из бескрайнего бассейна нуль-материи, из его немислимых глубин послышались отдаленные барабанные удары. Могло показаться сначала, что «вакуумная» часть поэмы была без светового сопровождения. Но это не так. Мне почудилось, что во мраке скользнула еще более черная тень. Подумалось, что это тень кантовской «вещи в себе» — тень Непознаваемого. В моем воображении Непознаваемое (а точнее, пока непознанное) рисовалось почему-то в виде неведомого черного всадника, скачущего по железной крыше мироздания. Повелительные удары, как топот чугунных копыт, рушились со всех сторон. Гул прокатывался по вакуумному океану и колыхал его. Он вызывал картины непонятных возмущений нуль-материи, энергетических флуктуаций и выбросов вещества. В неизученном, неподвластном человеку нуль-континууме все волнуется и движется. И сверкающие звездные миры — не более, чем мимолетный блеск и трепет его волн.

Как все верно и как все немножко жутковато! Я тихо сказал об этом Тане.

— Подожди, — послышался слева ее шепот. — По контрасту все остальное — сплошная песня радости.

В музыкальную ткань вплетались иные тона. Пугающий гул затихал. Неведомый всадник удалялся вместе с тревожным рокотом копыт. Мы выплывали из вакуума в свой континуум. В вековой тьме слабо замерцали светлячки, затем звезды нашей Вселенной засверкали в полную силу. Словно радуясь своему рождению, они вздрогнули и зазвенели колокольчиками, запели их струнные лучи. На нас обрушился каскад торжественных, меднозвонящих звуков. Обогащая музыку, космос разворачивал свою величественную иллюминацию. Несколько условный и театральный, он шевелился, как живой, полыхал всеми цветами радуги.

Не знаю, на сюжет какого литературного произведения была написана светосимфоническая поэма, но программность музыки чувствовалась хорошо. Мне не составило особого труда вообразить себя гиперастрономом, возвращающимся домой. Путь экипажа не был беспечальным. Врывались грозные ноты, и на нас накатывала волна тревоги, подступало ощущение смертельной опасности. Под минорные звуки, под их задумчивые и протяжные переливы, похожие на рыдания, хоронили погибших товарищей.

Но вот мы снова мчимся по великой галактической дороге, по тому звездному рукаву, в котором находится наше Солнце. Все печали таяли в лучезарных аккордах. Мы летели под гром стеллизирующихся метеоров, под нежный шелест хвостатых комет и трубные зовы планет.

А звуки то росли, то утихали. Они сплетались между собой, как лианы, и рассыпались звонкими каплями дождя. Вдруг звездный фейерверк взорвался, разбрызгивая каскады торжествующих аккордов. В груди запело сладкое чувство: я увидел Солнце и родную планету. Она ближе и ближе. Мои ноги погружаются в вату облаков. Легкий толчок приземления, и я очутился вместе со всеми зрителями в раскрытой, как циклопический цветок, чаше Дворца. Над нами искрились знакомые с детства северные созвездия.

Финал светомызыкальной поэмы... Трудно, почти невозможно передать его словами. На темном небе запыхало вызванное лазерными лучами северное сияние. Огромные радужные полотнища развеивались и трепетали, как флаги. Семицветные струны сияния тянулись вниз и вибрировали. И в этих струнах, приветствуя прибывших вакуумастрономов, звенели ветры земных просторов, гремели водопады горных рек, шелестела листва прохладных лесов.

Полотнища северного сияния свернулись и потухли. Из-за горизонта выплывало, гася звезды, зеленое кварковое солнце. Зазвучала мелодия рассвета — нежная, как прикосновение проснувшегося ветерка, тихая, как шорох падающей росы...

Дворец-фантоматорий выполнил свою программу. Его купол сомкнулся. Все встали и аплодировали, довольные сказочной лекцией-путешествием, этим удивительным фантоматическим представлением, в том числе и заключительной частью — звездносимфонической поэмой. Какая-то женщина в соседнем ряду узнала Таню. Она протянула в нашу сторону руки и крикнула:

— Автору музыкальной поэмы!

Новый обвал аплодисментов. Таня, притихшая и растерянная, дергала меня за рукав и шептала, не поднимая ресниц:

— Уйдем отсюда... Скорее!

...Это было вчера. А сегодня я должен огорчить Таню — я скоро улетаю. Расстанемся, надеюсь, на очень короткое время. Месяца через три

эскадра вакуумкораблей, пронизав черный нуль-континуум, уйдет за грань нашего мира, в звездные сферы.

Звездные сферы... Пронизав черный вакуумный океан, наша эскадра из двадцати боевых вакуумкораблей очутилась в минус-континууме, в спиральной Галактике, удивительно похожей на нашу.

Обитателей планеты Аир — точно таких же людей, как и мы, — я впервые увидел на их гигантском космодроме. Здесь встретились мы и с таисянами — уже знакомыми мне порхающими жителями планеты Таиса. Их боевой флот готовился к старту на другом конце космодрома. Мы не стали ждать, когда придут звездолеты отдаленных цивилизаций. Корабли трех планет и без того обладали мощными средствами нападения и защиты.

Расстояние до пиратской планеты Харды — двадцать световых лет — объединенный флот преодолел в два гиперскачка. Это напомнило мне поход старинных подводных лодок: погружение в Великое Ничто и скачок в десять световых лет, затем всплытие на звездную поверхность для ориентировки и новое погружение с очередным прыжком. Каких-нибудь двадцать часов, и мы у цели — вблизи системы, похожей на Солнечную.

Харда встретила сотнями и тысячами самовзрывающихся снарядов, выскочивших, очевидно, из необъятных информационных кладовых пустыни. Но эти беспилотные космические аппараты легко истреблялись лазерными лучами и отгонялись защитными полями.

Тогда Харда силовыми щупальцами захватила ближнюю планету своей системы. Превратив ее огромную массу в энергию, Диктатор-Сатана нанес по нашим кораблям мощный испепеляющий удар. Но мы были готовы и к этому. Корабли быстро погрузились, почти нырнули в глубину вакуумного бассейна, выставив на звездной поверхности крохотные наблюдательные зонды — своего рода перископы.

Внезапное исчезновение эскадры, видимо, озадачило Диктатора. Пока в его суперэлектронном мозгу происходили какие-то «мыслительные» операции, ищущие оптимальные решения, мы вновь всплыли на поверхность. При этом один земной крейсер по неосторожности очутился слишком близко к защитной сфере. Легко, словно играючи, Сатана схватил крейсер силовой лапой-протуберанцем и втянул внутрь сферы. Мы увидели яркую вспышку. Очевидно, один из членов экипажа сумел во время нападения солдат взорвать корабль.

Однако решительных действий суперэлектронный Диктатор предпринять не успел. Вокруг его силовой сферы мы натянули свою — энергетически мощную изолирующую сферу. Колоссальная энергия для ее поддержания поступала от ближайшей одинокой звезды по заранее проделан-

ному нами вакуумканалу. Сатана был блокирован прочно и надолго.

На этом помощь землян закончилась. Жители планеты Аир, отработав технику рейдов во времени, сами смогут незаметно проникнуть в прошлое Харды, еще до эпохи Генератора. Там они внесут в общество такие изменения, при которых история планеты пойдет по другому пути. Парализованный и заблокированный Сатана будет болезненно вычеркнут из реальности.

Земная эскадра еще немало дней гостила на планете Аир. Затем начался обратный путь домой. Наши вакуумкорабли перевалили через нуль-континуум на другой полюс мироздания, в свою звездную Вселенную.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поющие луга

(Вместо эпилога)

С высоты десятого этажа смотрю на холмистые поля и леса, на синеющие вдаль пологие Уральские горы и не перестаю удивляться контрастам последних двух лет моей жизни. Кажется, только вчера я был в пустыне и видел мертвецов, выскакивающих из песчаных информационных хранилищ. А сейчас сижу на уютной зелени веранде трехсотэтажного дома-города. Сужающийся кверху и похожий на гигантскую елку, город-сад медленно вращался, равномерно подставляя солнцу свои бока.

Та сторона города, где находится наша квартира, незаметно поворачивалась к югу. Солнечные лучи, проткнув подрагивающую листву, упали на стол и рисовали меняющиеся причудливые узоры. Шмель, чудом залетевший с полей на десятый этаж и дремотным гулом нарушивший тишину, уселся на невзрачный цветок. Раскачав его, опять загудел и тяжело переплыл на соседний цветок. Снова тишина... И не верится, что совсем недавно надсадно выли корабельные сирены, кроваво вспыхивали аварийные лампочки: наш обратный переход не был таким уж гладким. Погиб еще один вакуумкорабль, утонул в неизмеримых пучинах нуль-континуума. Вероятно, у него погасло поле хронозащиты. Корабль, как скорлупку, подхватили вакуум-изотропные, разнонаправленные потоки времени и занесли в прошлое. В очень далекое прошлое. Быть может, в пору огненно клокочущей юности Вселенной.

Земля торжественно встречала эскадру, хотя мы принесли не только радость успеха, но и горечь потерь. Наша экспедиция — заметная веха в истории космических цивилизаций обоих полюсов мироздания.

Миллиарды жителей Земли, Луны, Венеры и Марса видели на экранах, как наша эскадра, погасив фотонные двигатели, медленно опускалась на гравитационных платформах. На Камчатском космодроме находились только семьи астронавтов.

Ориона встретили Инга и шестилетняя Настя с неизменным букетом в руках. Увидев цветы, «варварски» сорванные на примыкающих к космодрому полях, Орион только крикнул, поморщился, но ничего не сказал.

Таня приникла головой к моему плечу. Потом, протянув руку, облегченно вздохнула:

— Ну, здравствуй, Странник! Звездный Скиалец!

А вечером она пригласила в Антарктиду наших общих друзей — гиперастронавтов. Гостей набралось около полусотни. Они кое-как разместились на берегу небольшого пруда. На противоположном берегу, метрах в пятнадцати от нас, склонились над водой Танины инопланетные питомцы. Кварковое солнце угасало, и в таинственных полярных сумерках светящиеся цветы переливались, окрашивая водную гладь колышущимся семицветьем радуги. Зрелище великолепное. Но то, что мы услышали, превзошло все ожидания.

Гибкие пальцы Тани забегали по клавишам аппарата, излучающего радиоволны. Многокрасочная пульсация непривычно огромных цветов, вначале хаотичная, приобрела стройность и ритм. А в затрепетавших лепестках зазвучали тихие рассветы, шорохи трав, гул сумеречных лесов. Загрохотали морские бури, и, словно на невидимых крыльях мелодии, мы унеслись в космос. Мы слышали то волнующие, как ветер, земные легенды, то шелест иных планет, летящих в звездных пространствах...

А цветы полыхали, бросая на лица слушателей багровые, синие, зеленые отсветы.

Счастливая Таня принимала поздравления и благодарности за столь яркое и необычное светомузыкальное представление. Даже Орион, настроенный вначале весьма иронически, удивленно хмыкнул и снисходительно потрепал сестру по плечу:

— Молодец! Твои лягушки не подвели.

...Не заметил, как прошло два часа. Пирамидальный город-сад повернулся на 180 градусов, и веранда опять в тени. На севере, в тридцати километрах отсюда, в лучах заходящего солнца четко выступали очертания огромной голубой тарелки. Это новый город, чудо гравитационной техники. Он парил в воздухе над излучиной Камы и походил издали скорее не на тарелку, а на циклопических размеров цветок. Чуть наклоненный к югу, цветок медленно вращался и, подобно подсолнечнику, сопровождал наше светило, раскрывая навстречу лучам свои гигантские лепестки-сектора.

И снова вспомнилась Таня, ее увлеченность цветами и музыкой. На другой день после светомызыкального вечера в Антарктиде мы поселились в пирамидальном доме. В тот же день, вот на этой веранде, Таня делилась со мной своей мечтой.

— Природа допустила небольшой просчет, — говорила она. — В лесу поют птицы, звенят сосны, шумит листва. Выйдешь в поле — цветы... Они приятно пахнут, ласкают глаз. Но почему молчат? Они должны звучать, как музыка, петь, как птицы! Что нужно, чтобы исправить оплошность природы? Небольшое вмешательство в генетическую основу...

Таня рассказала о своей будущей работе, в которой найдут применение обе ее профессии — биолога и композитора. «Поющие луга» — так я тут же назвал ее проект, фантастически трудный по исполнению. И вспомнил подходящие к ее замыслу стихи поэта XIX века:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что смотрите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы,
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

— Какие хорошие стихи! — обрадовалась Таня. — Вот видишь, поэты давно мечтали о поющих степях. Вернее, они воспринимали их поющими. Колокольчики!.. Они должны у меня именно звенеть, тихо и нежно. Чуть громче, на манер пастушеской свирели, будут звучать полевые лютики. А ромашкам и василькам отведу роль первых скрипок. Мои питомцы в Антарктиде — не то... Это почти биороботы. А наши дорогие с детства полевые цветы останутся у меня такими же живыми. И откликаться они будут не на грубые радиоволны, а на биоизлучение человека!

Мне понравилось, что Танины луга будут жить словно в едином ритме с человеком, с его думами и настроениями. Отзываться на биоизлучение человека! Эти слова подказали мне замысел фантастической картины, которую я вскоре начал писать. Картина под названием «Поющие луга» должна стать у меня своего рода картиной-метафорой, картиной-символом. Один вариант готов, стоит сейчас на веранде передо мной. Многое хочется вставить в картину: и просторы степей, в которых то печет солнце, то гуляют дожди и грозы; и бесшумный скользящий поезд; и парящий вдали на горизонте город. Фантастический, еще никем невиданный сиреневый аэрогород, этаким медленно вращающийся шар-глобус, плавающий на гравитационных волнах. На переднем плане — люди: гиперастронавт, только что вернувшийся на Землю, и его подруга. Они идут по тропинке среди пахучего степного разнотравья. Медуницы и ромашки, яркие лютики и трогательные васильки — все цветы вблизи людей вздрог-

нули лепестками, отозвавшись на биоизлучение. Они чутко уловили их настроение и встретили никем и никогда неслыханной мелодией. Лица двоих изумлены и радостны, их мысли и чувства сливаются в едином звучании с природой...

...Зашуршали под ветром листья, и на моем столе заплескали солнечные блики — веранда вновь на южной стороне. Сзади послышались легкие шаги — пришла Таня. «Жаворонок», — с нежностью подумал я, когда на моих плечах зашевелились ее длинные гибкие пальцы.

— Заканчиваешь свои воспоминания?

— Да. Есть кое-что и о тебе.

Таня ушла в небольшой зал с высоким, акустически выверенным полусферическим потолком и села за электронный музыкальный аппарат, сочетающий достоинства многих старинных инструментов — рояля, скрипки, органа, арфы. Зал рядом с верандой, и я хорошо слышал, как Таня импровизировала. Под ее удивительными пальцами расцветала сказка, где солнечные дали открывались одна за другой.

На западе, за лесистыми увалами, запылал костер вечерней зари. Я смотрел на колышущееся море и думал о том, каким странным сиянием, предзакатным блеском озарилась моя жизнь, прежде полная тревог и опасностей. Теперь, казалось бы, можно отдыхать, тихо грезить и писать фантастические картины о поющих лугах. Но я еще не стар. Я — астронавт и пока еще не думаю о Земле, как об уютной гавани, где можно осесть навсегда. Скоро в другой рукав нашей Галактики уйдет новый отряд вакуумкораблей. Именно там находится загадочная Глория. По отрывочным сведениям наших космических братьев и соседей, на Глории в давние времена развивалась цивилизация технологического типа. Сейчас планета лишилась биосферы. Она покрылась металлическим панцирем, оцетинилась лесом антенн и огромных вибрирующих усиков, которые стреляют аннигиляционными разрядами по всякому приближающемуся кораблю. Там произошел, очевидно, технологический коллапс. Жители планеты по неосторожности попали в ими же сделанный капкан. От них не осталось, быть может, даже информационного следа. И нельзя сказать, что на Глории, как и на «потусторонней» Харде, виной всему был несправедливый общественный строй. Здесь решающую роль сыграли другие факторы.

Может быть, гедонизм? В Совете Астронавтики я высказал предположение, что Глорию населяла изнеженная гуманоидная раса, передавшая технике заботу о себе и всякий труд, в том числе духовный. Рассуждения Незнакомки из Вечной гармонии о технологической эволюции, обретающей самостоятельность, не лишены основания. Непомерно разросшаяся техносфера на гедонистической планете Глории стала нянькой бездумно наслаждающихся жизнью разумных существ, спрятавшихся в электронных или иных уютных от

природы, духовных поисков и труда. Потом техносфера, вытесняя биосферу, обрела полную самостоятельность, «поумнела» и в конце концов решила, что гуманоиды — тупиковый вариант эволюции, который следует упразднить.

Одна из задач новой экспедиции — проверка моей гипотезы.

...Закатный костер на западе погас, дотлевали его последние тускнеющие угли. В темном небе рассыпался светящийся пепел — легионы далеких солнц. Мыслью, воображением я уже там, в распахнувшейся звездной тиши, в которую вплетаются еле слышные задумчивые звуки, извлекаемые Таниными пальцами. Думаю, что разлука с Таней будет не слишком долгой.

Вакуумэскадра совершит переход к отдаленному витку Галактики в считанные месяцы, минуя релятивистские эффекты со временем. Не пройдет и года, как корабли выплывут из черных глубин вакуумного океана на свет, на волнующуюся звездную поверхность. Вынырнут вблизи Солнечной системы. И я увижу издали нашу Землю... Не информационную глобальную пустыню, а зеленую планету в синем плаще океанов, где нас будут ждать аква- и аэрогорода, прохладные леса и поющие луга.

НОВИНКИ   НОВИНКИ   НОВИНКИ

Дмитрий БИЛЕНКИН
ПРОВЕРКА НА РАЗУМНОСТЬ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1974, 272 стр.

«Всесилие человека не в его силе, не в мощностях покоренных им энергий, не в изоэлектричности построенных им машин — оно в гибкости, широте и дальновидности его мышления... Человек разумен только тогда, когда способен подметить, оценить новое и действовать в соответствии с реальностью, какой бы она ни была». Эта мысль о творческом характере человеческого мышления лежит в основе большинства новых рассказов Дмитрия Биленкина.

Александр КАЗАНЦЕВ
ФАЭТЫ.

М., Изд-во «Детская литература», 1974, 464 стр.

Оказывается, между орбитами Марса и Юпитера когда-то вращалась вокруг Солнца еще одна планета — Фаэна, и был у нее естественный спутник Луа. Но обитатели планеты развязали братоубийственную войну, в результате которой Фаэна распалась на куски, — из них-то и произошел пояс астероидов, — а Луа едва не погубила юную Землю... Обо всем этом, о том, как последние из фаэ-

тов попытались помочь Земле избежать катастрофического столкновения с Луа, и рассказывает в своем новом романе Александр Казанцев.

Виктор КОЛУПАЕВ
КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1974, 192 стр.

В новый сборник Виктора Колупаева вошли пять рассказов и повесть, давшая название всей книге.

...Немногим более двух недель отсутствовал на планете экипаж грузопассажирской ракеты «Фиалка». За это время что-то непонятное произошло на Отшельнике. На радиовывозы «Фиалки» не отвечает Центральная, молчат и остальные двадцать баз. Что же случилось? Куда бесследно исчезли, как выяснилось, все 210 исследователей, находившихся на планете?..

Вадим ШЕФНЕР
СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1974, 272 стр.

В повестях Вадима Шефнера, собранных в этой книге, есть представители внеземных цивилизаций, обладающие, как им и положено, невероятными техническими возможностями. Есть земные изобретатели, иные

из которых не прочь посредством чудодейственных приборов и микстур ошастливать человечество. Но, пожалуй, главное в этих повестях — душевные свойства героев. Те самые доброта, бескорыстие, простодушная доверчивость, которые ставят «неудачника» — а героя Шефнера, как правило, именно «неудачника!» — значительно выше живущих рядом с ним и, казалось бы, преуспевающих обывателей.

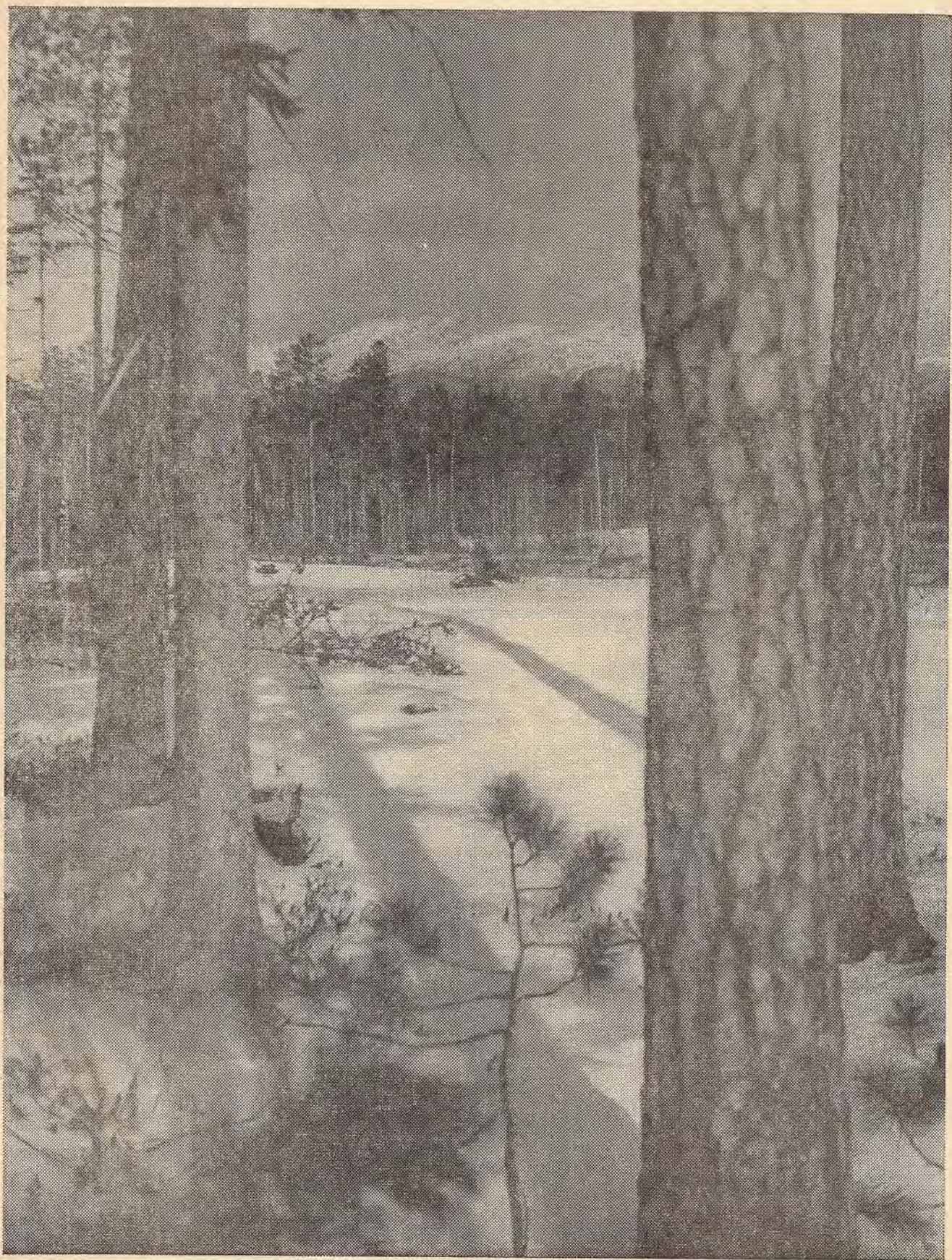
Н. Ф. СБОРНИК НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ.

Выпуск 13.

М., Изд-во «Знание», 1974, 224 стр.

Сборник открывается повестью Георгия Гуревича «Приглашение в зенит». Ее герой, писатель-фантаст, знакомится со своим читателем — грузным, лысым, с шаркающей походкой. И тот преподносит сюрприз: фантаст получает возможность побывать в Звездном Шаре — скоплении бесчисленных миров, населенных самыми разнообразными разумными существами...

НОВИНКИ   НОВИНКИ   НОВИНКИ

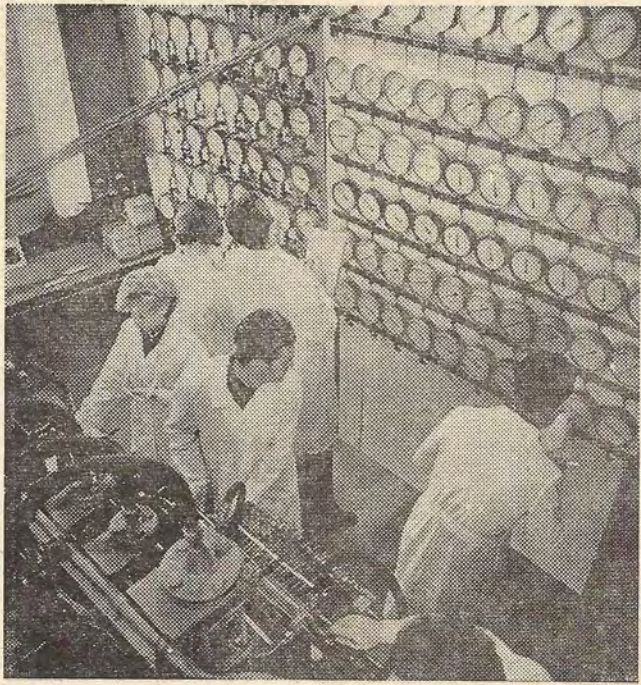
Зондируется вода

Казалось бы, мы все знаем о воде. Но когда это простейшее жидкое тело движется по трубопроводу, то, бывает, ведет оно себя странно. При обычных условиях поток подчиняется законам физики, а вот при больших скоростях и давлениях возникают явления, которые ставят ученых в тупик.

В лаборатории гидравлики Пермского политехнического института создан уникальный стенд для зондирования потока жидкости. Здесь регистрируются малейшие изменения в потоке.

Сотрудники лаборатории уже получили интересные данные о поведении быстротекущей воды. Эти изыскания найдут затем широкое применение в народном хозяйстве.

На снимке: в лаборатории гидравлики Пермского политехнического института.

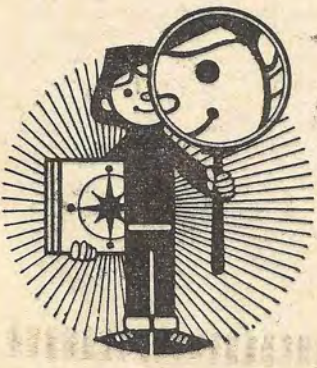
**Баланс
Ллойда**

Один дотошный маринист подсчитал, что если поднять со дна океанов все затонувшие суда, то цепочка их смогла бы дважды опоясать земной шар по экватору.

В конце 1973 года английское классификационное общество Ллойда сообщило, что в его регистрационных книгах числится около 60 000 затонувших судов всех флагов мира. Общий тоннаж этой армады достигает 300 миллионов тонн. В период с 1970 по 1973 год в среднем ежедневно на морское дно отправлялось одно судно.

Причины бедствий на море различны: пожары и взрывы, аварии двигателей, устройств и оборудования, столкновения, посадка судов на мели, скалы и рифы, тяжелые погодные условия...

Морской флот относится к наиболее безопасным видам транспорта. Однако мрачные «рекорды» еще не исключены.

МИР

НА ЛАГОНИ

«ПолярOID»

из ЧПИ

Широкой известностью пользуется студенческое конструкторское бюро «ПолярOID» из Челябинского политехнического института.

По просьбе Ирбитского мотоциклетного завода студенты решили повысить надежность двигателя и добились своего. Пробег мотоцикла «Урал-4» увеличился на 20 тысяч километров. Это усовершенствование экономит четверть миллиона рублей.

Студенты-исследователи из «ПолярOIDа» решили еще шесть крупных технических проблем для заводов страны.

Через «ПолярOID», как через своеобразный студенческий научно-исследовательский институт, прошло 150 студентов. Многие из них, получив хорошую практику, стали учеными.

На снимке: в лаборатории «ПолярOIDа».

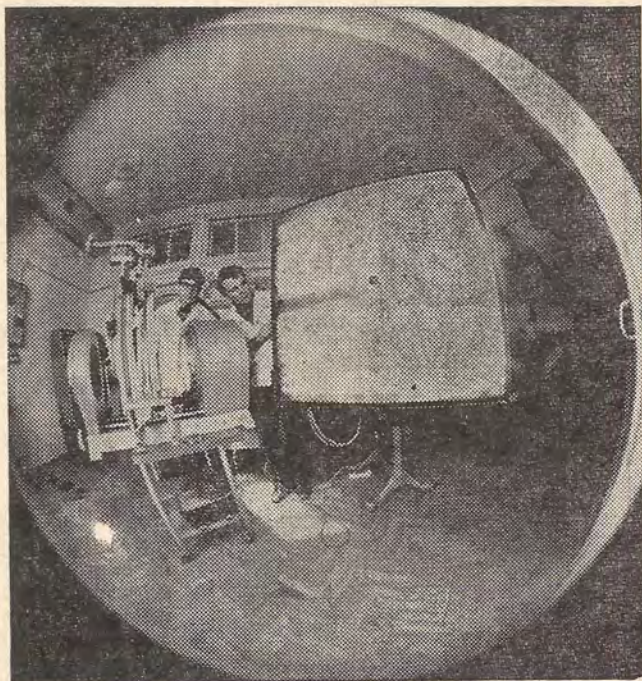

Фото
Алексея Бабушкина.

Зуб, который слышит

Миниатюрный приемник монтируется в... зубе. Маленькая рация, которая лежит в кармане, ловит звуки и передает их приемнику во рту. Через кости черепа звуки проникают во внутреннее ухо.

Сконструированный учеными Калифорнийского университета «зуб, который слышит» может в некоторых случаях, если у больного не повреждено внутреннее ухо, заменить слуховой протез.

Вот это старик!

Четыре года назад Кацудзи СинадзакИ пришел к финишу международного марафонского пробега в Швеции последним. Но он тогда прославился больше, чем победитель. И не случайно: бегун из Японии был... в три раза старше победителя.

Сейчас, как пишут газеты, старик СинадзакИ опять удивил мир: в 74 года решил, наконец, получить образование.

Школа находится в 10 км от дома СинадзакИ, и он ежедневно бегает туда и обратно — 20 км в день.

Питекантроп

был

здоров

У современного человека слишком много зубов! — так считает английский медик Р. Тейт. Современный человек ест чересчур мягкую и жидкую пищу. Поэтому его зубы не подвергаются в течение жизни такому естественному износу, который необходим, чтобы они оставались здоровыми. Набор из 20, в крайнем случае из 24 зубов, был бы в наши дни вполне достаточен — к такому выводу пришел Тейт, зубной врач, кстати, по специальности.

Хорошо ли видел

трилобит?

Хотя трилобиты, эти похожие на мокриц существа, жили более 500 миллионов лет назад, их глаза, состоящие из множества хрусталиков, мало чем отличались от глаз современных насекомых. Что ухитрялся видеть трилобит в вязком иле палеозойских морей — можно только гадать. Но как он видел — мы сейчас знаем.

Английские ученые заменили окаменевшим хрусталиком глаза трилобита, жившего 450 миллионов лет назад, объектив микроскопа и сделали через него несколько фотографий. Оказалось, что такой объектив обладает необычайной глубиной резкости. Изображения получаются в фокусе в границах от нескольких миллиметров до бесконечности. Зрению трилобита, право, можно было позавидовать.

НОЛЬ ЧАСОВ НОЛЬ МИНУТ НОЛЬ СЕКУНД

В это мгновение всегда безаварийно стартует Новый год... А с какого боку планеты начинается год свой торжественный лет? Сначала ответим на этот вопрос, уж затем полетим вместе с Новым годом вокруг хрустяще-снежной и мягкозеленой Земли, чтобы порадоваться успехам старых и молодых людей и подивиться праздничным обычаям разномыслных народов.

Граница дней — это меридиан, отстоящий на 180 градусов от Гринвича. Линия перемены дат проходит точно между Азией и Америкой. Здесь и рождается всякий день — и счастливый новогодний тоже. И жители чукотского поселка Уэлен первыми на земном шаре встречают Новый год.

А он уже пролетает над нашей необъятной страной, и стрелки часов, как часовые, салютуют, вытягиваются друг за дружкой под цифрой «12», и звучат поздравления на русском, бурятском, казахском, грузинском, украинском...

Но — о других странах.

Индия... Здесь Новый год официально отмечается 1 января, фактически в разных краях страны празднуют «по скользящему графику». Вплоть до весны. Перед сбором зимнего урожая. Молодежь, заметим, не томится в застолье, а устраивает состязания в стрельбе из лука.

Япония... Это не только страна Восходящего солнца, но и страна сдержанных сердец. Хотя современный обычай поощряет шумное празднование ночи под Новый год, и уже

древние римляне бурно реагировали на перемену дат, устраивая игры и шествия с лавровыми венками, и в средние века было много шума в Новый год — стреляли из ружей и жажали из пушек, пели и кричали, неистово звонили в колокола, ибо не виделось им более эффективного способа изгнать злых духов, но японцы — всегда сами по себе... Вняв колокольному звону (108 ударов), они в час самого ликования, в двенадцать дружно укладываются на покой, чтобы поскорее увидеть пророческие сны, а ранним утром созерцать величественный восход солнца.

Летосчисление у японцев имеет цикл — 12 лет. Годы носят названия животных. Год мыши, коровы, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи. 1975 год — год зайца. Все, кто родится под знаком косога, воспримут характер неотважного животного. Конечно сие суеверие ныне воспринимается с юмором, и младенцы 75 года далеко не все вырастут пугливыми, как зайцы.

Корея... Она как бы в пику Японии в ночь под Новый год не смыкает очей, весело бодрствует. «Если в ночь под Новый год будешь спать — брови поседеют». Так предупреждает засонь пословица. И веселье вскипает... Тут девушки соревнуются по прыжкам в высоту — на качающейся доске.

Камбоджа... И тут Новый год отмечают весной. В день праздника в городах и деревнях появляются неисчислимы холмики из песка. Каждая

песчинка — прощенный грех. Так у камбоджийцев многотрудное искупление грехов зиждется на песке...

И «округлим» Азию. Скажем, что в некоторых ее странах — лунный календарь, более короткий, чем солнечный, потому мусульманский Новый год — не январский, и он странствует по месяцам календаря.

Итак, вперед, в Европу! Уже мелькает здесь меховая шапка Деда Мороза.

В англосаксонских странах дети перед сном подвешивают к спинке кровати чулки — Дед Мороз тайно наполнит их игрушками и сладями. В Швейцарии игрушки приносит святой Иосиф, вернее, привозит, так как ему положен по службе очаровательный ослик. Итальянцы получают по почте друг от друга рождественские пироги. Французы ужинают подле украшенных елок. Польские юноши колядуют, ходят по домам с поздравлениями, а в руках их фонарь-звезда. Немцы еще хранят традицию: надо под Новый год положить на стол 12 луковиц, сделав в них углубления и сыпнув туда соли. Съели какие-то луковицы соль — те месяцы будут дождливые. Кстати, украшение елок первыми начали в 18 веке немцы. Но стоп! Помолчим... В Болгарии настала минута новогодних поцелуев, таков здесь старинный обычай.

Перемахнем через Ла-Манш. Мужчины в Шотландии собираются на площадях. Все всех потчуют виски. Поют. Шумят. Ночь пролетает, как захватывающий футбольный матч. А утром вступает в силу обычай

«первой ноги». Кто первым ступит на порог чьего-то дома, тот приносит счастье семье. Рыжие в игру не принимаются — увы, традиция.

Гавана... Жители белой, как океанский лайнер, столицы перед Новым годом наполнили кувшины водой и теперь выливают ее из окон: пусть старый год улетит, как эта прозрачная струя.

Америка... Индейцы встречали Новый год у высокого костра (нынешние туристы с удовольствием подражают им), а современные американцы ждут в высотных домах деловитого Санта Клауса... Где же кончается первый день Нового года? Почти там же, где начинался, за Беринговым проливом, на Аляске, в Уэльсе.

И осталось сказать... тост. Январский Новый год в России — юбилар. Неутомимая десница Петра I подписала и такой указ: «...повелеваю перенести начало года на 1-е января (1700 г.)». Значит, год уходящий праздновался 275-й раз. Пусть Новый год и в пятисотый раз будет счастливым!

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

В 1974 году

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА

ПРОЗА

Белов В. Рассказы о всякой живности. № 3.
Богданов Е. Черный соболь. № 5—7.
Вакуловская Л. Колючие звезды. № 10.
Гаврилова С. Педагогический совет. № 4.
Иванов И. Букет. № 11.
Каплин В. На озере Магнит. № 12.
Николаев В. Пуше неволи. № 9.
Никонов Н. Подснежники. № 1.
Новоселов В. Кузня. № 2.
Попов Н. На Чае. № 11.
Пикуль В. Сага о гироскопах. № 8.
Романовский С. Ледоход. № 5.
Сабина Л. Трое и мотор. № 1.
Токарев И. Чудак-человек. № 10.
Чернов Ю. Чуколаевы луки. № 11.
Шушарин А. Своим судом. № 12.
Яровой Ю. Особый случай. №№ 3—4.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

Биленкин Д. Земные приманки. № 8.
Губин В. Капитан Немо в России. № 7.
Губин В. Прошлый век в космосе. № 8.
Дороги должны катиться. Без винта и без ветрил. Окно в земной мир. № 6.
Кириченко А. Давным-давно. № 1.
Колупаев В. Звезды. №№ 5, 12.
Немченко М. Мальчишки, мальчишки... № 7.
Новинки. № 5.
Прашкевич Г. Мир, в котором я дома. № 2.
Прашкевич Г. Шпион в юрском периоде. № 9.
Слепынин С. Звездный странник. №№ 10—12.
Суркис Ф. Перекресток, или сказка о тави. № 4.
Шалимов А. Вторые тени. № 6.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

Беляев И. Дом. № 6.
Богданов В. Скажи мне, яблоня. № 9.
Вишнякова Н. Мир мой мал. № 1.

Домнин А. Побратимы. № 4.
Иванов В. Последний. № 12.
Комлев А. Я видел, как настал веселый день. № 1.
Найдич М. Оознавательные знаки. № 12.
Поскребышев О. Помогла весна подскокою. № 5.
Румянцев Л. Мой мастер. № 8.
Санина Р. Все ради вот этой дороги. № 11.
Сибирев В. Запоздалый дождь. Молодость. № 12.
Скворцов К. Игра в войну. Глобус. Высота. № 2.
Сорокин В. Просыпались росы от ливня. № 7.
Сорокин Л. Перед грозой. Скорость. Майкор. Лабытнанги. № 3.
Суворов В. Кузнец. Журавель. Снегирей-то на увалах... № 12.
Тер-Акопян А. Песенки. № 10.
Трифонов Ю. Рабочий квартал. Солдатка. № 6.
Цветков Г. Романтическая ночь. На реке. № 6.
Шанбатуев М. Пристань. Олени. № 12.
Шустов В. В те семнадцать лет... № 7.

ЛЮДИ ПОДВИГА

Вильнер З. Коляска. № 4.
Головин Н. Нить Ариадны. № 3.
Кимельфельд Я. Пять сыновей Белостоцкого. № 5.
Корабельников А. А было это так. № 4.
Крашенинников А. Июнь грозовой. № 9.
Маркова О. Братишка с «Гангута». № 2.
Моторин А. У своего памятника. № 10.
Переплеткин З. Таежная быль. № 2.
Поповский М. Прочно стоять на глобусе. № 10.
Савельзон В. Кавалер ордена Труда. № 11.
Сафонов В. ...в военкомат не прибыл... №№ 7—8.
Скробов Я. Сын артиллериста. № 2.
Соларев А. Навечно в памяти живых. № 4.
Татаринцев А. Женщина с геройским духом. № 8.
Трейлиб Г. Человек может все. № 11.

Троицкий В. Подвиг штурмана В. И. Альбанова. № 12.
Форманюк А. Одиссея Игната Вагина. № 5.
Щербаков А. Первая ласточка. № 6.
Щербаков А. На камнях лепесток свечи... № 8.
Щербань А. Ездовой Цысь. № 1.
Делать жизнь с кого
Устюжанин Г. Наставник. № 10.

ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ

Алексеев Г. Дорога к центру Азии. № 12.
Веселов В. Новички в пустыне. № 8.
Граевский А. Северный завоз. № 2.
Иванов А. Оренбургский уникум. № 5.
Коп А. «Пляжи» на болотах. № 2.
Мешавкин С. Лая — фабрика мяса. № 11.
Моисеев А. Там, где кончается асфальт. № 10.
Нагибин А. Таз — река сибирская. № 2.
Нагибин А. Стройка учится. № 6.
Нагибин А. Город стальных стрел. № 7.
Осипов Г. Новые руслу рек. № 12.
Панкратов В. Трудные метры высоты. № 9.
Рябов П. Вертолеты идут на Харасавэй. № 7.
Федоров С. Мы — целинники. № 4.

НАЙТИ СЕБЯ

Богуславская О. Самостоятельный парень. № 2.
Вайсберг Б. Пять дней в начале пути. № 1.
Вайсберг Б. Спираль Савельева-третьего. № 7.
Давыдов И. Федька и Федотыч. № 2.
Коротких В. Специалист. № 6.
Липатников Ю. Объявляю своим делом. № 10.
Липатников Ю. О ребячем заводе и заводских ребятах. № 12.
Панкратов В. Самоутверждение. № 6.
Поздний Б. Старое седло. № 11.

Пучков В. Записки санитарного врача. № 8.
Сидоров М. Митька, морячок и я. № 5.
Турунтаев В. Мастера и подмастерья. №№ 11—12.
Щетнев Л. Озаренье. № 7.
Яковлев В. Веселенькая арифметика. № 6.

ТРОПОЙ ПОИСКА

Баньковские В., В. и Л. Землетрясения на Урале. № 9.
Большаков А. Ехал поэт из ссылки. № 10.
Брулинская М. Зачем взвешивают комаров? № 1.
Галазимов В. Как погиб Ермак? № 9.
Гребенников В. В стране насекомых. № 5.
Давыдычев Л. Живописец-огонь. № 9.
Ибрагимов З. Приглашение в голографию. № 3.
Иванов Б., Петухов А. Откуда пришла тульская гармоника. № 2.
Карташев Е., Слукин В. Пропащая страна Эльдorado. № 1.
Миркин Б. 30 тысяч километров по Монголии. № 9.
Моложавенко Вл. Заветные клады. № 5.
Никитин С. 60 километров чудесных превращений. № 3.
Петровская И. Судьба «Астраханки». № 5.
Тхоржевский В. Память в... пробирке. № 12.
Харин С. Среди белых медведей. № 6.
Хохлачев В. Заполярная Помпея. № 8.
Шмаков А. С думой о «набеглом царе». № 1.
Энергия времени. Интервью с доктором физ.-мат. наук Н. А. Козыревым. № 7.
Яровой Ю. Грани памяти. № 6.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Анушкин А. Приключения библиотеки. № 4.
Богачев А. Именной указ Е. И. Пугачева. № 9.
Борисов П. Все ли мы знаем об авторе «Овода»? № 12.
Брайнин И. Страницы биографии академика Ферсмана. № 11.
Гомельская С. Знает только Чупин. № 3.
Григорьев А., Филатов А. Уральская академия. № 5.
Деркач П. Каменное диво Урала. № 10.
Елфимов Ю. Каслинская лениниана. № 1.
Дильман В. Завод о девяти печках. № 11.
Коверда П. У истоков соцсоревнования. № 2.
Козлов А. Уточнение известного письма. № 6.

Коровин А. Челобитная Ивана Матвеева. № 3.
Коровин А. Корреспондент с Урала — кто он? № 6.
Кузнецова Л. Мальчик, поймавший звезду. № 1.
Куликова В. Первые ликбезы. № 3.
Марихин Н. Деревянная швея. № 4.
Морозов В. Золотой век Миасской долины. № 10.
Никитин А. Книжки с ярмарки. № 12.
Павлов В. «Точка употребляется для отдохновения...» № 7.
Пермяков Г. Шпага Витуса Беринга. № 11.
Петрин В., Смирнов Н. Рисунок тысячи лет. № 1.
Походов А. Екатеринбург. 1899 г. № 6.
Рябинин Б. Тропа его жизни. № 4.
Рябов Ю. Летающий земляк. № 8.
Рябов Ю. Памятники Ермаку. № 9.
Соломин С. «...на реке Миясе...» № 2.
Томский В. Первый в свете. № 3.
Федоров С. Комсомольцы двадцатых. № 7.
Шакинко И. Библиотека Татищева. № 10.

СТРАНА ТОПОНИМИЯ

Андрюков В. Топонимика на службе геологии. № 8.
Кахтурский А. И нарекли реку... № 12.
Матвеев А. Кто окрестил горку? № 6.
Матвеев А. Названия-путешественники. № 7.
Матвеев А. Дело о лжезырянах. № 8.
Якушев М. Чаган. № 3.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Ардашева М. Великая сила — братство. № 2.
Имя гордое — юный ленинец. № 5.
Кимельфельд Я. По следам одного письма. № 3.
Ковешников П. Пушкин на Дону. № 2.
Попов С. Книга школьного музея. № 11.
Ротштейн Л. По лесам и полям. № 2.
Яшкин Л. Сашин штаб. № 11.
В каждом номере следопытская хроника.
Даем адреса поиска
Богуславская О. Ответ на письмо читательницы. № 5.
Муратов А. Необычная операция. № 8.
На все руки
Еловских В. Уроки родной земли. № 9.

Костина Л. Дворец мастеров. № 1.
Курашова Т. Какая ты, далекая планета? № 2.
Петров А. Кто на что горазд. № 3.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Банькин В. «Чечевицу видите?» Прodelки Туули. Розовый слон. № 6.
Баталов В. Речная мелодия. № 10.
Дедов П. Дед Проша. № 6.
Дудников Н. Путешественник. Шомох. № 7.
Клещев Д. Лесные тропы. Яшка. Лиственница. № 2.
Лихачева З. Побег из бочки. № 4.
Николаев Н. Дымок нашел друга. Лекари. Кормильцы. № 7.
Полюнов И. В таежной глуши. № 1.
Сергеев Б. Розовая птица фламинго. № 6.
Твердов Е. Русалкина коса. № 4.
Яхонтов В. Ипатка. № 2.

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

Гринев Г. Календарь природы. № 7.
Житников В. Урал и Сибирь в живом слове. № 5.
Липатников Ю. Сто страниц перед дорогой. № 11.
Соколова Г. Единство жизни. № 5.
Стариков В. Перед лицом будущего. № 3.

РАЗНОЕ

Александров А. Кофе по-сингапурски. № 2.
Асс А. Экслибрисы. № 3.
Баландин Л. Трасса поет. № 3.
Блинов В. Серебряный куржак. № 12.
Дижур Б. Куклы, куклы, куклы... № 6.
Зотов Вл. Костровая наука. № 5.
Корж Л. Амбра. № 3.
Костина Л. Необычная коллекция. № 2.
Котюх А. Географические микрооткрытия в Арктике. № 7.
На краю земли русской. № 5.
Орлов И. Березовый сок. № 3.
Осипов Г. Алтайская мозаика. № 4.
Райшев Г. Там, в детстве... № 8.
Цимакуридзе В. Жук в янтаре. № 1.
Черашняя Д. Глазов. Студия юных. № 7.
Широкова Н. Будь мужчиной. № 4.
«Мир на ладони». Информация. №№ 7—12.

Редколлегия «Уральского следопыта» отметила лучшие публикации минувшего года. На этот раз призами журнала отмечены:

Повесть архангельского писателя Евгения БОГДАНОВА «Черный соболь» [№ 5, 6, 7].

«Рассказы о всякой живности» вологодского писателя Василия БЕЛОВА.

Очерки «Пять дней в начале пути» [№ 1] и «Спираль Савельева-третьего» [№ 7] свердловского инженера Бориса ВАЙСБЕРГА.

Краеведческие заметки под рубрикой «Страна Топонимия» свердловчанина, профессора Александра МАТВЕЕВА [№ 6, 7, 8].

Иллюстрации к фантастике и обложки [№ 1, 2, 8] свердловской художницы Евгении СТЕРЛИГОВОЙ.

Очерк участника научной экспедиции на остров Врангеля, тагильчанина Сергея ХАРИНА «Среди белых медведей» [№ 6].

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
НАШИХ ЛАУРЕАТОВ!**

Е. БОГДАНОВ

В. БЕЛОВ

Б. ВАЙСБЕРГ

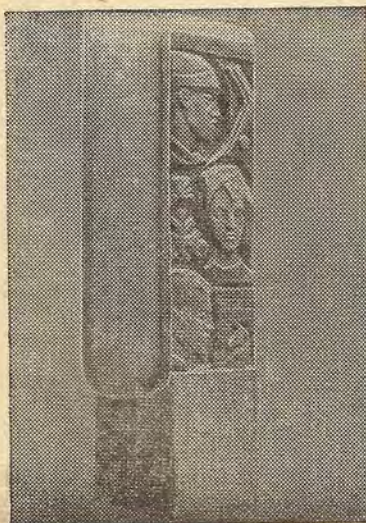
А. МАТВЕЕВ

Е. СТЕРЛИГОВА

С. ХАРИН

Свердловский обком ВЛКСМ, рассмотрев работы, выдвинутые на соискание премии в области литературы и искусства за 1973—1974 годы, постановил присудить премию комсомола журналу «Уральский следопыт» — литературно-художественному научно-популярному ежемесячнику для детей и юношества, органу Союза писателей РСФСР, свердловской писательской организации и Свердловского обкома ВЛКСМ.

Премия присуждена, как отмечается постановлением, «за большую многолетнюю литературную и общественную деятельность по воспитанию молодого поколения на революционных, боевых и трудовых традициях».

Юношеская многодневная велогонка на приз журнала «Уральский следопыт» в минувшем году была проведена впервые. Состязались 10 команд Свердловска и области. Победитель гонки — команда спортивного общества «Локомотив». В личном зачете первый — Александр Черемисинов.

И в новом году лучшие велогонщики Свердловской области будут вновь бороться за переходящий приз журнала.

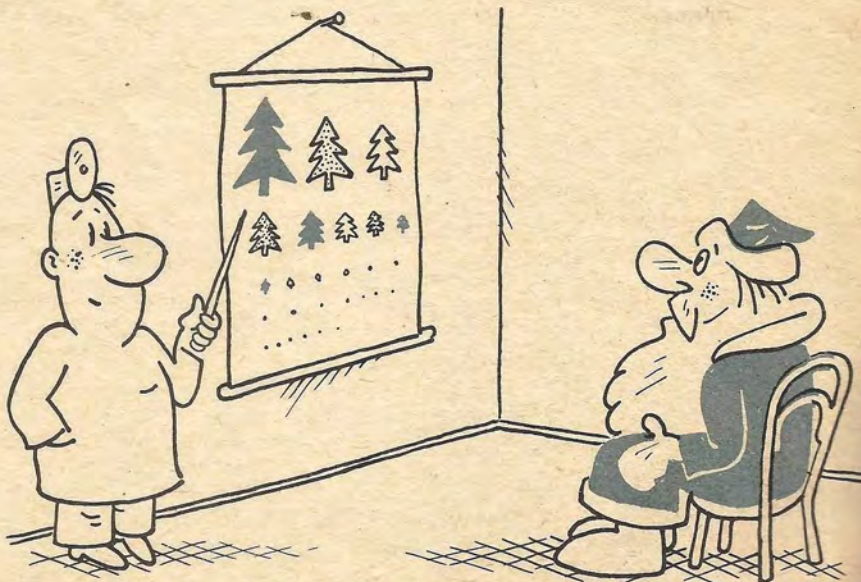
БЫТЬ
ИЛИ НЕ БЫТЬ?

— В ТВОИ ГОДЫ Я БЫЛ СОВСЕМ ДРУГИМ

Рисунки
С. Ашмарина,
братьев Васильевых,
Л. Голубева
и В. Милейко

«ПРИБЕЖАЛ ОЛЕНЬ»

«ОИ ПЛЫВЕТ, ПЛЫВЕТ ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА»

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ. Раскрашенные линогравюры.
А. СУРГАЙЛЕНЕ (г. Вильнюс)

НАШИ ЧИТАТЕЛИ, ВИДИМО, ЗАМЕТИЛИ, ЧТО С СЕДЬМОГО НОМЕРА МИНУВШЕГО ГОДА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ВЫХОДИТ В НОВОМ ОФОРМЛЕНИИ. НАПИШИТЕ, ПОНРАВИЛОСЬ ЛИ ОНО ВАМ.

КАКИЕ НОВЫЕ РУБРИКИ, ТЕМЫ В ЖУРНАЛЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ НЕОБХОДИМЫМИ. ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ УВИДЕТЬ В БУДУЩЕМ ГОДУ НА ЕГО СТРАНИЦАХ!

ВАШИ ПИСЬМА ПОМОГУТ РЕДАКЦИИ СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ИНТЕРЕСНЕЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЕЕ. ЖДЕМ!